

(((СОНАР)))

№ 15, 2024 г.

Хайфа, Израиль

Редколлегия журнала (((СОНАР)))

Марина
Симкина

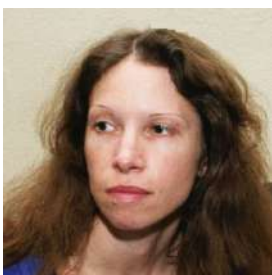
Анжела
Беленко

Ирина
Л. Лир

Анатолий
Анимица

Ольга
Логош

Леонид
Штернберг

Электронная почта редакции: rougelangue@gmail.com

Номера журнала: <https://sonar.ecoimper.net> <http://geotar.com/sonar>

Сонар медиа все выпуски: Сонар аудио и видео

Все права на публикуемые в журнале произведения принадлежат их авторам. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

В оформлении номера журнала использованы картины Берты Шварц.

1 страница обложки: Натюрморт с лимонами, х., м. 89x50, 1960 г.

4 страница обложки: В горах (этюд) х. м. 35x50, 1970 г.

Выпускающие редакторы: Анатолий Анимица, Марина Симкина.

Оглавление

Эли Бар-Яалом	
Блюз на кончике иглы	4
Ирина Тверская (Ирца)	
Что вернёшь мне?..	13
Леонид Дынкин	
Судьба обетованная	18
Ольга Любарская	
Масада. аудиозапись, читает автор Масада.mp4	33
Михаил Язмир	
Неожиданная встреча	43
Ирина Л. Лир	
Лари	48
Фриц Штернберг	
История репатрианта-пенсионера	57
Диана Беребицкая	
Только один вопрос	78
Марина Симкина	
К слову. Аудиозапись, читает автор Звонок друга.m4a	80
Игорь ЛеШ	
Семейный портрет в интерьере XX века	82
Ирина Л. Лир	
Искры света Льва Утевского	119
Александр Вильшанский	
Одни ли мы на планете?	144
Ефим Богомольный	
Работа на Израильской железной дороге	158
Сведения об авторах	164
Берта Шварц.	
К 110-летию со дня рождения	168

Эли Бар-Яалом

Блюз на кончике иглы

Выбор

В тёмном море
пожирает корабли
плод истерзанной земли,
краснозубое чудовище.
С ним воюет
ясноглазый супермен,
рыцарь, поднятый с колен,
веры-правды стопудовый щит.

Как приятно:
сразу видно, кто есть кто —
дивно белое пальто,
через мглу горят его лучи.
А по жизни —
ты вписался за своих,
ибо дело право их,
а они-то были сволочи.

Через годы
внуки спросят: как ты мог
искорёжить некролог
за мгновенье, и не более?
Не ответишь:
не затем, что ты глухой.
Просто ты олгой-хорхой,
где-то ползаешь в Монголии.

А забавно:

то, что внукам — героизм,
их потомкам — атавизм,
а потом идёт забвение.

Остаётся

станцевать у края мглы
блюз на кончике иглы
на мгновенье, или менее.

11.6.2024

Диалог на скамейке

[я:]

— мне страшно от потери цели:

теологи сортирных врат
с учёными мышшиной щели
орут распространяя смрад
и спорят икс веков подряд
о том кто создал перигелий
и учредил эм це квадрат.
попытки дырчатые измы
умами жаждущими клизмы
набросить аж на антарес
мой испарили интерес
мне скучно бес

[он:]

— а я не бес

[я:]

— а кто?

[он:]

— я птициан небес
творец надмирных лексиконов
я гол и бос помимо глосс
живое золото лепреконов
я сам не бес но бесов босс

[я:]

— послушай босс земля икает
на авеля кивают «каин»
постправды пост поставлен в сеть
и век останется висеть
сказали мне что жизнь такая
что и к бесправдью привыкают
что я смогу прожить и без
но скучно бес

[он:]

— а я не бес

[я:]

— а кто?

[он:]

— я душемышелов
я был казнён за игры слов
и неподверженность психозам
мой труп лежал в земле бесхозен
как меж страниц сушёный лист

[я:]

— а дух?

[он:]

— я материалист
и в несловесном не эксперт но
жизнь и досмертно и посмертно
отсутствует, а в мире есть
лишь нефть фантазия и честь

[я:]

— так я об этом
честь исчезла
и как по мановенью жезла
ложь ухо мира оплела
все вещи ложь и все дела
и вся мораль людей и наций
есть результат манипуляций
а правда тихо умерла
не приспособлен корифей к
тому что антифейк есть фейк
что швейк что цвейг что мастер ложи
по темя нашпигован ложью
и я как ни прискорбно тоже
и потому идут во тьму
и безнадежно безнадежны
мои разборки что к чему
моя наука страсти нежной
моё спасение принцесс
мой вклад в общественный прогресс
я сам как мысленный процесс
бесмысленный
мне скучно бес

[он:]

— всё это было в прошлом веке
у фейка нет нужды в хай-теке
и наци и большевики
спокойно лгали от руки
и поднимались человеки
и становясь в единый строй
ложились в ряд в земле сырой
я отчего играю звуком?
чтоб не сдаваться этим штукам
я отчего ушёл в шуты?
давай уйди со мной и ты
наплюй на всё но не предай
мне руку дай
и наблюдай
сейчас ты пропадёшь бессловно
из человеческих родословных
но станешь родичем звезде

[я:]

— ты человек на букву д
отныне я с тобой везде

[он:]

— тогда не бойся и шагни

[я:]

— где я? что это за огни?

4.11.2024

Ultreia et suseia

моей маме

Всё дальше вдаль и всё выше ввысь
за тенью идём след в след,
за шагом шаг, а иначе — брысь,
к вершине, которой нет.

Всё круче путь, всё трудней тропа,
земля поставлена на попа,
а вниз-то уже нельзя.

Зачем ползём, для чего идём
по мрачным этим местам?
Мы раньше верили, что там дом.
Но дом-то точно не там.

И есть ли дом? Только, если есть,
он здесь, на этой горе,
он в том, чтоб чуть повыше залезть,
поднять глаза и смотреть,

как вьётся звонче, длинней, ясней,
дорога вверх, как струна;
как долго можно идти по ней —
плевать, что уже не нам.

8-9.11.2024

Австралийка

Может,
как испекли
нас из дорожных
комьев земли,
так и уложат
где-то вдали
и переплавят?
Скажем,
просто в цветы:
они не так же,
как я и ты —
намного глаже,
без суеты,
небо восславят.

Дрогнет
чья-то рука,
когда он тронет
ткань лепестка.
Стебель застонет:
"наверняка
ему виднее".
Ломка
на два пути:
бросить ли, скомкав?
Дать ли цвести
и незнакомке
преподнести
где-то в Сиднее?

Правый
времяпоток:
выросли травы,
сгинул цветок,
у переправы
Леты глоток —
и в темноте мы.

Левый
выбор стройней:
пиршество с девой,
море огней,
и на столе — вон —
ваза, а в ней
мы, хризантемы.

Хриза-
нтем Хризостом,
квантовый физик,
ящик с котом,
видите кризис?
В месте пустом
нам помогите!
Как там
выглядит код,
чтоб сделать фактом
нужный нам ход?
Как сдвинуть фатум?
Физик и кот,
много ли гитик?

Наблю-
датель, спаси!
Двинулись грабли
вновь по оси.
Чопорной набле
функции пси
все мы безлики,
зыбки...
О, если бы
стёрлись ошибки
нашей судьбы
тенью улыбки
тонкой губы
той австралийки.

...—16.8.2024

Ирина Тверская (Ирца) Что вернёшь мне?..

***

Отдать тебе книгу про Кордову?
Про Севилью, да про Гранаду?
Золотистый луч взгляда гордого?
Что вернёшь мне, равное взгляду?

Подарить тебе книгу про Кордову?
Андалусию и Гранаду?
Ты зелёною песнею в сон траву
Мне у ног положил гранаты...

Протяну тебе книгу про Кордову...
Громким шёпотом: про Гранаду...
Оживёт пусть твоими аккордами
Полуночная темень сада...

Так о чём я, скажи? Про Кордову?
Про Севилью ли? Про Гранаду?
Забирай мою душу чёртову!
Без тебя мне она не нада!

***

Осень катится к завершенью.
Время движется к декабрю.
Там, где чай с пирогом и вареньем.
Приходи, я тебе заварю.
Ты охотишься за решеньем.
Это очень пугливый зверь.
Цепь раздарена вся по звеньям.
Дай Бог выбраться без потерь.

Перейти через ночь Самайна,
Став у пропасти на краю.
Месяц выйдет с ножом из тумана,
Но я дверь тебе отворю.

У нас весело и тепло.
Звон гитарный, шум голосов.
И покуда не рассвело,
Дверь не заперта на засов.

Это, видимо, тост: "За сов" —
Буривухов, Говорунов...
Ты, как Золушка. Бой часов
Разрушает мир до основ.

Дверь открыта, и ты бежишь
По ступеням в ночную мглу,
Как одетая кошкой мышь,
Тенью, тающей на углу...

Перспектива, конечно, та ещё...
Взгляд с усмешкой, ожог руки...

Кашель поезда где-то лающий,
Затихающие шаги...

Осень катится спелым яблоком,
По тарелочке, а то как?!
Я бы спела, да в горле ком...
— Ночь Самайна, пошли мне знак!
Я просила сквозь соль в глазах.
Я просила, а ветер пел...
Старый дом на семи ветрах
Голос твой отпускать не хотел...

Это осень. Всего лишь осень,
Я сама себе говорю.
Да, характер её несносен,
Растрепавши причёски сосен,
Осень катится к декабрю...

Слезы катятся по щекам...
Снова ждать, не пойми чего...
Этот голос я не отдам!
Только как мне услышать его?

Улыбаюсь. Такая работа.
Доброй Ведой среди людей.
Птеродактиль вылетит — фото.
Амфибрахий ли — воробей.

Крылья ветра дорог упруги,
Серебристый Дракон, Бог дорог,
Забери все иные звуки...
Приведи вновь на мой порог...

Пусть медведи трутся сильнее,
В ночь Самайна, крутись, Земля...
Но сказать заклинанье не смею,
Чтоб вернуть своего Короля...
Сам пускай воротится,
Скажет: "Как же я по тебе скучал,
Ты ведь та, что полжизни снится,
Мой маяк, мой огонь, мой причал..."
Песни крыльями станут. Близким
Небо станет: живи, свети.
Не по-шведски, не по-английски
Друг от друга нам не уйти...

Это осень колдует звёзды,
Это огненное письмо,
Сомневаться сегодня поздно,
Все случится, мой друг, само.

Мы уйдём по мирам. Услышим
Сонмы песен прекрасных там.
Ночь Самайна крадётся по крышам
Чёрной кошкою по дворам...

Небо – скетчбук, да звёзды — ноты.
Осень ластится к декабрю.
Жизнь прекрасна! Не бойся, что ты?!
Я тебе её подарю...

***

Допустим, что Тропы тайные...
Среди птиц одинаковых всё же узнай меня,
Среди колонн древнего города, среди волн и свай,
Приморского марева, горного холода, просто — узнай...

Просто в гитарных аккордах зелёные льдинки,
Чёрно-белые ноты, чёрно-белые снимки,
Искры звёздного неба, на босую ногу — рай,
Просто узнай, в этом зелёном пламени, просто
сыграй...

Просто ли, "вечность" сложить из фигур ледяных?
Просто ли, вдруг оказаться среди своих?
Просто ли, снова поверить, что жив, о Кай?
Просто узнай меня, просто узнай... узнай...

Леонид Дынкин

Судьба обетованная

*Не соревнуйся со злым, не завидуй творящим
несправедливость, ибо, как трава, быстро
засохнут они, и, как зелень травы, увянут.
Псалом царя Давида*

Память о детстве – годах сороковых, времени 2-й мировой и дальше, похожа на истончающийся призрак – всё более удаляющийся. Многие предметы, лица затуманены временем. Осталось эмоциональное – то, что не забывается, что дороже...

Москва. Я один дома среди мешков и чемоданов. Непросветляемая серая мгла за окном. Стёкла перекрещены по диагоналям полосками серой бумаги. Раньше много людей бывало в нашей комнате. Теперь – никого. Только строгие, хриплые голоса – из чёрного репродуктора рядом с дверью. На шкафу – чёрный футляр со скрипкой. На потолке – тусклая лампочка без абажура. На ней, с одной стороны, тёмное пятно...

Как отец в 1941-м уходил на фронт, не помню – мне тогда не исполнилось и четырёх лет. Но эпизод возвращения его, весной 1942-го, в каких-то деталях помнится. Мы в эвакуации. Город Молотов. Живём в большом строении с многочисленными дверями по обеим сторонам длинного коридора. Я стою на пороге нашей комнаты в конце этого коридора, а на противоположном его конце – мама, и рядом с ней отец в военной форме. У отца за плечами какой-то огромный мешок. Он подходит ко мне, улыбается – светится весь, сбрасывает мешок, берет меня на руки. Я обнимаю его шею и не хочу отпускать...

У отца была бронь, и его официально не призывали, но он добился отправки и ушел на фронт с ополчением. После боев за Москву, в конце ноября, вышло постановление Совнаркома о восстановлении

подмосковного угольного бассейна. Специалистов-угольщиков собирали по всем фронтам. 1942 год отец был уже в Москве, но за нами он смог приехать только в начале мая.

Светлый летний день. Сажу на плечах отца, и мы идём куда-то по высокой траве. Отец громко и весело декламирует стишок:

«У попа была собака, он её любил. Она съела кусок мяса, он её убил. И в землю закопал...»

У нашего барака ребята во что-то играют, и звучит считалочка:

«...Мы в саду поймали вора. Стали думать и гадать, как бы вора наказать. Оторвали руки-ноги и пустили по дороге».

Убил, оторвали... Все смеются, всем весело...

Ночами часто просыпаюсь от того, что за перегородкой кто-то плачет.

Опять зима, большие горы снега. Мы куда-то уезжаем. Суета, суета... Похоже, это был переезд в другую комнату, на Сретенку.

Москва. Тёмный двор. Угрюмый переулочек. Угрюмая улица. Низкие тучи. Метель. Мне очень холодно. Мимо женщины тянут за собой санки с укутанными до глаз малышами. Проезжают редкие троллейбусы. Часть окон в них закрыты чем-то плотным, непрозрачным. Они почти все залеплены грязным снегом.

У гастронома и булочной длинные, тихие, как изваяния, очереди. Многие в сапогах и валенках. И над всем этим сумрачное марево из заматающей дороги и дома бесконечной и колючей снежной крупы – будто некая декорация, на фоне которой происходят какие-то тревожные для всех события. Слышится откуда-то издали музыка.

Я смотрю на маму, она говорит, что это из нашего кинотеатра. Сретенский бульвар мы обходим стороной. Там у скамеек странные люди в чёрных телогрейках и чёрных шапках. Я спрашиваю, почему они там стоят. Это плохие люди, – отвечает мама, – не надо там ходить. Я не понимаю, что это значит. Встречаются военные. Останавливают, о чём-то спрашивают

Декабрь, 1941 год. Крымская площадь.

Т

Москва. 41 год¹

---

¹ 2 фото из Интернета (выбранные автором).

Детский сад. Теплый весенний день. Много света. Нас выводят гулять. Идём к зоопарку. Стоим у ограды на солнышке. Кто-то из нас спрашивает: «Сталин – это имя или фамилия?»

1943 год. Сентябрь. Папа в госпитале – воспаление лёгких после практически непрерываемых посещений угольных шахт.

Мы с мамой долго идем по обочине разбитой просёлочной дороги. Высокие шумные ветви над нами. Когда проезжает грузовик, дорожная пыль оседает не сразу, колет глаза.

Серое здание с широким крыльцом. У входа – военные.

Входим, нам дают белые халаты.

Кровать отца – единственная в палате. Мама сидит на табурете у его постели. Я выхожу на балкон с видом на заросший зеленью дворик. Из палаты слышатся бодрые голоса. Отец говорит обо мне и про то, что какой-то груз нужно куда-то срочно везти...

Возвращаемся по той же дороге домой. У меня в руках букетик из разноцветных осенних листьев. Отошли совсем немного от больницы. Нас догоняет женщина в белом халате. Назад – бегом. Мама впереди. Я тоже бегу и боюсь потеряться...

Папы не стало 17 сентября 1943 года. До появления пенициллина оставалось совсем немного времени. С того дня поселилось во мне нечто, от чего трудно дышать и ничего не хочется. Память об этом дне не тускнеет, и чувство одиночества, усугублённое многими жизненными обстоятельствами, не отпускает и поныне.

Для меня начинался отсчёт какого-то иного измерения. Я этого, конечно же, не сознавал, но чувствовал – чем дальше, тем глубже. И – больше...

1944 год. Мне уже седьмой. Зима. Раннее утро. Меня, укутанного, мама ставит в длиннющую очередь у молочного магазина, что-то торопливо объясняет мне и соседке по очереди и куда-то убегает. Я долго стою в этой молчаливой холодной очереди. Вдруг впереди – крики, возня. Кто-то догоняет парня в чёрной телогрейке, валит его на землю, бьёт. Приезжают военные, забирают обоих.

Моя очередь подошла. Я подаю в окошко бидончик, талончик. Мне налили в него литровый черпак молока, дали какой-то пакетик. Иду

к своему переулку. Там, у разрушенного угла дома напротив, достаю из моего тайника стальной прут и, держа его в варежке, иду дальше – к своей подворотне. Соседские ребята, сверстники мои, задираются, кричат вслед, смеясь, какие-то слова. Слова я не разбираю, но интонацию, которую слышал потом сотни раз, запоминаю – на всю жизнь. Прут гибкий, его побаиваются. Иначе – не получается.

В этот год мы с мамой пошли записываться в школу. Не будь столько детей в нашем микрорайоне, может, и взяли бы, и не посмотрели, что до семи лет не хватает всего неполных полутора месяцев. Но первоклашек оказалось на несколько классов, человек по сорок в каждом. Когда семь исполнилось, опять пошли с просьбой зачислить в школу – не взяли опять.

Что делать, надо ждать длинный год – до сентября 1945-го. А как? Куда меня девать, непонятно. Мама работала с утра до ночи. Я один. Двор – единственное пристанище.

Наступал 1945-й год. На подоконнике несколько еловых веточек, связанных в пучок и украшенных фантиками и кусочками фольги. В этот вечер с наступлением темноты объявили о салюте в честь очередного освобождённого от фашистов города. Мы с соседями наблюдаем салют на улице. Народу много. Все улыбаются, кричат, поют. Я указываю маме на безногого человека в обрезанной шинели – на доске с железными колёсиками. У него огромные борода и усы. Он пытается взобраться на высокое аптечное крыльцо. Ему помогают. Он плачет.

И много за этот год произошло событий.

Во-первых – Победа. Всюду разговоры о ней – на кухне, в магазинах и просто на улицах – с надеждой на лучшую жизнь, на внимательное отношение к людям.

Во-вторых – мама решила создать новую семью. Я помню тогдашнее моё состояние: мне казалось, во мне родился айсберг.

1945-й, 9-е мая. Я со своими друзьями глубокой ночью вернулся с Красной площади совершенно обалдевший от всеобщего и безудержного

восторга. А в нашем кинотеатре тем временем шел фильм «В шесть часов вечера после войны». С сеансом 18:00!

На улице появились военные в шинелях и бушлатах. Много улыбчивых лиц. Чистые троллейбусы. Очереди в кинотеатр – не короче, чем в магазины.

Кончилась 2-я мировая война, а моя только начиналась...

Август 1945 года. И был я тогда отправлен в бессрочную ссылку в городок «Сураж на Ипути» Брянской области – родину немалой прежде общины Дынкиных, к тётушке моей, которая когда-то жила в соседнем поселке и была очень дружна с моим отцом, а после войны поселилась в его опустевшем доме – доме деда и прадеда моего.

В этом славном доме я и поселился. Там я и пошёл в первый класс. А дом, где были оборудованы школьные классы, был примерно в трех километрах от Суража. Зимой, когда были свободные сани, – подвозили.

Человеческое тепло тетушки, ее сердечность смогли растопить верхушку того айсберга. Я несказанно благодарен ей за это милосердие.

Весна 1946-го. Необычно жаркий майский день. На школьном дворе общее торжественное построение – празднование годовщины Победы, а потом и наше окончание первого класса. Уходили мы со школьного двора, переполненные добром, ощущениями счастья, открылённые свободой.

Наша речка Ипуть, ещё не вполне согретая весенним солнцем, манила к себе, и не было тогда ничего, что могло бы остановить нас.

Наша ли беспечность – купание в студеной нечистой воде, пряники ли, которыми наградили нас на школьном празднике, стали причиной нашей общей беды – дорогую цену заплатили я и многие мои товарищи...

Тиф! До начала августа – почти без сознания. В больницу тётушка меня не отдала, сама, мол, выхожу. И выходила. Извела всех кур на так называемый «еврейский пенициллин».

Хорошо помню то ясное утро, когда пришёл в себя.

*Лицо отца с портрета,
седые пряди, поцелуй в слезах,
и облака, и вишни в облаках
над запахами зреющего лета.*

Я ослаб настолько, что надо было учиться ходить заново – сначала до ближайшей скамьи у дома, потом до калитки, и лишь потом по улице и дальше. Когда первый раз появился на крыльце, по нашему оскудевшему за это время садику бродил одинокий петух.

Чтобы поведать о моём состоянии маме и решить мою дальнейшую судьбу, тётушка связалась с Москвой. Мама приехала, забрала меня.

*Потом, в тоске недетской, по ночам
я вспоминал, как плакал на перроне,
как тетушкины теплые ладони
не отпускали, глядя по плечам...*

Встретиться с моей незабвенной тетушкой я смог только через 15 лет, сразу же по демобилизации из армии.

А тогда, в 46-м, мой родной город показался мне чужим, неприветливым, холодным. К прежнему состоянию «силы и разума» возвращался медленно. От недавних детских ощущений не осталось и следа. Так мне казалось. Возвращаться в более-менее приличную форму помогало какое-то неведомое мне ожесточение, которому я ещё не мог дать названия, (а мне всего – девять) с сознанием необходимости защитить себя от дворовой вражды, тупой и агрессивной. И не только дворовой. Она была на каждом шагу. Не обращать внимания на это было невозможно. Своим сверстникам и тем, кто постарше, каждый день приходилось отвечать на эту агрессию. И чем неадекватней, тем убедительней был ответ. Иначе нельзя, иначе не получалось. Взрослели мы быстро и уже начинали называть вещи своими именами.

Наш сквозной двор, объединяющий три дома, возглавлял Борис, парень лет двадцати четырех – двадцати пяти, по кличке «Шаман», два года отсидевший за драку с каким-то большим чиновником, и год в штрафбате, – покалеченный, угрюмый, озлобленный еврей. Он стал свидетелем возникшего во время войны государственного антисемитизма, которого прежде, и он помнил об этом, как бы не было. Свою медаль «За отвагу» он не снимал, носил её на любой одежде.

Его мать Рахель и моя мама были тогда добрыми приятельницами.

Двор тянул к себе, привораживал. И я, несмотря на возраст, нашёл в нём своё место, отстояв его и заставив считаться с собой, с моим присутствием. Какое-то время, до поры, я принимал этот уклад как некую романтику.

*Планета молодых изгоев –
молвой оболганная рать,
своих кумиров и героев
посмевающая короновать.*

И всё же какая-то тусклая безнадёга была во всём нашем жизненном укладе, неустроенности, беспросветных бытовых проблемах. Какой-то всеобщий хаос, как мне казалось, царил над городом.

Единственная отрада – голуби. Все мы сплывались вокруг огромной голубятни, где основное внимание отдавалось голубиной элите – породе исключительно для охоты – так называемые «чистые», чёрные турманы. Ещё были почтовые – с нежными шелковистыми перьями: белые, густо-рыжие. Были у нас гордые и строптивые «монахи» с хохолком на затылке. Все они покупались на птичьем рынке или попадали к нам после гона.

Птичий рынок – место особое. Огромная территория. Чего только там не встретишь: золотую рыбку в большой стеклянной банке на фоне картинки с землянкой на берегу моря, разного размера аквариумы, белые мышки в чистых клеточках, попугаи – всякие-разные, дятлы, дрозды, соловьи. Возле говорящих попугаев полно детей. И щенки разной породы, и котята на любой выбор. Чего только нет. И конечно же, голуби. Это особое место рынка, и публика особая. Почти все знакомы.

Как торжественно выглядело возвращение наше домой, к нашей голубятне, с новоселами.

Поднятая в небо стая всегда вызывала восторг у наблюдавших её пацанов и даже у взрослых.

Возникающие проблемы с нашими голубиными конкурентами решались особо! Основная – выкуп своих застрявших где-то после нашего или чужого гона, голубей. И – постоянные переговоры о своих или чужих, нашедших у нас свой новый приют.

То были, в основном, районы московских окраин – Марьино роща, Фили, Кузьминки. Голуби – ценные, требующие особого режима содержания. Перевозили их в плетёных корзинках с крышками. Ездили по трое-четверо. Так безопаснее. Переговоры были сложными, и кончались они не всегда благополучно и для нас, и для них. Общаться с чужими и злобными – запахло. Но ссориться по-крупному тоже было неправильно. Надо было как-то сосуществовать. Обмен был на крупу, картошку, воблу. Бывало, и им приходилось навещать нас по той же причине. И на фоне такого взаимодействия появилось что-то похожее даже на сотрудничество. А это, в свою очередь, помогало, и нередко, избегать даже бандитских налётов на наши дома. Да и авторитет нашего «Шамана» тоже притормаживал гостей. Особенно в самый отчаянный, голодный 1947 год – это было особенно актуально. Но случаи были. Куда-то пропадали люди. Их комнаты опечатывались.

Голод – повсеместный, безнадежный. Повсюду стайки беспризорников. Безопасность каждого на улицах, общественных местах, по-прежнему никем не гарантировалась. Грабежи не прекращались. Мама приходила с работы поздно, белая от страха. А по радио – песни о героизме советских людей. И в нашем кинотеатре «Уран» уже все чаще менялись рекламы новых советских фильмов – «Весна», «Сказание о земле сибирской», «Подвиг разведчика», «Сильва».

Конец 1947 года. Радостная сумятица повсюду – денежная реформа, отмена продовольственных карточек. По радио не затихающие дифирамбы по поводу мудрости нашего вождя и учителя.

А на углах некоторых наших сретенских переулков – дощатые пивные ларьки с подозрительным, какого-то странного цвета, пивом. Там,

за ларьками, на грудах товарных ящиков располагались большей частью одинокие инвалиды войны – на подаяния, добытые где-то. Чёрные ватники, всегда распахнутые. Под ними выцветшие гимнастёрки, ордена. И мат, и протезы, и костыли, и пьяные слёзы на изуродованных лицах, и военные и блатные песни. У некоторых деревянные платформочки на подшипниках. Кто-то приносил им старую одежду потеплей, а они предпочитали гимнастёрки. «Шаман» отдавал им почти всю воблу, добываемую пацанами.

До осени 1949 года они были частью картины нашей повсеместной разрухи. Инвалиды – воины страны-победительницы, будто выкинутые из общества, были частью уличного пейзажа наших послевоенных лет.

А из фойе кинотеатра – всё те же песни: «Кипучая, могучая, никем несокрушимая...», «По Берлинской мостовой кони шли на водопой...»

Редели и наши дворовые ряды. Кто погибал в каких-то чужих разборках, кто от болезни и истощения.

А рядом, совсем недалеко от двора, в десяти-пятнадцати минутах ходьбы, будто вопреки всем несчастьям – совсем другой мир – знаменитая, всегда приветная и тёплая Тургеневская читальня. Когда и как забрёл я туда – не помню, не знаю. Как богата была эта библиотека! Там не только выдавались книги – нередкими были лекции об истории искусств, встречи. Помню там Солоухина, Паустовского. Уходил оттуда растерянный, как после просмотра какого-то фантастического фильма. И каждый раз будто медленно и тяжело просыпался. И возвращался в свой реальный мир, в родной двор – на круги своя.

Как в Фаусте: *«Но две души живут во мне, и обе не в ладах друг с другом».*

И рядом со зреющими и крепнущими во мне предпочтениями, теми двумя мирами, в которых жил, моим уже окончательным неверием во все сказки и пророчества, росло желание какого-то третьего мира, желания стать частью того, который рисовался среди книг. Мудрость, заключенная в них, долгое время была для меня зеркалом истины. Это желание владело мной одинаково с понятием невозможности предать двор, друзей и под назидания о том, что дома родители всегда правы, во

дворе «Шаман» всегда прав, в школе учитель всегда прав, в газетах и по радио – партия всегда права. А я? А что есть я во всём этом?

Бытовой антисемитизм, подогреваемый государственным, непроглядный, как беззвездная темь, добавлял контраста. И растерянности. Но мысли и чувства мои становились более оценочными и внятными, приобретали некую чувственную плоть. Они не убавляли противоречий, всё более меня разрушающих и доводили порой до крайнего ожесточения, когда я слышал от людей публичных, что, мол, среди друзей их «есть и евреи – хорошие ребята, но в целом это племя чуждых нам людей». Слова произносились убеждённо, спокойно, без оглядки – мол, что тут такого особенного? Допустимо ли было молчать, больше кровью, чем сознанием понимая, что это слова недругов?

Формула «все люди – братья» порушилась. И я обязан был самому себе тогда объяснить – что в этом мире происходит... Почему, зачем, где истоки?

Слава богу, была Тургеневская читальня – Храм моего детства. Года через два добавилась районная библиотека. Это та самая нить, которая многим помогла выйти на свет из непроницаемого лабиринта. Там я прочитал много из того, что было доступно в то время, скудная, но всё же информация: о падении Израильского царства в 8 веке до н. э., о начале рассеяния, преследованиях из-за стремления евреев жить автономно, в согласии только со своими законами, верить только в своего – единого – бога. И далее – об осквернении и сожжении иудейских храмов, первых погромах, начиная с 3 века н. э. Об отношении еврейских общин к европейским странам, где они проживали и где эти общины укреплялись и процветали. И там же – о предательстве этими странами еврейской лояльности в угоду то временным финансовым выгодам, то религиозным распрям.

Увы, приобретённые знания не добавляли мудрости к моему детскому сознанию. Все на уровне ощущений.

Общение с людьми оставалось проблемным. Моя позиция была, увы, крайней – я заболел мезтью за ту боль и разрушение, что чувствовал в сердце.

Случались и приводы в милицию, жалобы, предупреждения. Немало неприятностей доставил я тогда своим друзьям и близким...

Но как-то постепенно, не без участия «Шамана», я отходил от проблем дворовых.

*И тупо ныли руки – до плечей –
по вечерам после дежурной драки.
Двор стал чужим. И я опять – ничей,
с упрямыми глазами цвета хаки.*

Сегодня, вспоминая то время, я нахожу оправдание многим моим поступкам. От крайностей спасала все та же читальня.

Со второго класса я учился в школе недалеко от дома, где-то не доходя Сретенского бульвара.

Отношения со школой были, мягко говоря, непростыми. Ожесточение не проходило. Среди учителей ни понимания, ни поддержки почти не было, кроме как от обожаемой мною учительницы русского языка и литературы. Ей нравилась моя «бесшабашная безоглядность», как она говорила, в изложении материала.

В те времена я довольно часто бывал в семье другой моей тётушки, Рахели Наумовны Ковнер. Общение с этой семьёй, моими братьями и сестрой, очень меня поддерживало. Было ощущение родства, что дорогого стоит во все времена.

Они жили в комнате небольшой коммунальной квартиры на Малой Бронной.

Однажды, в один из визитов к ним, очень памятная произошла встреча. Случилось, что именно я оказался тогда рядом с дверью в квартиру, когда раздался звонок. Я открыл дверь. Передо мной стояла Галина Уланова. Я узнал её сразу – по фотографиям, что печатались повсюду.

– Могу я пройти к Николаю Францевичу? – спросила она.

Он работал в бухгалтерии Большого театра, жил один в комнате, в конце коридора.

Я проводил ее ко входу в комнату. Подождал, пока войдет.

1952 г. Я поступил в техникум. Удивляюсь, как меня приняли – в этот-то год.

Здание техникума выглядело помпезно. Все было широко – входные двери, просторный вестибюль, ступени, лестничные площадки, коридоры. У фронтальных стен лестничных площадок – по несколько стульев с откидными сиденьями, а над ними в толстых черных рамках – таблички: «МЕСТО ДЛЯ КУРЕНИЯ».

Кончалось детство.

Это был год, когда антисемитизм цвёл пышным цветом и аромат его проникал во все закоулки общества.

Суд по делу Еврейского Антифашистского Комитета завершён расстрелом 12 августа тринадцати его участников.

В январе 1953 года в «Правде» появилось сообщение об аресте врачей и подробностях «заговора» – в статье без подписи: *«Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей»*.

А в техникуме отношения с сокурсниками, мягко говоря, напряженные. Газеты были полны антисемитской пропаганды перед решающей депортацией евреев. В домоуправлениях составлялись списки еврейских семей с указанием вокзала, номера поезда, вагона. Ребята все это мракобесие принимали, очевидно, так же, как их родители, и после лекций, на улице, они задирались, оскорбляли. Затевались драки, которыми меня было не удивить. Где-то а начале февраля, когда во время лекции сидящий позади парень не давал покоя, отвлекал внимание, провоцировал, я действительно не выдержал – встал, вытолкнул его в коридор, и – «поговорили». Вернулся в аудиторию один. Я понимал, что наказание может быть суровым, вплоть до исключения из техникума.

На следующий день в кабинете директора, перед советом учителей, я рассказал, почему и как всё произошло.

– Товарищи, – обратился директор к совету, – ваши предложения... Поступок возмутительный. Такого у нас ещё не было. Техникум на хорошем счету в городе, и вдруг такое происшествие...

– Жёсткая реакция на поступок не испортит нашу репутацию, – говорили одни, – исключить.

– Может быть, подключим милицию? Поступок-то – хулиганский.

– Выговор с запрещением посещения лекций на три месяца без освобождения от зачётов и экзаменов.

– Все предложения справедливы, – включился директор, – всё так, если бы не одно очень важное обстоятельство, происходящее в стране. Так что думаю, надо согласиться с последним предложением – выговор. Мы сохраним репутацию, а *их всех* всё равно здесь скоро никого не останется. Но в любом случае перед пострадавшим Дынкину нужно будет извиниться.

Фамилию директора техникума помню всю жизнь: Краснопёров...

Своему замечательному товарищу из нашей группы, Жене Федотову, я рассказал о словах директора. Он не сразу понял, что значит «их всех» скоро не будет. Когда наконец дошло, не переставал быть рядом и даже предлагал переехать на время к нему – в Болшево.

Через месяц не стало нашего дорогого и любимого Вождя. Акция была отменена. Готовые для депортации эшелоны расформированы.

До мая я занимался дома по учебным материалам, что приносил Женя с какими-то другими, вдруг появившимися доброжелателями. Так что на результатах экзаменов моё отсутствие не отразилось.

Население как флюгер. Всегда подвержено пропаганде – любой. Скажут любви – будут любить. Скажут, громи – будут громить.

«Окончательное решение еврейского вопроса» собирался завершить «Адольф Виссарионович»² Сталин. Не получилось – не успел.

Во всей моей последующей жизни в той стране, в её дьявольской круговерти, я чувствовал и сознавал необходимость сопротивления режиму. Это состояние воспринималось порой как некое проклятие.

Но даже мой небольшой опыт, «...сын ошибок трудных...», подсказывал, что самая эффективная мера сопротивления – заставить систему с тобой считаться, слышать тебя, увидев в тебе профессионала высокого уровня. И было у кого учиться. И находились люди, возглавлявшие предприятия и институты, которые добивались проведения своей собственной кадровой политики, допуская евреев до самой престижной темы и разработки... В пределах этого

---

² Так у автора

доброжелательного пространства жить и работать было как-бы комфортно, но тоже – до времени, пока тебя не опускали знакомыми с детства интонациями и намёками.

Такие вот времена жизнь предоставила нам с рождения. Времена подлые – ложь, страдания, кровь, деградация, со снисходительным позволением порой в этих временах присутствовать. И никакие мудрецы и гении литературы, живописи, музыки, работающие для человека, ничего в человеке не исправят..

Много друзей ушло навсегда, многие разбрелись по миру, кто-то потерялся среди иных стран и племен.

Но сохранить себя, благодарную память о жизни – такой, какой она нам досталась, и о друзьях – это все же немало.

Как написал Наум Коржавин:

*Сквозь безнадёгу всех разлук,
что трут, как цепи,
«We will be happy», дальний друг,
«We will be happy!»*

Ольга Любарская

Масада

аудиозапись, читает автор Масада.тp4

Весь первый ковидный карантин я проработала у бабушки на улице Масада (Хайфа). Евреи и арабы (это в основном арабская улица) – не немцы, и поэтому вся пустынная улица была усеяна небрежно брошенными, частично вывернутыми жёлтыми и синими перчатками, а также масками.

Чудилось, что здесь недавно побывали какие-то доны, бросившие друг другу перчатки, а потом странным образом неизвестно куда девшиеся.

Я гуляла перед работой, и в нише дома № 28 с то открывавшейся, то прикрывавшейся дверцей шкафчика газовых счётчиков (был ветер) обнаружила полустёртые нацарапанные на иврите стихи Бодлера «Цветы зла». На иврите – «пирхэй ha-ра». Подписанные, на иврите же, – «Шарль Бодлер».

Я гуляла, останавливалась, отходила, возвращалась, пытаюсь разглядеть и разобрать буквы. И стихотворение вышло «перепадочное».

Все имена и персонажи стихотворения – реальные, включая подругу-крысу, смертельно укусившую Льва, харьковчанина, с которым мы в одном автобусе добирались от Харькова до Борисполя.

МАСАДА, 28

(поэма-зарисовка)

*...Что некий Карл
Тебя услышит, Рог!
Марина Цветаева*

На асфальте немея,
Разинули пасти перчатки
Дерзких донов,

Что бросили вызов,
Не сдались на милость.
Вызов брошен. Но в пыль.
Маски сброшены с пылом.
Гулят голуби хрипло, надсадно
С карнизов, с балконов...
Только донов нет дома.
Досадно.
Доны в спешном порядке –
Белея, болея, –
Ввысь гуськом устремились.
Вопиют их перчатки.
Но, отозваны чьей-то всеильной печалью,
Доны в дым превратились.

Гулят голуби жалко,
Надсадно и жадно –
Поштучно, наждачно.
Как ножами – по яйцам –
(Если есть у кого!),
Как вороны – скребут.
Ни души...
Только фикусов листья
Со времени она
Под ногами валяются мрачно.
Да дворник метёт их, невзрачный,
Эфиоп эфиопом,
Создавая собою хоть какой- то уют.
Тускло зырит невидящим оком,
Тупо птицы клюют.
Ну-ка, ну-ка:
– Ма нишма?

– Мецуян³, –
Отвечает мне, скукой,
Как мечтой обуян.

Наши доны почти что у цели,
Доны спешены,
Но улетели,
Доны умерли,
Но уцелели.
Доны бросили вызов –
И удалились,
Кто в заоблачный низ,
Кто в подземную высь,
А перчатки остались
И робко вцепились
В пыль,
И, пылью упившись,
Пали ниц.
Распалённый асфальт
Весь распрялен
Вопиющими ртами опять...
Ваш стокгольмский синдром –
Что, мне тоже его перенять?
Перенять понемногу –
И любить вместе с вами
Мучителя Б-га?
С вами веровать в ногу?
Соблюдать – твою мать! –
Ваши праздники,
Те или эти,
Комсомольски любить

---

³ Ма нишма? – Мецуян (ивр). Как дела? – Отлично.

Иудейство, буддизм,
Христианство и дзен?

– Дзынь!
Разбилось стекло?
Что-то звякнуло...
Дверца от счётчика,
Отворённая ветром?
Сердце лётчика,
Налетавшего тысячи километров?

Я не знаю, кто создал
Души, вещи, паренья,
И сама я – трава.
Но Творец пусть не врёт,
Что он выше творенья.
Сын бывает умнее отца.
Я права?

Но под солнцем,
Под карликом,
Равенство плещет,
И забвением хлещет.
Захлестнула трава
(То есть я!)
«Песню Песней»;
Гений, раб и моллюск –
Наравне –
Как в витрине красуюсь
В этом Дне,
Что на дне.

Да, был блеск.

Наступили – и писк.
Гений – раб и моллюск,
Этим близок.
«...Врёшь, что низок...»⁴.
В чём же смысл?
Как в руке удержать
Эту скользкую нить?
Ждать чего?
Падежом подцепить? –
Тяжело.

Вот выходит сосед,
Неучён,
В светло-серой кипе.
Вьются локоны,
Сед,
Прям, упрямя,
Ненавидит лечиться.
Сумасшедший,
Он помнит ещё,
Как пиццу солидно купить...
Он в кипе,
Он купил,
Но в дороге успел обмочиться.

Да, ни души...
Но на стене – иврит.

---

⁴ «...Врёшь, что низок...» – из письма Пушкина Вяземскому: толпа рада увидеть гения на судне, обвинить гения в низости, уравнивая его с собой; Пушкин: «Он и слаб, и низок не так, как вы, по-другому».

Там буквы полустёрты,
В нише скрыты.
А дверца счётчика
Петляет и скрипит⁵ –
Один лишь Шарль Бодлер
Со мною говорит,
Как мачта, но зачем-то на иврите.

Ты, отбросивший шарм
И карманность манер,
Что ты хочешь сказать,
Шарль Бодлер, кавалер?

– Слушай, Чарли
(Всё равно ты на всех языках),
Слушай, Чарли,
Дела мои – швах.

Ты всё уже сказал.
Но мне? но мне? но мне?
Что умер ты...
Нет, Чарли, я не верю.
Кому же я повем?
Сподпленней – со стены.
Так говори же ты!
Ведь со стены – смелее.

Она – спасение?
Она и – духота!
Я знаю, что хандра
Матросов заедает...⁶

---

⁵ Так у автора.

⁶ «Альбатрос» – программное стихотворение Шарля Бодлера.

Пусть я сейчас не та,
Зато «пирхэй-ха- ра»
Нужны ли будут понежнее даме?

Ты на стене истлел.
Но ты не потухай!
Ах, всё равно увидят и услышат...
Ведь всё равно
Влюблённый вертухай
Подсмотрит и подслушает –
И в нише.
Цветы увидев зла,
Не смысла ничего,
Распяленных богов и букв
Не постигая,
Он выдаст санкцию свою:
«Добро!» –
Но, Чарли, ждать чего
Ещё от вертухая?

Ответь мне, Чарли, здесь,
Вот с этой вот стены,
Из полустёртых букв,
За дверцею-калиткой.
Ведь ты осведомлён:
Мне не с кем говорить –
Осведомителей всегда в избытке.

Устало древо ждать,
Аж ветки затекли.
Ни утр, ни дней не жаль,
Расселся в кронах ветер.

Ах, Чарли,

Чем стена шербатаей и грязней,
Тем больше шансов, Шарль,
Что ты ответишь.

Вопиющими ртами
Жёлтых, синих перчаток
Снова доны призывают ко мне
В своей тщетной мольбе.
Я не Б-г; жизнь полна опечаток,
Я – такая ж перчатка
И опечатка.
И к кому мне призывать?
Не к тебе! Не к тебе!

Одинокие доны,
Как шарики, сдувшись,
Но не сдавшись,
Бросив вызов,
Усеяли мостовую.
Кто тоскует по донам?
Никто.
Что подонки, что доны...
Лишь в безмолвной печали
Вопиют их перчатки.

Так и Б-г,
Под палящим их солнцем,
Он не знает,
Чем можно помочь им.
Им помочь не умеет Всесильный,
Робко морщась,
Молчит, что бессилён.
Ведь, почти что у цели,
Доны сгнули, но уцелели.

Ответь мне, Чарли, – «Да».
Ответь мне, Чарли, – «Нет».
Но только мне одной,
Пускай я всех и хуже.
Публичный их ответ –
Мне что публичный дом.
С ужимками ужа –
Мне их ответ не нужен.

Вот этот дом вдали,
И в нём загнулся Лев –
Женой, страной, войной
Отставленный полковник.
Не знаю, Чарли, кем
Услышан был герой,
Он был так одинок,
Как среди ножей половник.
Но кто-то всё же внял
Полковничьей мольбе –
Он умер не один,
И умер он под крышей
С товарищем своим
По крови, по судьбе –
Укушен с ним дружившей крысой.

За моллюска моллюсь.
Гений – тот же моллюск.
Гений раб, гений слаб.
Всплеск – моллюск.
Только ты не моллюск,
Чарли, ты – альбатрос...
– Брось, не бойся:
Не трус!

Слушай, Чарли,
Эти доны не сдались,
Но куда-то исчезли
(Целой стаей – растаять!)
Слушай, Чарли,
Может, знаешь, куда?
И подскажешь с утра?
Ожидаю.
Вспомни, Чарли, о черни:
Как тогда твою книгу распяли⁷,
Как судили-рядили...
И, цветы твои зла осуждая,
Сами сеют, и сеют, и сеют
Колючки добра...
(Говоришь, что на север?
Что ж, прощай!
Мне пора).

---

⁷ «...Как тогда твою книгу распяли...» – 20 августа 1857 г. состоялся суд над книгой Бодлера «Цветы зла», обвинивший автора в «оскорблении морали» и к штрафу в 300 франков; шесть особенно «безнравственных» ст-й было изъято.

Михаил Язмир

Неожиданная встреча

Вечереет. Идем прямо на предзакатное солнце. Оно уже не слепит, а мягко и грустно освещает скалы и нагромождения каменных глыб, неустойчивых на крутом склоне глубокого ложа растаявшего древнего ледника, где проходит исток реки Ирели. Наш небольшой отряд осторожно лавирует между гигантскими глыбами, спускаясь все ниже и ниже к долине Ирели.

Открываясь перед нами и далеко внизу долина окрашена июньской палитрой свежих и еще не смешанных красок: темно-синей с серебряными искрами стремнины Ирели, блестящей белизны длинной прибрежной наледи и ярко-зеленой травы по проталинам вдоль русла реки по обоим ее берегам.

Громадная тень зубчатого серого силуэта хребта за долиной, там, где она легла, сгустила краски, а темно-синий купол неба дополнил картину равнодушной и прекрасной природы.

Пять человек растянулись на несколько десятков метров. Первым иду я. За мной, вплотную, карабкается по камням черная лаечка Дамка. За нею следует Стасик, восемнадцатилетний деревенский парень с недовыпеченным лицом и маленькими хитроватыми бесцветными глазками за припухлыми веками.

Стасику доверено нести наше единственное оружие – мою малокалиберную винтовку. Почти вплотную к Стасику передвигается Саня, тоже деревенский парень, конопатый, бойкий, смазливый и хвастливый. Через пятнадцать-двадцать метров за Саней идет Жора, бывший колхозный бухгалтер, честный дельный парень. От всех отстал Альфред, геолог, молодой выпускник Иркутского университета, высокий, стильный, с редкими усами и бородкой клинышком...

Два дня перехода через Байкальский хребет нас измотали. Ноги гудят, плечи под рюкзаками ломит, но спускаться нужно не торопясь, осторожно, аккуратно, камни и глыбы под ногами еле держатся. Даже говорить от усталости трудно.

– Гляньте, робя, Топтыгин! – вдруг в изумлении воскликнул Стасик.

– Где медведь? – Я остановился, чтобы увидеть зверя.

– Да вона, вона! – Стасик указывает пальцем вниз на долину. И вдруг я вижу его. Он медленно бредет по зеленой кромке речки к ее верховью. Подоспел Саня и тоже увидел медведя.

– Эх, паря, добрый хозяин! Вот бы карабин, шмальнуть по Михал Иванычу!

Но медведь, который до сих пор надежно расходился с нами, направляясь к истокам Ирели, вдруг неожиданно повернул в нашу сторону.

Вот он прибавил ходу и пересек луговую проталину. Теперь перешел на рысь, преодолел наледь. Уже достиг края каменной осыпи и сноровисто, отдельными прыжками через глыбы, направляется прямо к нам! Издалека я вижу огромную голову чудовища и его оскаленную пасть, но еще не слышу его охотничьего рева.

Первая реакция – оцепенение: мы же абсолютно беззащитны перед хозяином тайги и представляемся ему легкой и вкусной добычей. Что толку от малокалиберки – чтобы убить медведя, нужно попасть в него, бегущего, в глаз! Но я преодолеваю первую растерянность – ведь за отряд отвечаю я!

– Доставайте что есть, топоры, молотки! – командую я.

– Топоры у меня в рюкзаке, – подает голос Жора.

– Кричать надо, это помогает, – слышу голос Альфреда. «Черт побери, – мелькнуло в голове, и он уже здесь, вместе со всеми».

– Дай-ка, мне мою мелкашку, Стасик!

Стасик подает мне малокалиберку. Передергиваю затвор – из ствола вылетает патрон и падает между камнями. Достая из кармана и закладывая новый. Оружие в руках успокаивает и придает уверенность. «Пусть для начала услышит свист пуль, почует запах пороха, – соображаю я, – а подойдет поближе, буду стрелять на поражение». Вместе с тем понимаю, что малокалиберный патрон медведя не проймает. Попаду ли в глаз?..

И началось. Выстрел. Быстро перезаряжаю патрон...

И парни тоже стали предупреждать зверя, Жора – басом, Альфред

– фальцетом, Стасик – сиплым хрипом, Саша – тенором. И Дамка, тоже – каким-то визгливым прерывистым лаем: «ААА, ИИИ, ООО, ЭЭЭ, Ав-Ав-Ав!»

А медведь устрашающе быстро и ловко взбирается по глыбам. Волнами бежит по его спине черно-бурая, местами с проседью, шерсть.

Выстрелы, вопли, лай собаки вполне могли бы потешить публику, если бы вся эта какофония исполнялась на эстраде. Но здесь было не до смеха, нами руководил страх и борьба за нашу собственную жизнь. Это уже не кино, а мы, увы, не на сцене. Здесь – кто кого! «УЮЮЙ, АЙЯЙ, ОЙЕЕЙ!» Первый выстрел на поражение, второй...

Кажется, попал в камень перед косолапым... Еще выстрел. Медведь делает еще один прыжок. Еще выстрел – попал? не попал? Кажется, он заколебался, остановился...

И вдруг! Медведь развернулся – и деру обратно, вниз!..

Он испугался, он удирает! Теперь мы видим его огромный зад, который то поднимается, то опускается в ритме бега... Буйное веселье охватывает нас. Тут наши крики приобретают уже победные, торжествующие нотки:

«АГАГА-А, ОГОГО-О, ЭГЭГЭ-Э, УЛЮЛЮ-У!»

И Дамка туда же – бросилась бежать вдогонку за убегающим зверем!

А тот– передние ноги короче задних; бежать вниз, да еще по каменным глыбам, неловко, он спотыкается, падает, еще раз спотыкается, и еще раз падает...

Но вот он выбежал на наледь и, смешно подбрасывая зад, несется вниз по ледяному берегу Ирели. Лед здесь летний, рыхлый, и медведь нет-нет, а теряет равновесие и, поскользнувшись, вспахивает длинную борозду в слабом ледяном покрове. И тогда следом за ним, в эту борозду ложится извергаемая им длинная ярко-желтая полоса...

– Глянь, обосрался со страху! – воскликнул с удовольствием Стасик.

– Редкий случай медвежьей болезни, – констатирует Альфред, – это ведь не каждый день увидишь. Я так в первый раз!

– Видно, молодой медведь, людей не видел, вот и обознался, – добавляет Жора. Тут в вершине Ирели еще тот медвежий угол. От

Байкала хотя всего около семи десятков километров, но надо перелезть через Байкальский хребет по бездорожью. А от Лены идти – пропащее дело! По воде: сотни километров по Киренге и Ирели, через заторы и завалы, а в предгорье через шиверья. Ну а в хребте по Ирели – только пешком вдоль русла... Еще зимой, когда речки замёрзнут, сюда можно от Лены добраться по льду, а от Байкала вообще не дойдешь сюда. Снега, погода, крутяки...

– Кабы эта зверина добежала до нас, я бы со скалы бросился, – вдруг заявил Саня, – чем этой образине в лапы попасть, лучше самому разбиться...

И тут я обратил внимание на этого парня. Румянец у Сани пропал, и лицо его охватила нездоровая бледность.

– Моисеич, обратился он ко мне, – у вас не найдется чего-нибудь от сердца?

Сане явно не по себе. Нападение медведя что-то оборвало в нем, и он упал духом. Сердечных таблеток у меня не было, но были таблетки от кашля. И я дал ему их вместо сердечных в качестве психологической поддержки...

– Смотри, – говорю я ему, – медведь был один, а нас пятеро, и мы вооружены. Впрочем, солнце садится, и пора двигаться...

Дальше вниз, после всего пережитого, мы спускаемся намного сноровистее и шустрее, чем до встречи с косолапым. Еще около часа преодолеваем опасный спуск...

Но вот мы достигли наледи, перешли ее и вышли на прибрежную террасу, поросшую свежей травой...

Остановились на каменистом сухом пригорке. Какое это удовольствие – сбросить с натруженных плеч рюкзак, распрямить плечи и свободно и глубоко вдохнуть быстро холодеющий чистейший горный воздух, внять затихающей к ночи песне Ирели, проникнуться немым величием каменных громад, замкнувших бледную бирюзу вечернего темнеющего неба!..

– Пойду посижу немного, – роняет Саня, и присаживается на рюкзак с палаткой. Ему нельзя давать уйти в свои переживания. Мне кажется, и я боюсь этого, что если он не будет двигаться, то его охватит оцепенение, из которого трудно выйти...

– Ты весь пропылился, Саня, иди умойся. Не ленись, речка рядом.

– Умылся?

– Угу...

– Все ребята работают, ставят палатку, разжигают костер, таскают хворост. Иди хотя бы за хворостом. – Послушно идет...

Совсем стемнело. Вспышки костра высвечивают из темноты расставленную палатку и лица моих товарищей. Дружно скребем из банок разогретую тушенку. Запиваем ее горячим чаем с размоченными в нем черными сухарями...

Подтрунивая друг над другом, располагаемся в палатке – на всех всего два стеганых ватных одеяла!

– Можно, я лягу в середину? – спрашивает Саня. Он не может избавиться от пережитого страха. Парни это понимают.

– Топтыгин чует бздилу по запаху. Вытащит ночью из середины и съест! – пугает приятеля Стасик.

– Не слушай его, Саня, – утешаю я мальчишку, – там, за поворотом реки, куда удрал медведь, он издох от заворота кишок. Было бы время, можно бы сбегать за шкурой... А потому можешь спать спокойно. К тому же Дамка охраняет наш сон...

Усталые парни похрапывают. Саня ворочается, вздыхает. Я тоже не сплю. Размышляю над природой страха. По сути, это острое чувство жизни, риска ее потери... Бедный Топтыгин, вот и он познакомился со страхом. Интересно – он все еще страдает от поноса?

За палаткой первозданная тишина. Далеко мы зашли...

Ирина Л. Лир

Лари

Хозяйка поспешно насыпала корм в миску, поставила рядом вторую миску с водой, и все люди ушли, оставив Лари в квартире в полном одиночестве. Он растерянно стоял посреди комнаты, не понимая почему Хозяин не взял его с собой. Такое было впервые. Ведь Лари – профессиональная собака-поводырь, и они с Хозяином всегда всюду ходят вместе. Хозяин так и говорит: «Лари – мой свет».

Вообще весь вечер был какой-то необычный. Сначала Хозяин лежал на диване и стонал, а Хозяйка много звонила по телефону. Потом пришли чужие люди. От них сложно пахло поликлиникой, машиной и еще чем-то незнакомым. Потом пришли еще другие чужие люди, на этот раз в странных белых одеждах. Они посадили Хозяина в специальное кресло, какое Лари раньше видел в машинах амбуланса, и так вынесли из квартиры.

Лари еще постоял у входной двери, прислушиваясь к звукам на лестнице, но там все было обычно, и он пошел на подстилку. Стемнело. Значит сейчас вечер. Тогда почему ему насыпали корм сейчас? Ведь его всегда кормят утром, когда квартиру заливают солнцем.

Ночь прошла беспокойно. Лари дремал, все время прислушиваясь к звукам на лестнице и во дворе, каждую секунду готовый вскочить и радостно броситься навстречу вернувшемуся Хозяину. И действительно, утром раздался характерный щелчок открывающейся двери, но вместо Хозяина зашла Соседка. Она поменяла воду в миске, сводила Лари на прогулку и ушла, опять оставив его одного.

Лари стало страшно. В метаниях от входной двери к окну и обратно к двери прошел день. Есть не хотелось, только пить. Он вылакал всю воду. Опять стемнело. Он еще никогда не оставался без людей так долго. С самого его рождения в Школе собак-поводырей люди всегда были рядом, и они вместе с ним что-то делали.

Лари был потомственный поводырь слепых. Собаки его рода поколениями так служили людям. Не все, конечно. Только самые сообразительные и пригодные для этого дела еще по многим параметрам,

и в родословной Лари их было множество с обеих сторон. А вот мама так не работала. Она была просто хорошей мамой и жила в Школе в детском отделении вместе с другими хорошими мамами. Иногда в Школе появлялись папы, и потом у мам рождались щенки.

У Лари было еще три братика и сестричка, но только его и сестричку Инструктор выбрал, чтобы научить быть поводырем. Тех, кого Инструктор не брал, учили быть компаньонами больных детей. Это Лари слышал от Экскурсовода, который каждую неделю приводил в Школу одну группу экскурсантов. Экскурсовод стоял у клеток со щенками и рассказывал, что когда они немного подрастут и получают все прививки, их на время отдадут в приемные семьи опытным людям, которые умеют выращивать щенков и научат их жить в современном городе. А потом молодые собаки вернутся в Школу, где специальные инструкторы обучат их работать поводьями и распределят по хозяевам.

Лари слушал тогда Экскурсовода, но плохо его понимал. Слишком много непонятных слов было в его речи, а Лари тогда знал очень мало человеческих слов и, кроме Школы, больше нигде еще не бывал. Но все равно он внимательно слушал, ведь это было о нем. Это он знал точно, ведь Экскурсовод часто повторял его имя. И постепенно Лари начал различать в его речи часто повторяющиеся слова. К тому же постепенно он перестал нервничать в присутствии множества незнакомых людей, ведь все стоявшие у клетки и проходившие мимо излучали доброжелательность. А вот поначалу ему было страшновато...

Вечером опять зашла Соседка. Зачем-то понюхала почти не тронутый корм в миске, налила в другую миску свежую воду, вывела Лари во двор и ушла. Лари проводил ее до входной двери, дождался щелчка замка и уныло побрел на свою подстилку.

...Однажды, когда Лари и другие щенки уже переселились из клетки в вольер, пришел рыжий парень и забрал Лари к себе домой. Там было интересно – все совсем не так, как в Школе: другие запахи, звуки, люди, шумы. И каждый день много нового. Лари сначала немножко побаивался и робел, но любопытство победило.

Он научился ходить по лестнице и ездить в лифте. Он узнал, что его еда лежит только в его миске, а подбирать еду с пола, брать ее со

стола и даже просить у стола – нельзя. И постепенно он потерял интерес к пище, что лежит у людей на столе, на полке или даже на полу. И еще он выучил, что грызть можно только свои игрушки, а мебель, провода, обувь и носки – нельзя. Прыгать на человека и хватать его за юбку или брюки тоже нельзя, даже во время игры. И на улице нельзя подбирать пищу с земли, брать из чужих рук и бросаться на прохожих, даже чтобы их поприветствовать. Нельзя бегать за велосипедистами и выбегать на дорогу, но можно спокойно ходить на поводке рядом с Парнем, время от времени получая за это маленькие кусочки вкусного крекера. Хорошо свободно бегать на лужайке, когда Парень его отпускает. Интересно ловить брошенный мячик, палку или резиновый диск и приносить Парню, чтобы тот снова бросал. И получать за это вкусные кусочки. А еще Лари научился делать свои дела на улице, не бояться движущегося транспорта, суеты, шума, резких звуков, даже этого жуткого, когда стригут траву и кусты, спокойно вести себя в огромной толпе, ездить в автобусе, в поезде и в автомобиле, не боясь при этом грохота и тряски, долго и безучастно лежать рядом, когда Парень занимается чем-то своим.

Иногда они с Парнем приходили в Школу. Там Лари осматривали, измеряли, взвешивали, зачем-то лезли в рот, в уши, а потом клали на стол и прикладывали к животу в разных местах что-то круглое и холодное, и еще водили палочкой по всему животу. Это было не больно и в общем-то не страшно, но неприятно и совсем не интересно. Зато потом Лари всегда получал большой вкусный крекер и бегал в вольере с другими собаками. А еще Инструктор с ним играл.

Однажды они с Парнем, как обычно, пришли в Школу, но пока Лари увлеченно бегал с собаками и играл с Инструктором, Парень почему-то пропал. Лари остался в Школе. Было грустно и непривычно без Парня, но вокруг было все знакомо, были друзья, и его любимый мячик тоже почему-то оказался здесь. Лари лежал, грыз мячик, подходил Инструктор, гладил, давал маленькие кусочки крекера, и Лари быстро успокоился.

С тех пор его жизнь изменилась. Оказалось, что здесь в Школе есть много таких же мест как в городе: перекресток, светофор, тротуар, проезжая часть, машины, шлагбаум, лестницы. Еще есть кошки и голуби.

Целыми днями Инструктор учил Лари разным штукам: вставать, садиться и ложиться по команде, подходить по подзыву, отправляться на

место, приносить самые разные предметы, моментально подбирать и подавать упавшее, двигаться по прямой рядом с человеком и останавливаться по его команде, не обращать внимание на кошек, на разбросанную еду, на других собак, останавливаться перед препятствием, находить вход в здание и еще много чему. Оказалось, что препятствия бывают нижние (например, ступеньки, бордюры), верхние (например, низко висящие ветки деревьев, шлагбаум, ограничительная лента), и те, что можно обойти сбоку, и собака должна принять правильное решение, как предупредить человека и как его быстро и безопасно провести. Труднее всего Лари было с верхними препятствиями, ведь собака ниже человека. И еще нужно было понять и запомнить много разных человеческих слов, научиться быть послушным и выполнять команды человека всегда в любом месте.

Сначала они занимались в Школе, потом – в городе: на улице, в парке, в магазине, на почте, в офисе, в банке и на пляже. Ездили в автобусе, троллейбусе, трамвае и на поезде. А потом учили много разных маршрутов и их названия, чтобы, услышав название, Лари мог по памяти провести человека на работу, домой и повсюду, куда тот обычно ходит. А потом был экзамен в многолюдном центре города без права даже на одну ошибку. Нужно было показать исполнение всех команд на автовокзале и в огромном торговом центре, а потом самостоятельно провести Инструктора с повязкой на глазах по одному из выученных маршрутов.

Экзамен Лари сдал хорошо. Он это понял, когда после экзамена довольный Инструктор дал ему большущий кусок вкусного крекера. А потом сразу же второй. Такой же большой и вкусный.

Однажды Инструктор подвел к Лари невысокого мужчину, сунул тому в руку поводок и сказал:

– Лари, это твой хозяин.

Мужчина неуверенно потянул за поводок, раскрыл кулак второй руки, и на ладони у него оказались кусочки крекера.

– Можно, – сказал Инструктор.

Лари аккуратно слизнул. Крекеру он всегда был рад.

А потом они опять учили то же самое, но теперь уже вместе с хозяином. Жили в Школе в маленькой однокомнатной квартирке, а затем переехали к Хозяину домой в большую квартиру в городе. Там была Хозяйка. Инструктор был с ними рядом и в Школе, и дома, а потом

оказалось, что его нет. Лари даже не заметил, как это произошло.

Иногда к Хозяину приходили дети. Когда они пришли в первый раз, Хозяин подвел к ним Лари и сказал:

– Лари, это мои дети и внук.

Слово «дети» Лари знал. Это такие маленькие люди, на которых нельзя рычать, даже если они дергают тебя за хвост и тянут за уши. Дети Хозяина были почему-то большими, даже выше его самого, кроме одного совсем маленького. Этот хватал Лари за хвост, за уши, больно тянул за шерсть и еще лез пальцами в глаза. Лари осторожно прихватил его за руку, очень аккуратно, совсем не сжимая челюстей, но Хозяин строго сказал, что так делать тоже нельзя. И тогда Лари научился избегать этого вредного «дети»...

Ночь прошла тяжело. Лари почти не спал. Все время хотелось пить. Очень сильно. Он лакал из миски, пока вода не закончилась. Потом солнце осветило комнату. Значит, уже утро. Есть не хотелось совсем. Только пить. Двигаться тоже не хотелось. Лари облизнул сухой нос. Легче не стало.

Вдруг щелкнул замок входной двери, и зашла Хозяйка. Почему-то без Хозяина. Лари вскочил, бросился к ней и уткнулся мордой в ее ладонь. Хозяйка рассеянно потрепала его по загривку и устало повалилась на диван. Он схватил свой поводок и сунул ей в руку, предлагая отправиться за Хозяином.

– Сейчас, – с трудом проговорила Хозяйка, не двигаясь. Потом потянулась к телефону.

Пришла Соседка, налила в пустую миску воду, вывела Лари, и потом они вместе с Хозяйкой опять ушли.

Вернулись они вместе с детьми Хозяина и еще с большим количеством других людей. Многих из них Лари знал: видел в доме, во дворе и на работе у Хозяина. И рыжий Парень пришел, хотя раньше почему-то никогда не приходил. Лари вспомнил его, обрадовался. И вовсе не потому, что Парень принес ему большой вкусный крекер. Хозяин тоже давал Лари кусочки такого крекера, когда хотел похвалить. И Инструктор. И Хозяйка. Просто Лари обрадовался Парню. И крекеру тоже очень.

– Смотри-ка, крекер он ест, а корм стоит уже два дня почти не

тронутый. Я подумала, может, испортился. Даже понюхала, а запах нормальный, – сказала Соседка.

Парень потрогал нос Лари.

– У него температура – нос сухой и горячий, – озабоченно бросил он Хозяйке.

– У меня больше нет сил, и из дому я выйти сейчас не могу. Ты же знаешь, – в отчаянии воскликнула Хозяйка.

– Не надо. Я сам, – ответил Парень и куда-то позвонил.

В ветлечебнице Лари поставили капельницу. Было немного больно, когда зачем-то укололи лапу и протянули от нее прозрачную трубку к бутылке у него над головой, а потом Лари стало безразлично. Главное, что Парень сидел рядом, держал его за другую лапу и гладил по спине. И Лари заснул.

Проснулся он утром в клетке. Рядом никого не было. Хотелось есть. Лари нашел в углу клетки корм и воду. Поел, попил. Пришел кто-то незнакомый, открыл клетку и вывел Лари в соседнюю комнату. Там был Парень, и Лари радостно подбежал к нему.

– Все в порядке. Можешь забирать, – сказал врач Парню.

– Что с ним было? – спросил Парень.

– Не знаю. Температура и больше ничего. Анализ крови и мочи сделали, сердце проверили, живот, легкие. Зоопсихолог, наверное, сказал бы, что нервный срыв. Может, сильно испугался чего-то. А я ветеринар, а не зоопсихолог, – ответил врач.

– Ну да, у них же не спросишь, – согласился Парень.

– Спросить можно, только они не отвечают. Знаешь, есть хороший анекдот. Хочешь? Слушай, – предложил врач.

И он рассказал забавную историю о ветеринаре, который заболел и пришел к обычному терапевту, который лечит людей. «На что жалуешься, что случилось, когда и как началось, что сейчас болит?» – спросил терапевт. «Ну так нечестно. Ты сам догадайся. Мне же мои пациенты не рассказывают», – обиженно протянул ветеринар.

– Ладно, забирай его. Счет на кого выписывать? – спросил врач.

– Мне сказали, что на школу. Они сами с хозяевами разберутся, – ответил Парень.

Дома Хозяйка и дети Хозяина почему-то сидели в низких креслах, а люди сидели на обычных стульях и рассказывали друг другу о том,

какой Хозяин хороший. А потом ушли, но пришли другие. И назавтра опять повторилось то же самое. И послезавтра. А потом Лари запутался в днях. Все время приходили разные люди, и все рассказывали друг другу, Хозяйке и Лари о том, какой Хозяин хороший.

Лари слушал их и недоумевал, зачем они все это говорят. Ведь все это знают. Они знают, раз сами же это и говорят. Лари знает, потому что уже очень давно общается с Хозяином, и Хозяйка наверняка знает. Она ведь общается с Хозяином еще дольше, чем Лари. Во всяком случае, когда Лари появился в этой квартире впервые, Хозяйка тут уже жила. И дети Хозяина это тоже знают. Ведь они много раз здесь бывали.

А потом люди перестали приходить, а Хозяйка начала брать с собой Лари на работу. Вместе с миской и подстилкой. Когда она взяла его в первый раз, он подумал, что они идут за Хозяином. Он знал эту дорогу и это место. Он приходил сюда раньше по вечерам вместе с Хозяином, а отсюда уже втроем они отправлялись слушать музыку в большой дом на площади с фонтаном. Но сейчас все было не так. Они с Хозяйкой приходили сюда утром, а вечером возвращались прямо домой. Хозяина тут нигде не было. Во всяком случае, Лари его не нашел, а ведь он каждый день по многу раз обегал все места, куда можно попасть. Тогда оставалось просто лежать или сидеть рядом с Хозяйкой и ждать, когда они пойдут домой.

Как-то в комнату зашла грузная женщина с кипой бумаг, положила их Хозяйке на стол и спросила:

– Ты решила оставить его себе?

– Нет, сказали, что так нельзя. Разрешили только до конца месяца.

А потом надо отдать, – ответила Хозяйка.

– А сюда ты его зачем?

– Так по инструкции его нельзя оставлять одного больше, чем на пару часов, – объяснила Хозяйка.

Лари лежал рядом, но не сильно прислушивался к их разговору. Какая ему разница, о чем они говорят. Ясно, что не о нем. Ведь они ни разу не назвали его имя. И значимых слов было сказано всего два: «нельзя» и «отдать».

А потом однажды вечером в квартиру пришел Инструктор и с ним незнакомая женщина с палкой. Хозяйка взяла женщину за руку и осторожно усадила на диван.

Лари узнал Инструктора сразу. Обрадовался ему. Подошел, вежливо помахал хвостом. Повернулся, подставил спину. Инструктор погладил его по спине, потом по морде, потом за ухом.

– Рада познакомиться, – проговорила женщина.

– К сожалению, наше знакомство по несчастью, – горько ответила Хозяйка.

– Это жизнь, – ответила женщина.

Наступила пауза. Лари спокойно лежал поодаль. Наблюдал.

– Лари теперь будет у вас? Вы заберете его прямо сейчас? – тихо спросила Хозяйка женщину.

Лари насторожился.

– Сначала оба пойдут в Школу на две недели. Им обоим нужно будет много выучить. Научиться жить вместе и сотрудничать, – ответил Инструктор.

– У меня никогда не было собаки. Я долго ждала. Много лет. Очередь очень длинная, – объяснила женщина.

– Школа одна на всю страну. Подходящих собак мало. Денег на развитие нет. На энтузиазме держимся, – горько проговорил Инструктор.

– Я слышала, что собираются учить попугаев на поводырей. Они живут по триста лет, их проще содержать, и они могут голосом давать предупреждения, – сказала женщина.

– Да, была такая идея, – подтвердил Инструктор. – Только вот реализация буксует. Уже много лет.

– Теперь с Лари у меня будет совсем другая жизнь, – с надеждой проговорила женщина.

– Ему будет тяжело. Он был сильно привязан к моему мужу. Все-таки почти шесть лет вместе, – предупредила Хозяйка.

Лари сел. Не нравился ему этот разговор. Совсем не нравился.

– Будем работать. Он не первый такой. Бывает, что собаки меняют хозяев. А бывает наоборот: человек успеваеt пережить собаку. Ведь редко кто из них работает больше десяти лет. У собак вообще короткий век, а эти особенно быстро дряхлеют. Работа у них вредная. Все время в напряжении, – сказал Инструктор.

Он подошел к Лари, взял его за ошейник и подвел к сидящей на диване женщине. Сказал:

– Лари, Хозяин не вернется. Это – твоя новая Хозяйка. Сейчас мы

в Школу, учить новые маршруты.

Женщина пошарила в воздухе рукой, нашла голову Лари и прижала ее к своим коленям.

– Мы подружимся. Тебе будет хорошо у нас, – сказала она ему и второй рукой погладила по голове между ушами. Руки были мягкими, а движения – ласковыми.

Лари осторожно высвободился из рук женщины. Как это Хозяин не вернется? Конечно, он вернется. Вот же его палка осталась здесь. Лари бросился в другую комнату, принес палку Хозяина и положил ее на пол перед Хозяйкой, Инструктором и этой женщиной. Потом сбегал в прихожую и на всякий случай принес еще тапочки Хозяина.

Хозяйка заплакала и сквозь слезы спросила Инструктора:

– Может быть, дать ему эту палку с собой? Или тапочки?

– Вот как раз этого делать совсем не нужно. И сама тоже не приходи. Дай ему забыть, – заявил Инструктор.

И тут Лари понял, почему Хозяин не вернется. Потому что он потерялся, а без Лари не смог найти дорогу домой. И во всем виноват именно Лари. Он виноват в том, что, согласно Правилу, позволил тогда оставить себя дома, а не бросился вслед за Хозяином, когда те люди вынесли его из квартиры. Он виноват в том, что был дисциплинирован и не сорвался с поводка, когда соседка выводила его на улицу. Если бы он тогда бросился разыскивать Хозяина, он бы его нашел. Ведь он прекрасно знает все места, где Хозяин бывает, и все способы как туда добраться, и как вернуться домой. И еще он виноват в том, что вот сейчас предаст Хозяина. Он позволит себя отсюда увести, вернется с Инструктором и этой женщиной в Школу, выучит еще новые маршруты и еще новые слова, а потом будет жить в новой семье и служить этой женщине, потому что он ей нужен. Ведь он – служебная собака, и в этом его служба.

И от отчаяния Лари завыл. Безутешно и безнадежно. Впервые в жизни. Он знал, что ему, поводырю, нельзя выть и даже нельзя громко лаять. И сейчас он виноват еще и в том, что нарушает Правило.

Но не выть он не мог.

Фриц Штернберг

История репатрианта-пенсионера

Предисловие редактора

В начале 90-х огромная волна алии принесла в Израиль миллион репатриантов из бывшего СССР. Израиль сумел «переварить» эту волну не сразу. Есть достаточно много рассказов о том, как профессора мели улицы, и я сам знаю таких. Общий результат известен: Израиль получил мощный импульс, выведший его в число передовых стран. А в то время существовало мнение и ходило множество историй о том, что люди в возрасте найти себя в новой стране не могут, работы нет, язык выучить невозможно, устроиться можно только по протекции и так далее. И вообще привезли много балласта. Разумеется, было всё из выше сказанного, вопрос только, в какой пропорции. В итоге все зависело от конкретного человека и его желания войти в новую жизнь.

Мой отец, Штернберг Фриц Исаакович (15 ноября 1921 – 30 июня 2006) приехал в Израиль в возрасте 71 года, хлебнув и капитализма в Румынии, где он родился, и социализма в СССР, и войны, и антисемитизма в обеих странах. И хотя приехал он в возрасте «балласта», но и работу нашел по специальности, и часть своих знаний и квалификации вложил в израильскую промышленность.

Весь дальнейший текст написан им собственноручно на компьютере, освоенном им в 69 лет.

Леонид Штернберг

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Корни

Я уроженец Кишинева, столицы Бессарабии, бывшей российской губернии. Бессарабия объявила себя независимой в 1918 г. и незамедлительно «по собственному желанию» присоединилась к

Румынии в контексте создания западными державами-победительницами «антибольшевистского санитарного кордона» из независимых государств от Северного Ледовитого океана до Черного моря.

Сельское население Бессарабии состояло в основном из молдаван, гагаузов (тюркское племя) и немецких колонистов. В местечках и городах проживали в основном русские чиновники и евреи, а после 1918 г. прибыли румынские чиновники. В самом Кишиневе в 20-х –30-х годах 70% населения составляли евреи. Улица разговаривала на русском и на идиш. В городе выходили две ежедневные русские газеты и одна на идиш. Постепенно стал внедряться румынский язык.

Родители со стороны матери были из Румынии. Прадед, преуспевающий коммерсант, за поставки разных товаров для армии во время русско-турецкой войны 1877 г. (в которой участвовали также и румынские войска) получил звание «Поставщика двора Его Величества» и, главное, румынское гражданство. В то время только отдельные лица из евреев удостаивались такой чести.

Дед был типичным представителем «нового» по тем временам поколения конца 19-го века, приверженцев движения «Хаскала» (на иврите – образование), суть которого сводилась к тому, что для того, чтобы «выйти в люди», евреям нужно, во-первых, светское образование и, во-вторых, несколько приспособиться к образу жизни окружающих народов. Таких терминов как ассимиляция, интеграция и абсорбция в конце 19-го века еще не знали, но идеи «хаскалы» сделали свое дело. Во многих еврейских семьях, даже бедных, считалось обязательным дать приличное светское образование хотя бы первенцу, а по возможности и всем детям.

О «хаскале» можно спорить бесконечно. Ее положительная сторона – бурный рост еврейской интеллигенции и огромный вклад в современную науку; отрицательная сторона – постепенная утрата религиозности, еврейской самоидентификации и, в конечном счете, неизбежная ассимиляция евреев. О политических аспектах и говорить не приходится.

Как бы то ни было, дед, наряду с еврейским образованием (хедер и иешива), получил также и светское образование в частной немецкой школе и стал фанатом немецкой культуры. Румыния в это время была

лакомым кусочком, яблоком раздора между российской и оттоманской империями, и набирающая силу Германия была не прочь погреть на этом руки. С 1881 г., когда германскому императору Вильгельму удалось поставить на румынский престол Карла Гогенцоллерна, немецкое влияние в Румынии стало преобладающим. Французы тоже не дремали, и их культурные центры и благотворительные учреждения появились во многих городах.

Моя мама окончила школу-интернат «Нотр-Дам», которую вели французские монахини в г. Яссы. В этой школе обучали хорошим манерам, домоводству, музыке, французскому и немецкому языкам и литературе, а также умению вести светский разговор, вести себя за столом, писать письма, танцевать, одеваться и т. д.

Дед со стороны отца проживал в небольшом селе вблизи Кишинева, продавал сельхозмашины зажиточным крестьянам и занимался торговлей зерном. Он обучался только в хедере и ешиве, говорил только на идиш и на русском, но идеи хаскалы были взяты им на вооружение, и все шесть его детей (мальчики и девочки) окончили в начале века русскую гимназию, кто в Кишиневе, кто в Одессе, причем все – с золотой медалью. (Сегодня в Израиле идут споры по поводу отсутствия мотивации к учебе у подрастающего поколения. В ту пору эта проблема для еврейских детей в России не существовала).

По окончании гимназии дед обычно говорил: «Образование я вам дал, далее разбирайтесь сами!» И все 6 успешно разобрались. Отец подал документы на поступление в Харьковский Политехнический им. Александра III, блестяще сдал вступительные экзамены, но ему отказали в приеме по причине превышения процентной нормы. Недолго думая, после возвращения домой отец поехал в Лейпциг, где окончил Коммерческую Академию. В то время ОВИР еще не существовал, въезд из России и выезд в Германию не встречали никаких препятствий, и большинство студентов зарабатывали себе на жизнь сами. Само собой разумелось, что рассчитывать на родительские субсидии отцу не приходилось. В Лейпциге он давал уроки математики и русского языка, который тогда был очень в моде в Германии, и это давало ему возможность продолжать учебу. А летние каникулы все годы обучения

он проводил в Дижоне во Франции в открытом университете по изучению французского языка для иностранных студентов.

В качестве курьеза можно отметить, что очень скоро после отъезда отца в Германию из Харьковского Политехнического пришло сообщение, что в связи с выбытием одного зачисленного студента (из евреев) образовалось свободное место в пределах процентной нормы, и оно предоставляется отцу. Однако к тому времени отец уже был в Германии, и семейный совет (то есть дед) решил, что в Харьков поедет учиться папин брат. Школьная медаль у него была такая же, золотая, а мелкое несоответствие в инициалах и годе рождения было улажено на уровне институтского писаря без особых затруднений. И через несколько лет в семье появился выпускник Политехнического института.

В 1913 г. отец, свежеепеченный доктор экономических наук, вернулся в родные края, где его ожидала служба в армии в качестве «вольноопределяющегося» (была в царской армии такая льгота для лиц с высшим образованием – выбор полка по своему усмотрению). Во время войны он служил в пулеметной роте в армии Брусилова и попал в плен в 1916 г. в Галиции. Немцы в ту пору относились к пленным с уважением, а к русскому воину с высшим образованием, к тому же свободно владеющему немецким языком, тем более.

В 1918 г. по возвращении домой отец оказался уже поданным Румынии. В селе делать было нечего, а в городе он вскоре нашел работу в итальянском банке, где человек, умеющий объясняться как с местным населением, так и с иностранным начальством, да еще с докторским дипломом, был просто находкой.

В 1919 г. отец уже представлял собой завидного еврейского жениха: молодой, красивый, образованный, с приличным жалованием и перспективами на будущее. В то же время в Яссах (80 км от Кишинева) дед искал (по правилам того времени) подходящего перспективного жениха для своей молодой, красивой, образованной и талантливой дочки. И хотя интернета еще не было, но какими-то старыми способами (без Yahoo & Google) выявили наличие такого молодого неженатого и познакомили их.

Отец не разговаривал по-румынски, мама – по-русски, но это им не помешало узнать, оценить и полюбить друг друга; в их распоряжении был и французский, и немецкий. А их родители при встрече общались на идиш и обменивались цитатами из Танаха на иврите.

Помолвка состоялась через полгода, а свадьба в конце 1920 г., и в ноябре 1921 г. уже начался мой жизненный путь.

Счастливое детство (1921–1927)

Я родился в тихие послевоенные годы в обеспеченной семье. Отец, получивший в те годы высшее экономическое образование в Германии, быстро продвигался по службе. Мама, выпускница французского колледжа и консерватории, естественно, не работала, зато содержала дом на подобающем уровне. Мама великолепно играла на рояле, иногда давала концерты и занималась благотворительностью. Мои первые воспоминания раннего детства – это концерты камерной музыки, которые проходили в нашем доме раз в неделю. Среди приглашенных были большие любители музыки, которые с удовольствием принимали в них участие.

Отец работал в итальянском банке с многочисленными местными и зарубежными связями. В нашем «салоне» собирались «сливки» кишиневской интеллигенции: врачи, адвокаты, дипломаты, деловые люди (отчасти заграничные, приехавшие осваивать «тегга пова» – неизведанную, богатую землю).

Тогда слова «бизнесмен» еще не знали. Разговоры шли в основном на немецком и французском, иногда на русском и немного на румынском, который внедрялся понемногу как официальный. После музыки и легкой закуски дамы переходили на обсуждение последних новостей моды и событий недели (сплетен), а мужчины обсуждали политику и играли в покер.

Дела, как мне потом рассказывал отец, решались на следующий день в тиши кабинетов в банке. Таков был этикет.

Отец, родом из бывшей русской губернии Бессарабии, быстро осваивал румынский, мать, уроженка г. Галац в Румынии, учила

русский, но в доме они долгое время продолжали общаться на французском и немецком, которыми они владели в совершенстве.

У меня была «бонна» (нынче это называется бэби-ситтер) из польских обедневших аристократов-эмигрантов, дама с университетским образованием, которая меня воспитывала, учила русскому языку и приличным манерам. Мама пыталась меня приобщить к музыке, но из этого ничего не получилось.

В 1925 г. в Кишинев переехали мамины родители. Дед был большим поклонником и любителем немецкой культуры.

В доме появилась Большая Немецкая Энциклопедия Майера (40 томов) и Всемирная История Шлоссера (25 томов), и дед меня научил пользоваться этим бездонным источником знаний.

Первые школьные годы (1927–1930)

Начальное образование было рассчитано в Румынии на 4 года, но поскольку я читал свободно (и не только на румынском), родители решили меня отдать сразу во второй класс.

Итак, к началу школьного периода я безо всякого ульпана (учебных классов) и без личных стараний, просто по условиям жизни, говорил по-немецки, по-французски, по-румынски и по-русски.

Школьные занятия были не очень обременительны, музыкальным талантом меня Всевышний не удостоил, физмат-кружки появились несколько позже, спорт был тогда не очень в моде, да и мама боялась меня перегрузить физически, так что пришлось заниматься языками, на сей раз по-научному, с преподавателями – с изучением грамматики, литературы и истории.

Немецкий и французский культурные центры были в расцвете, к тому же было модно заниматься языками, а с модой на определенном социальном уровне не шутят.

Ну а идиш пришел сам, из окружения. Ведь 70% населения города говорили на идиш.

На день рождения в 1928 г. мама подарила мне сестричку.

Первые испытания – гимназия (1930–1934). Бар-Мицва

Для еврейского мальчика того времени гимназия, то есть образование, было совершенно необходимым условием для продвижения в дальнейшей жизни. Поступали в гимназию по конкурсу. Антисемитизм только начинал проявлять себя, и власти не препятствовали евреям поступать учиться, но в элитарную гимназию №1 принимали неохотно, то есть резали на конкурсе беззастенчиво. Тогда я получил первое представления о том, как евреям пробиваться в жизни. Однако, если вся проблема состояла только в знаниях, с этим, казалось, еще можно жить.

Все лето ушло в бесконечных занятиях, но победа была за нами. Итак, я ученик гимназии №1, в гимназической форме, почти как военной, и с опознавательным знаком гимназии и личным номером на левом рукаве. Ношение формы обязательно, как в школе, так и на улице. Попробуй пошалить на улице или зайти без родителей в кафе. Исключение из гимназии было почти гарантировано. Через несколько лет к этим проблемам прибавятся еще посещение кино с фильмами для взрослых и прогулки с девушками (обучение было раздельное), но это все будет позже, а форму придется носить 8 лет и дисциплину соблюдать тоже.

В классе 40 учеников, в том числе несколько евреев. Есть группа «аристократов» (сынки присланных для освоения Бессарабии крупных румынских чиновников, священнослужителей и высших офицеров гарнизона). Эти держались обособленно, играли только между собой и отличниками не являлись. Дипломы и продвижение у них были обеспечены по наследству и социальному положению.

Учителя строгие, но уважительные. В классе дисциплина на высоте. Надо отдать должное тогдашней румынской системе обучения. Учили основательно. Четыре языка (включая латынь), математика, всемирная история и география, естествознание и религия давали уже после 4 лет гимназии солидную базу для дальнейшей учебы и довольно обширное (и, пожалуй, адекватное) представление об окружающем мире.

На уроках Закона Божьего, которые вел поп, евреи не присутствовали. Но не могло же государство растить атеистов, то есть коммунистов-большевиков. Поэтому было организовано изучение Торы, естественно на иврите, с преподавателем-раввином со всеми регалиями (кипа, пейсы и цецит). Разумеется, власти не забыли и про «иштатфут ацмит» (личное участие учеников) в оплате раввина. Это, оказывается, изобрели не в Израиле.

Параллельно, дома, в течение года, дед Генрих (дед по маминой линии) усиленно готовил меня к Бар-Мицве по всем правилам. Он, хотя и был левитом, но относился, как и мой отец, к секулярным евреям, что примерно то же, что сегодня бы назвали «шомрей масорет» (соблюдающие традиции). Дед был знатоком талмуда, а для отца годы в «хедере» (начальная еврейская религиозная обязательная школа для мальчиков) до русской гимназии и университета в Лейпциге тоже не пропали даром. В доме была атмосфера толерантного атеизма ассимилированной еврейской семьи, хотя мы совершенно четко чувствовали себя евреями.

Все праздники строго соблюдались: с постом и хождением в синагогу на почетных местах (впрочем, за весьма приличную плату). На Песах извлекались сервизы пасхальной кошерной (культово-чистой) праздничной посуды и читались положенные молитвы. Седер (торжественный ужин) проходил по всем правилам, чаще всего в доме деда Бориса (со стороны отца) на селе в Чимишлии, куда собиралась вся многочисленная семья (дети с женами и мужьями, внуки и внучки – человек до 30).

Старшие классы гимназии – Бакалавреат⁸.

Личная встреча с антисемитизмом, 1934–1938.

Для поступления в 5-й класс гимназии нужно было пройти очередной конкурс. Параллельных старших классов в гимназии было в два раза меньше, чем таких же младших классов, а настроение чиновников от образования стало меняться с резким усилением

---

⁸ Так в Румынии назывался аттестат зрелости.

немецкого нацистского влияния и началом открытой пропаганды антисемитизма.

С учетом всего этого нетрудно представить себе, что для меня место в гимназии №1 не нашлось, хотя по конкурсу я прошел. Я гулял три недели после начала учебного года, пока влиятельные друзья отца не пробили стенку ненависти. Еще 4 года учебы прошли без приключений. В старших классах вместе со мной блестяще учился и Фима, брат моей будущей жены.

За время мирового кризиса 1929–1932 гг. банк, где работал отец, обанкротился, отец стал бизнесменом, дедушка Генрих и бабушка Мария ушли в мир иной, тучи над Европой сгустились, и железногвардейцы (румынские СС) стали поднимать голову. В 1938 г. началась экспроприация еврейской собственности.

По новому закону евреям нельзя было владеть ни землей, ни предприятиями, ни газетами. Приходилось продавать за бесценок.

Экзамены на бакалавреат я сдавал уже в 1939 г. в довольно тяжелой обстановке, но экзаменационные работы были запечатаны под кодом, и иногородняя комиссия не очень придиралась.

Все равно, с бакалавреатом или без него, многие дороги евреям были закрыты, но все же надо было получить высшее образование.

Политехникум в Бухаресте – Ульгиматум СССР. Возвращение в Кишинев (1939–1940)

Родители мечтали, чтобы я стал врачом, но я наотрез отказался, и было принято решение пойти в инженеры. Политехникум в Бухаресте был на хорошем счету, но поступить туда было сложно. Кроме очень сложного вступительного экзамена, власти придумали способ отделяться от нежелательных еврейских студентов – обязательная медкомиссия, которая определяла, способен ли кандидат в студенты выдержать предстоящую нелегкую учебную нагрузку.

Мальчика могли признать годным для воинской службы и притом «физически непригодным» для учебы (до психотестов, тогда еще не думались). Обойти это препятствие можно было только личным контактом с председателем комиссии. В конечном счете все обошлось,

экзамены я выдержал, и с осени 1939 г. уже был студентом. На электромеханическом потоке было 350 студентов, в том числе даже 3 девушки. Вместе со мной на этот же факультет поступил с блеском и Фима.

В это время немцы уже заняли Данциг, и началась Вторая Мировая война. Бухарест был наводнен беженцами из оккупированной Польши, и тучи постепенно сгущались. Заговорили о предстоящем захвате Бессарабии Советами. В этой обстановке удалось сдать экзамены, но, возвращаясь с последнего экзамена, я застал телеграмму от родителей с требованием немедленно вернуться домой. В Кишинев я вернулся с последним поездом регулярного ж.-д. сообщения.

На второй день, 27 июня 1940 г., СССР предъявил Румынии ультиматум, и 28 июня Красная Армия вступила в Кишинев. «Освобождение» Бессарабии из-под ига капиталистов состоялось.

В эту же ночь дедушка Борис (папин отец) скончался от сердечного приступа. На похоронах местные евреи говорили, что Бог его уберег, что он умер как цадик (святой) и не попал в руки безбожников-большевиков. По его социальному статусу ему бы не поздоровилось при новой власти.

Я – гражданин Советского Союза

В течение месяца еще можно было легально переехать в Румынию. Друзья отца предлагали ему переехать в Бухарест с гарантией трудоустройства, но надвигающаяся коричневая чума и иллюзия коммунистического счастья взяли верх, и мы остались. Очень скоро мы стали понимать, что сотворили. Узнали новое слово: **уплотнение**. Это когда к тебе в дом приходит комиссия и определяет, что тебе хватит одной комнаты, а в остальных поселятся прибывшие из Союза чиновники и политработники.

Стали выдавать паспорта. Не всем, конечно. Многие семьи были вскоре высланы в Сибирь и Казахстан на бессрочное поселение. В тот год нас эта участь миновала. Стали разговаривать шепотом. Граница на Днестре была на замке, западная – тем более.

Отец и я, мы устроились на работу. Надо было продолжать учебу. Спецкомиссия определяла, кто достоин учебы в советском вузе, а кто нет. Мне отказали. Социальное происхождение некошерное – носитель чуждой идеологии.

Одесский институт связи

Для выезда из Бессарабии в СССР требовался пропуск НКВД. Многие ребята (из менее обеспеченных семей) получили разрешение на выезд на учебу в Одессу, и один из них уговорил директора Одесского института связи зачислить многообещающего студента. Директор поддался на уговоры, и выслал справку о зачислении и соответствующий вызов на выезд в Одессу (после чего получил выговор по партийной линии за поощрение буржуйских элементов). Однако вызов был в порядке, и я получил разрешение на выезд.

Итак, я – студент института связи. Прекрасное общежитие с приятным и дружелюбным товарищем (как оказалось потом – информатором НКВД), который вводил меня в курс советского образа жизни, и попутно выяснял, как я к нему отношусь. Вместе со мной на том же факультете занимается и Фима. Занятия на высоком уровне, учебники куда доступнее пониманию, чем зарубежные, к которым я привык в Бухаресте. Среди «важнейших» дисциплин – «Основы марксизма-ленинизма». Учебник – «Краткий курс истории ВКП(б)» – содержит главу 4: теоретические основы – автор, говорят, сам Сталин.

Официальное мнение – это самый сложный раздел учебного курса. Начинаю изучать. Идет аргументация против чего-то и против кого-то, но что именно опровергается, не сказано. И тут я совершаю недопустимую ошибку: я спрашиваю преподавателя, где я могу почитать то, что опровергается. С работами Ницше и Шопенгауэра я успел познакомиться, а вот с Махом и Ко. – нет. Преподаватель – милая еврейская женщина – чуть ли не падает в обморок и объясняет, что читать такую ересь вредно и для ума, и для здоровья тем более, и категорически не рекомендуется, а если и читал в прошлой жизни, лучше забыть и не упоминать.

Наступает пора экзаменов. Получаю несколько пятерок и претендую на повышенную стипендию. Меня приглашает эта же преподавательница и сообщает, что, к сожалению, по «Основам марксизма» она мне 5 не сможет поставить, как бы я ни отвечал, и просит согласиться с очевидной ситуацией. «Не может чужестранец овладеть такой сложной наукой за один семестр, тем более что...». Это мнение деканата, и оно согласовано, где надо. К ее великому огорчению я не согласен, и вопрос выносится на решение партгруппы факультета. Соломоново решение – я буду сдавать экзамен комиссии во главе с инструктором райкома. Опытные местные ребята советуют согласиться на 4, но я рискую идти на встречу в верхах.

После двухчасового экзамена, где я повторял как попугай 30 страниц учебника (однако без личных комментариев), я получаю 5, а бедная преподавательница замечание за недооценку великой силы убеждения «Краткого курса истории ВКП(б)».

Война и эвакуация

В начале войны немцы начали бомбить Кишинев. Родители бросили все и на грузовой машине приехали в Одессу, и далее мы двинулись на Николаев и Запорожье, где удалось сесть в эшелон с беженцами. Едем на Кавказ. Остановились в Ростовской области, но в сентябре немцы уже были в Киеве, и родители двинулись дальше в сторону Средней Азии. Уроженцев Бессарабии неохотно брали на фронт в первый год войны. Не доверяли нам, и это меня, наверное, спасло. Меня мобилизовали в трудовую армию на строительство укреплений. Лютая зима 1941–1942 гг. Морозы под Сталинградом доходили до -40°C . Обморожение ног, и я получаю отпуск по болезни из трудармии. Еду в Ташкент искать родителей.

Ташкент 1942–1944

По прибытии в Ташкент узнал, что родители находятся в Уч-Кургане, городишке на юге Узбекистана. Для поездки на встречу не было ни денег, ни сил. Обморожение ног грозило серьезными

неприятностями. По направлению военкомата попал в военный госпиталь, где чудом избежал ампутации ног. Меня спас один молодой врач-узбек, который мне предложил попробовать втайне его домашнее лекарство (мазь, приготовленную его бабушкой). Терять было нечего, я согласился, и помогло. Военврачи очень удивились неожиданному излечению, но из госпиталя выписали. Надо было куда-то пристроиться. По совету знакомых кишиневцев, которых в Ташкенте было много, я поступил в эвакуированный Харьковский ж.-д. институт, который обеспечивался лучше других.

Улыбка судьбы – нивелир

В институте договорился о сдаче экзаменов без посещения занятий и пошел рабочим в стройтрест, что давало рабочий паек вместо голодного студенческого. Стройтрест приступал к строительству общежития для эвакуированных из Харькова студентов. Работа начиналась с нивелировки стройплощадки для определения объема земляных работ. На мое счастье нивелир прораба поломался. Я вызвался взять нивелир в геодезическом кабинете института по студенческому билету. На вопрос прораба, умею ли я им пользоваться, я ответил утвердительно, хотя никогда его в руках не держал. За отсутствием техника-нивелировщика, прораб обрадовался такой находке, поручил мне нивелировку и уехал по своим делам. Прочитав инструкцию к прибору и пару страниц учебника по геодезии, я взялся за дело.

Через два дня нивелировка была завершена, а главное, полевая документация подготовлена точно по инструкции. Получилось внушительное количество земляных работ, хотя на глаз площадка была почти ровная. Прораб очень удивился результату, но документация была безупречная.

А секрет был простой: я все делал правильно, но забыл выставить уровень нивелира, и он смотрел в одну сторону вниз, а в противоположную вверх.

Позже я узнал, что прораб заактировал и получил оплату за все эти кубометры, а меня он не выругал, а наоборот, зауважал, и я получил

продвижение по службе. Он, бедняга, был очень занят, и я фактически командовал всеми работами.

Рабочих и прикомандированных студентов на стройке было около двухсот человек, да пара бригад узбеков. Все ведь делалось вручную. Итак, днем на стройке, вечером в библиотеке института. Нелегко, но ведь идет война.

Встреча

Сентябрь 1942 г. Идет регистрация группы вновь прикомандированных на стройку студентов.

«Фамилия? – в ответ звучит знакомая фамилия – сразу узнал. – Ты сестра Фимы?» – «Да». Так состоялась встреча, которая определила всю мою последующую жизнь.

Мы оба занимались на одном факультете, но на разных курсах. Встречались в дружной компании ребят из Кишинева.

Постепенно я понял, что это серьезно, и кажется, взаимно. Она отыскала своих родителей, и установилась переписка.

Резэвакуация

Шел 1943 год. После страшного 1942 года военная обстановка стала меняться в пользу СССР и союзников. Вскоре начали говорить о перспективе возвращения института на Украину.

И действительно, в марте 1944 ж.-д. эшелон со старшекурсниками вернулся в Харьков, где параллельно с учебной студентами занимались восстановительными работами.

Как студентка младших курсов, моя невеста оставалась в Ташкенте еще долгих шесть месяцев, пока мы в Харькове готовили учебный корпус и общежития.

4 сентября 1944 эшелон прибыл в Харьков, и долгожданная встреча состоялась.

1945 год

Наконец мы с ней были вместе. Учеба, встречи, настоящие чувства, и вскоре приняли решение пожениться. 4 сентября 1945 г., в годовщину возвращения в Харьков, мы поженились. Нам выделили комнату в общежитии (по блату, конечно; я подрабатывал электромонтером в институте).

Дипломный проект мне сделала жена, я работал, и заниматься проектом было некогда.

31 декабря 1945 г. я защитил диплом, и опять же по блату (все электрохозяйство института было в моих руках) получил назначение в Харьковский проектный институт Трансзаводпроект. А могли заслать инженеришкой в любую дыру, где только есть железная дорога.

Трансзаводпроект

Окончил я институт по специальности ж.-д. вагоны, но этот профиль работы меня не привлекал, и вскоре я перешел на проектирование электрических станций – пусть меня научат. Научили!

Шел 1946 год. СССР вывозил из оккупированной Германии все, что только можно было. Поскольку я говорил по-немецки, меня командировали в Кенигсберг для подбора техдокументации намеченной к демонтажу местной электростанции (тогда еще не знали, что Кенигсберг станет Калининградом).

В течение 40 дней я ждал в Москве оформления пропуска в военную зону Кенигсберга (проверяли мою биографию). Зарплата плюс командировочные, и никакой работы.

Зато по командировочному удостоверению билеты без очереди в любой театр и возможность ознакомиться с Москвой. Меня тепло встретили и приютили на время продолжительного «отпуска» родители моей троюродной сестры, и этот дом стал для меня родным.

Наконец выдали разрешение на выезд, и уже в Кенигсберге я понял, как живет начальство. Все было как в сказке.

Я был прикомандирован к «уполномоченному министерства» в составе группы энергетиков, и это означало, что у нас был мягкий вагон

в качестве гостиницы, спецкухня с поваром и снабжением продуктами, которые я потом долгие годы видел только на картинках (плюс пиво и водка без ограничений), и все бесплатно.

Автомашина для экскурсий по округе и т. д., и все это во время, когда в стране была карточная система.

После возвращения в Харьков начались будни. Было еще много интересных и дальних командировок во все концы Союза, но такого больше не было.

Катастрофа

В 1949 г. мы с женой уже ожидали сына, а жизнь в Харькове была нелегкой. В то же время в Молдавии было намного легче. По тогдашним законам увольняться по собственному желанию нельзя было, но можно было переходить с работы на работу по согласованию двух начальников, тем более в одном и том же министерстве. Мы решили предпринять попытку переехать в Кишинев. Я поехал на переговоры с Кишиневской железной дорогой о переводе к ним. Кишинев меня встретил невесело. По городу ползли слухи о предстоящей «чистке». Высылки боялись все.

Для предосторожности решили, что я буду ночевать у родителей жены. Это меня и спасло. Ночью родителей забрали и отправили на поселение в Сибирь на золотые прииски Таштагола.

Моя сестра, к счастью, была в это время на практике на селе и высылки избежала. От этой психологической травмы я не пришел в себя до сих пор.

Я вернулся в Харьков и ничего не рассказал жене о случившемся. Мама погибла в ссылке от рака в 1954 г. Папе разрешили вернуться в Кишинев в 1956. Когда стало возможным что-либо узнать о причинах ссылки, оказалось, что в его деле кроме записи распоряжения о ссылке **больше ничего нет.**

Через пару месяцев после моего возвращения из Кишинева родился сын, и родители жены переехали в Харьков. Жена окончила институт в 1947, проработала несколько лет в Дорпроекте и была уволена в 1951 г. в связи с борьбой с засорением кадров. Эпидемия

чисток только начиналась. То же самое повторилось и в 1952 году, когда ей пришлось уйти из Теплоэлектропроекта по той же причине. К счастью, Минчермет был менее инфицирован антисемитизмом и принял хорошего специалиста на работу в проектный институт.

Торговая Палата

Надо было как-то устраивать жизнь. Квартиру снимали в частном секторе. Стоила она ползарплаты. Все сотрудники занимались «халтурой», то есть выполнением работ в вечернее время для других организаций. В своей сверхурочных не платили. Это был выход из положения, хотя и не блестящий. Тут я узнал, что Торговая Палата ищет переводчиков. Дело в том, что кроме документации на немецком, привезенной из Германии, многие предприятия стали получать американское оборудование по «ленд-лизу»⁹, и надо было, причем срочно, ознакомиться с документацией. Появился спрос на технических переводчиков, а их было немного. Спасибо родителям, которые меня научили немецкому и французскому, и тете Розе, которая со мной занималась английским. Так я начал свою работу в Торговой Палате, и я продолжал ее до выезда в Израиль.

Квартира

Мы жили впятером на частной квартире, которая стоила бешеных денег, но благодаря переводам удавалось справляться. По закону, у меня были все права на получение ведомственной квартиры, но этого было недостаточно. На 8-ом году работы нам предоставили, наконец, жилье – одну комнату 27 м² на 5 человек в коммунальной квартире, правда, в новом современном доме в центре. Начальство рассчитало правильно – получалось более 5 м² на человека и, по закону, я уже ничего требовать не мог. В любом случае, подгадали правильно. Квартира оказалась подарком к рождению дочери.

---

⁹ Так у автора.

Меценаты из Торговой Палаты

Каким-то чудом Совет Министров СССР установил еще в 1946 г. расценку в 400 рублей (до реформы Хрущева) за 40000 печатных знаков текста перевода, что составляло 1 копейку за каждую букву (в т. ч. за пробел). Эта расценка оставалась в силе до 1985 г. Она была несопоставима с оплатой инженерного труда и давала возможность прилично заработать. В 1960 г. в местной газете появилась статья под названием «Меценаты из Торговой Палаты», в которой «разоблачались» темные делишки – разбазаривание государственных денег через всяких там переводчиков вроде... – далее шесть еврейских фамилий, в том числе и моя, с указанием «фантастических» заработков: «Так, например, Штернберг может переводить с любого языка и заработать 36000 руб. за год, а Пинскер может даже с японского ...».

Реакция была мгновенной. Назавтра я должен был отчитаться на заседании месткома¹⁰. Начальство не могло понять, как можно честно заработать такие деньги, да еще в вечернее время. Даже директор не получал столько на основной работе с ненормированным днем, а нес ведь какую ответственность!! А тут какой-то инженер, да в вечернее время...

На совместном заседании партгруппы и месткома я подтвердил сумму заработка, представил выписку из Постановления Совмина о расценках и предложил желающим пересчитать печатные знаки в сданных в архив переводах. Про Word Count тогда еще не знали. На вопрос «и за каждую букву по копейке??» я ответил утвердительно и добавил: **«Надо только знать, какую букву написать».**

Никакого решения не приняли, понадеялись на прокуратуру, которая дело закрыла после длительной проверки. Жаловаться можно было только на Постановление Совмина. Но сигнал все же поступил – надо было им заниматься!!!

---

¹⁰Местный комитет - актив профсоюзной организации предприятия.

Будни

Жизнь шла своим чередом. Сын перешел учиться в физматшколу, затем в МГУ, после чего уехал на работу в Куйбышев. Дочь также окончила физматшколу и Политехнический Институт, поступила на работу, вышла замуж и родила внучку. Сын нам подарил внучку и внука.

Работа в проектно институте казалась бесперспективной. Должность главного специалиста была пределом возможного, и я направил все усилия на разработки по теории и практике технического перевода.

Удалось даже организовать курсы подготовки переводчиков, на которых я числился деканом.

Благодаря вмешательству начальства Торговой Палаты через партийные органы (вот как!) мы, наконец, получили в 1982 г. нормальную двухкомнатную квартиру. Персональным кабинетом для работы я обзавелся только в Израиле.

А как насчет компьютера?

В 1990 г. (мне уже было 69, и я продолжал работать) директор меня вызвал и объяснил, что держать на руководящей работе человека моего возраста опасно для дела и, кроме того, не исключено, что я надумаю уехать.

Поэтому он рекомендует передать дела более молодому специалисту. Однако, учитывая заслуги и т. д., расставаться со мной он не желает и предлагает мне курировать отдел по мере необходимости и заниматься вопросами компьютеризации, правда, с понижением по должности и с меньшим окладом.

Я не знаю, какой ответ он ожидал, но я с радостью согласился. Избавиться от ответственности за работу 20 человек, большинство которых стали смотреть кто в лес кто по дрова, получить отдельный кабинет с персональным компьютером и кондиционером (впрочем, с обитой железом дверью и сигнализацией – ведь там стоял компьютер) и

заняться новой интересной работой, которая не имеет ни конца, ни сроков исполнения – это ведь почти мечта.

В итоге, когда я через год уволился в связи с выездом, я уже знал, что такое мышка, и даже успел сделать программу для начисления зарплаты на Суперкалке.

В общем, я весьма признателен директору за его «заботу» обо мне. Кстати, под этот шумок я и дочку пристроил к программированию.

Алия

Когда свежие ветры начали доходить до Харькова, некоторые наши друзья тронулись в дальнюю дорогу, в Штаты, и очень уговаривали последовать за ними. Хотя прошло уже много лет с момента ссылки родителей, я продолжал находиться под стрессом и не мог воспринять идею обращения в ОВИР и вообще в «органы». Созрел я только после путча 1991 г., и то главным двигателем нашего выезда была жена. Только благодаря ее энергии и настойчивости мы сегодня здесь, на Святой Земле, рядом с нашими близкими. Огромное спасибо нашим дорогим приятелям, которые нас приютили и направили наши первые шаги в новой жизни. Неожиданно для меня оказалось, что мое знание языков вместе с инженерными и компьютерными навыками может мне обеспечить неплохой заработок, и на мои знания есть спрос. Я нашел свою нишу в Израиле.

Работа в Израиле

Несмотря на всеобщие жалобы тех времен об отсутствии работы и солидный возраст, работа находилась без особых проблем. Главными были три вещи: квалификация, знание языка, чтобы как-то общаться с работодателем, и умение правильно себя подать в «корот хаим» (профессиональном резюме).

Был изобретен особый прием: первая строка в резюме жирным шрифтом «Полная занятость нежелательна». После этого возраст уже никого не интересовал. А вот инженерные знания плюс знание языков давали свои результаты. Разговариваю с одним из заказчиков: «Я тебе

это, конечно, переведу на английский, только вот суть того, что написано ...», и далее следует объяснение, что не так с инженерной стороны. Заказчик удивленно соглашается.

Затем стали приглашать на совещания, хотя я вроде бы только переводчик. Но фактически я нередко и писал документы. И вот на одном из совещаний один из работников докладывает по моему документу. Начальник задает ему вопрос: «Это кто писал?» Ответ с жестом рукой в мою сторону: «Он переводил». На что начальник ему говорит: «Кто переводил – это и так ясно. Писал-то кто? Ты же так не умеешь».

В начале 2000-х появилась огромная работа по переводу с русского на английский. «Эльбит» получил большой заказ из бывших «братских стран» по модернизации самолетов МиГ: из них выбрасывали советскую электронику и ставили израильскую. Вся документация по МиГам – на русском, а для перевода технических документов нужно понимать, что переводишь, т. е. переводить должен инженер.

Конечно, с окончанием каждой работы мелькала мысль «А будет ли следующая работа?» Но всякий раз оказывалось, что следующая работа была.

Послесловие редактора

Последнюю свою работу мой отец сделал в возрасте 84 года, когда ещё позволяло здоровье.

Диана Беребицкая

Только один вопрос

Нельзя себя щадить. Нельзя позволять себе привыкать к трагедии, отворачиваться, проскальзывать между эмоциями и жить свою жизнь дальше. Никогда нельзя, особенно в этот день. И сегодня, когда исполняется ровно год со дня страшной резни 7.10.23, я читаю разрывающие сердце рассказы о том, что происходило тогда. Вот один из них.

Шестого октября 2023 года женщина перенесла тяжёлую нейрохирургическую операцию по удалению опухоли. Рано утром седьмого октября её двадцатилетний сын позвонил ей прямо в реанимацию... чтобы попрощаться. Потому что он был на том фестивале, который на рассвете, в этот самый момент, расстреливали озверевшие террористы ХАМАС. Потому что он и его друзья метались между смертоносными пунктирами огня и нигде не могли найти защиту.

Он кричал, и голос его срывался. Она открыла карты гугла на телефоне, пыталась подсказать ему, куда бежать. Всё напрасно. Парень упал где-то между камней и заплакал: у него больше не было сил бежать, ему было страшно умирать. Он умолял помочь. И тогда эта женщина, едва пришедшая в себя от наркоза, обезумевшая от отчаянья, запела по телефону колыбельную, которую пела ему в детстве.

Невероятно, но она спасла его: его друзья побежали дальше, и тут же были расстреляны террористами. А он скорчился на земле и затих, слушая мамину колыбельную, и его не заметили.

И тут бы надо проклясть ХАМАСовских выродков, а потом вознести благодарственную молитву и матери, и Господу за это трогательное спасение среди воющего ада.

Всё так. Но у меня только один вопрос: что сын делал на фестивале в тот день, когда его мама ложилась под нож хирурга?

Марина Симкина

К слову

Аудиозапись, читает автор ■ Звонок друга.т4а

Звонок друга из Петербурга

Позвонил на днях Серега.
Сразу, без обиняков,
Он спросил нас очень строго,
Мол, вы что там – без мозгов?

Я сижу в своей квартире,
Весь волнением изошел.
Что вы там взорвали в Сирии?
Ай-я-яй, нехорошо!

Вам подглядывать не стыдно ли
Свысока в соседский двор?
Порох в бочках? Эт-вы выдумали,
А не пойман – так не вор.

Мы с друзьями офицерами
Понимаем толк в войне.
У Башара плохо с нервами,
Как вам даст – и прав вдвойне!

Лишь тебя мне жалко, дурочку,
Коль ракета долетит..
Эх, пойду-ка съем я курочку,
Разыгрался аппетит.

Неладно в Датском

Неладно в Датском... Видно, ждать войны,
Опять велят менять противогазы.
Бежать от правды снова мы вольны,
Хоть чуем приближение заразы.

И вновь не верим, что придет беда.
Не то, чтоб нам геройствовать охота,
А просто не уедешь никуда,
Когда повязан домом и работой.

На Шарике опять большой бардак.
Мир вновь глядит со злобой и опаской.
И крайних ищет, чтоб спустить собак
И спрятаться за карнавальной маской.

Мы снова у знакомого причала,
И та же музыка когда-то здесь звучала.

Игорь ЛеШ

Семейный портрет в интерьере XX века

*Посвящаю моим замечательным
родителям и всей моей огромной семье,
разбросанной по миру*

(Если ты, дорогой читатель, не режиссёр и не собираешься воплощать эту пьесу сценически, чтение списка действующих лиц отложи «на потом».)

Действующие лица:

Израиль – высокий, очень сильный мужчина 42–45 лет.

Сара, его жена – красивая, среднего роста, изящная женщина 38–40 лет.

Рика, Ричка-бричка, их дочь – подросток 16-ти лет, похожа на мать, по ходу пьесы вырастет до 22-х, затем до 24-х лет.

Лёнька, Лёнчик, Леонид, их сын – очень худой мальчишка 8-ми лет, вырастет до 14-ти, затем до 17-ти и до 20 лет.

Приятель 1, мальчишка 12–14 лет.

Приятель 2, мальчишка 12–14 лет.

Ганс – мускулистый молодой немец 18-ти лет, вырастет до 24-х, затем до 27-ми лет.

Швонхерт – завсклада, невысокий лысоватый мужичонка с привычно-заискивающим невыразительным лицом.

1-й гэпэушник (*в форме*) – высокий мужчина с безразличным лицом (в этой жизни ему всё надоело).

2-й гэпэушник, С а в е л и й (*в кожанке*), он же 5-й полицай – безликий среднего роста и телосложения человек.

Два опричника (*любые*).

Командир и 4 полицая (*любые*) они же опричники + 1-й гэпэушник.

Седой, Лезгин, Бес (*авторитет*) – 3 советских зэка (*они же – полицаи со слегка изменённым гримом*) в соответствующих робах.

Летун – 4-й заключённый, полковник-лётчик; подтянут, очень чистая роба, выделяется независимым видом.

Вергухай – злобный охранник-лейтенант (*около 40-ка лет*) в грязном, засаленном ватнике (*один из опричников*).

Дворничиха – дама выше средней упитанности с глуповатым выражением лица и приоткрытым ртом.

Соседка – «серая мышка», женщина неопределённого возраста.

Стёпа, Степан – влюблённый паренёк 19–20-ти лет.

Родители Степана – мужчина и женщина средних лет.

Лиля – подруга Рички, статная красивая молодая женщина.

Таня – невысокая, худощавая девчушка 16-ти лет.

Начальник цеха, Костя – средних лет, среднего роста человек с озабоченным лицом.

Пожилой рабочий – мужчина около 60-ти лет.

Директор завода – плотный мужчина в гимнастёрке, часто вытирает лицо и шею платком.

Командир советского противотанкового полка – среднего роста коренастый мужчина (*он же нач. цеха*).

Начштаба того же полка, майор – с обычно потухшим окурком в зубах.

Сергей, мл. лейтенант, командир противотанковой батареи – худой молодой человек.

Советские солдаты и сержанты (*они же – ребята в альплагере*) – молодые пацаны.

Гюнтер – командир немецкого полка, плотный полковник среднего роста с самоуверенным лицом.

Фридрих – начальник штаба немецкого полка, худощавый, подтянутый майор.

Немецкий генерал – высокий худощавый аристократ с моноклем.

Адъютант немецкого генерала – вышколенный молодой капитан, фигура и лицо выражают «готовность служить»,

Два альпийских стрелка – подтянутые настороженные 25–35-летние мужчины в запылённой форме,

Немецкие солдаты – молодые люди, почти мальчишки, в форме,
Ружичка – молодой чех, среднего роста парень 17–18-ти лет.
Как подать нерусскую речь, оставляю решать режиссёру.

Пролог

*Лето 1939-го года. Альплагерь «Выше мира крыши» расположен в горах
Крыма. Около вывески с названием лагеря косовато прибита фанерка с
не слишком высокохудожественным стихотворением:*

*Знают все,
Кто духом молод:
Выше всех –
Коммуны голос!*

Два приятеля подначивают Лёньку.

Приятель 1: Лёнька, ты же говорил, что страховка тут ни к чему –
давай, попробуй!

Лёнька: После ночи скала мокрая. Попозжее днём – па-жалста!

Приятель 2: Конечно, то Солнце светит не так, то что-то мокрое...
между ног.

Лёнька: Ну, не поминайте лихом!

*Подходит к скале и ловко карабкается. Поднимается метров на 8,
очередной раз переносит правую ногу. Из-под левой срывается камень.
Соскальзывает и правая рука. Парнишка повисает на одной левой руке.
Это видит старший парень, даёт держать конец страховочной
верёвки, пропущенной через карабин, закреплённый на вершине скалы,
приятелям Лёньки, за несколько секунд добирается до зависшего с
помощью верёвки и подаёт её Лёньке. Оба по очереди благополучно
спускаются.*

Лёнька: Ну, спасибо тебе, спаситель! *(протягивает руку)* Леонид.

Ганс *(пожимает Лёнькину руку):* Ганс.

Лёнька: О, камрад из Германии? Решился приехать? Не напрасно! Пока мои тугодумы сообразили бы что делать, я бы точно свалился. А как ты вырвался? Сейчас не 29-й, а 39-й год. Жаль, но мы уже не очень друзья.

Ганс: Как вас петь: «кто хо-чит, тот до-бё-ца»!

Лёнька: Точно! Ты молодчага, и по-русски шпрехаешь!

Дружески беседуя, ребята удаляются. «Подначиватели» уже перевели дух и смотрят им вслед.

Действие 1

Сцена 1

Май 1935 г. Бедная комната одноэтажного дома в центре города. Усталый Израиль возвращается с работы.

Израиль: Здравствуй, родная. Целует Сару. Садится на стул. Сара сзади обнимает сидящего мужа.

Сара: Ну, расскажи, как на нашем кожзаводе? (Торжественно, отстраняясь от Израйля) К Первому Мая 1935 года... (далее обычным голосом) перевыполнили план? Получили новые шкуры? А Швонхерт...

Израиль: Да нет, сегодня всё было хорошо. С утра я ему сказал, что он – волшебник: у него шкуры без костей умеют бегать. Его слегка перекосило, и он исчез на весь день.

Сара (всплёскивает руками): О, силы небесные! Ты у меня сама справедливость! Такой негибаемо-сильный, что тебя можно только сломать... (Обнимает его за голову.) О, моя умная глупая головушка!

Лёнчик (вбегая в комнату): Папа, папа, эти орехи такие хитрые! Они высклизывают из двери, а потом ещё и прячутся!

Израиль: Сынок, я же тебе показывал!

Берёт грецкий орех 2-мя пальцами и без видимого усилия щёлкает его. Сын обнимает отца, берёт расколотый орех и начинает доставать ядро. К маме подходит сияющая дочь.

Рика: Мама! Мне Костя сегодня написал записку! А знаешь, что там было?

Брат тихонько подходит сзади. Сестра, не дожидаясь ответа матери, забыв обо всём на свете, продолжает.

Рика: Он написал, что я очень красивая!

Брат дёргает сестру сзади.

Лёнчик: Твой Костя весь в очках, он тебя просто не разглядел!

(Сестра хватается за полотенце, брат, убегая от неё, кричит) – Ричка-бричка, полóматое колёсико!

Сара: Дети, идите спать!

Лёнчик (*заходит в комнату*): Мама, а ещё пирожки есть? Они у тебя такие вкусные... А их было так мало...

Сара в растерянности, ей помогает дочь.

Рика: А знаешь, что бывает с теми, кто объедается пирожками с капустой?

Лёнчик (*заинтересовано*): Что?

Рика: У них капуста вырастает на затылке!

Сын трогает затылок, понимает шутку, хватается за то же полотенце. Дети убегают.

Рика (*кричит*): Лёнчик-пончик!

Сара: Дети, дети, ком цу мир! Марш спать!

Израиль достаёт ботинок, рассматривает его.

Сара (*обнимает Израйля*): Ты идёшь?

Израиль: Ложись, я немного поработаю.

Резкий стук в дверь: – Открывайте, милиция!

В комнату входят 4 человека. Один (в форме ГПУ) подходит к Израилю, берёт ботинок. 2-й (в кожанке) достаёт ещё 3.

1-й гэпэушник: Это что такое?

Израиль: Может, я вас удивлю, но это – ботинки.

2-й (вкрадчиво): Я бы не советовал вам умничать. Дело сурьёзное. Кой-хер!

Заходит существо с привычно-подобострастным выражением физиономии. Обиженно: Я – Швонхерт!

2-й гэпэушник: Да один херт! *(Тихо, в сторону):* И тебе недолго гулять, скот-хер...

Швонхерт (радостно): Да, да, я же говорил! Вот где наша кожа!

Израиль (начинает вставать): Да ты что?!

Два oprичника в штатском виснут на нём, заставляя сесть.

Израиль (сидя обращается к Швонхерту): Ты о чём говоришь? Это же не наш сортамент!

1-й гэпэушник: Не волнуйтесь, гражданин, раз-берёмся, раз-берёмся.

Сара и дети с испугом наблюдают эту сцену.

1-й гэпэушник: Пройдёмте с нами.

Израиль оборачивается к Саре. 2-й пытается вывернуть ему руку. Израиль легко освобождается и начинает сжимать руку схватившего. 2-й, подвывая, приседает. 1-й выхватывает револьвер. Швонхерт выбегает в испуге. Сара становится между Израилем и револьвером. Израиль отпускает руку 2-го и глухо говорит 1-му:

Израиль: Ждите меня во дворе.

1-й опускает револьвер, зовёт опричника, они поднимают 2-го с колен и волочат к выходу.

Израиль (*обнимает жену и детей*): Родные мои, как же вы без меня?

Сара (*обнимает детей, вскидывает голову*): Главное, ты держись. Мы справимся. Мы тебя очень любим!

Израиль берёт кепку, обнимает жену с детьми и резко выходит.

Сцена 2

Барак «на зоне» – месте отбывания наказания советских осуждённых. Израиль что-то пишет за столом. Рядом два зэка играют в карты. 3-й лежит на отгороженной шконке и читает книгу. 4-й приводит в порядок робу.

Седой (*первый зэк*): Лезгин, я умотался от этих картинок. (*Бросает карты.*)

Лезгин (*второй зэк*): Слышь, Седой, я вот подумал: а сможем мы унести 100 лимонов, если они будут по червонцу?

Кореша начинают увлечённо считать.

Лезгин: А если по пятёре?

Кореша продолжают увлечённый счёт.

Лезгин: А по трояку?

Увлечённый счёт продолжается.

Седой: А если мы найдём клад, как мы его будем делить?

Лезгин: А что там будет?

Седой: Ну, там... дукаты, золото, алмазы, брюлики, кольца...

Лезгин (*подхватывает с горящими глазами*): жемчуга, слитки... и корона... такая большая... с рубином (*поднимает сжатый кулак*) вот таких размеров!

Седой: Ага... корону я возьму себе...

Лезгин (*перебивает*): Не, корону беру я!

Кореша хватают друг друга за грудки. От прежней приязни не остаётся и следа. Искажённые злобой морды, Лезгин вытаскивает заточку. Бес (авторитет) расталкивает «корешей». В этот момент в бараке появляется вертухай.

Вертухай: Шо не поделили?

Бес (*«отряхивает» Лезгина и незаметно отбирает у него заточку*): Всё в порядке, гражданин начальник. Ребята не сошлись во взглядах на арифметику.

Вертухай: Ну-ну.

Взгляд вертухая останавливается на 4-м ээке, Летуне. Лицо перекашивается злобой.

Вертухай: А ты перед кем прихорашиваешься? И на повале отряхиваешь пенёк, перед тем как усадить свой «царский» зад, и здесь фасонишь? Чистюля? Да? Здесь тебе не благородное собрание белой офицерской кости! (*С презрением*) Всё выше и выше, Летун? Не-е-ет, всё ниже и ниже, сбитый лётчик!

Хватает подушку со шконки Летуна, бросает её на пол и в остервенении начинает топтать. Его лицо багровеет. Летун молча и брезгливо наблюдает за неврастеником. Вертухай видит это презрение и хватается за металлический прут, на который заменил пистолет перед входом в зону барачков. В этот момент поднимается Израиль и, отвернувшись от вертухая, начинает, слегка раскачиваясь, негромко говорить.

Израиль: Гражданин начальник очень плохо чувствует себя с самого утра. Он думает, что это связано с его вчерашней более или менее успешной борьбой с монстром, его ещё называют «зелёный змий». На самом деле всё намного сложнее. Состояние нашего тела – это во многом отражение состояния нашей души, за которую ведут непрерывную борьбу тёмные и светлые силы. Может показаться, что в этой борьбе за душу гражданина начальника светлые силы безнадежно проиграли. Но это не так. Я знаю, что не всё потеряно, и гражданин начальник сможет подняться из того страшного болота, в котором он сейчас пребывает и стать тем, кем задумали его Высшие Силы – Человеком.

Вертухай слушает, как загипнотизированный. Он успокаивается и, кажется, ничего не видит. Наконец, вздрагивает и выбегает из барака. За ним выходит Летун. Зэки изумлены. Израиль садится и продолжает что-то писать.

Бес (*глухо, обращаясь к корешам*): Ну вот, не хватает нам тут трупача на радость гражданину начальнику...

Лезгин: Ну, Бес, а чего он... (*показывает на Седого*) отбирает мою корону?

Седой: А с чего она твоя?

Бес: Ша, урки! Вы всё равно не поделите ваш клад, которого всё равно нет.

Лезгин: А если мы найдём, так шо нам делать?

Бес: Ну, вы... уроды... Та никто не сможет поделить без бригады оценщиков. Да и те поскандалят: у каждого будет своё мнение. Вот, Профессор подтвердит. (*Обращается к Израилю*) Правильно я говорю?

Израиль (*отрывается от письма*): Да нет, Виктор, Вы не правы. Есть простой способ поделить «неделимое».

Лезгин: И что, мы оба будем довольны делёжкой?

Седой: И у нас не будет претензий друг к другу?

Израиль: Конечно.

Бес: А как это?

Израиль рвёт бумажку на мелкие кусочки и подзывает корешей.

Израиль: Вот ваш клад. Тут очень много самых разных невиданных драгоценностей, и *никто* не может их оценить. Тимур (*обращается к Лезгину*), подели этот «клад» пополам так, как *ты* считаешь справедливым. Давай-давай, не стесняйся!

Лезгин нерешительно подходит к столу и раздвигает бумажки на две кучки.

Израиль: Ты правильно разделил? Обе части равноценны?

Лезгин нерешительно кивает.

Израиль: К самому себе у тебя не может быть претензий?

Лезгин: Ну... да, не может быть.

Израиль: Пётр, а теперь ты: выбери ту часть, которая устраивает тебя. Бери лучшую!

Седой подвигает к себе одну из кучек.

Израиль: Ну вот, и у тебя к самому себе не может быть претензий. Правильно?

Седой: Ну ты и голова! Профессор!

Зэки смеются. Стремительно входит Летун.

Летун: Профессор, тебя вызывают. Говорят, тебя освобождают!

Бес: (*растерянно*): Вот это номер... Как же мы тут без тебя?

Израиль с чемоданчиком перед занавесом.

Израиль: Я вернулся из сталинских лагерей весной 41-го года в твёрдой уверенности, что монстра более страшного и кровожадного, чем дьявольское наваждение под названием Иосиф Джугашвили, природе не создать. Я трагически ошибся по части монстров: человечеству

«повезло» в те же годы вырастить брату Йосе брата Адольфа¹¹ – не менее страшный злокачественный человекообразный вывих.

Сцена 3

Та же комната, что в 1-й сцене. Израиль за столом читает газету. Рядом на стуле лежит сумка с большим красным крестом. Лёнька читает книжку, сидя на подоконнике. Входит Сара с кастрюлей супа.

Сара (*ставит кастрюлю на стол, обнимает сидящего Израиля, как в 1-й сцене, видит газету*): О, ты отстал от жизни! Сегодня уже июнь, а твоя газета рассказывает о мае. Хорошо, что хоть 41-го года!

Израиль: О, (*повторяет интонацию Сары*) ты думаешь, за неделю случится что-то та-а-а-кое, от чего «они» поумнеют и напишут хоть слово правды? Бубнят одно и то же – и год назад, и сегодня, и завтра – до тех пор, пока немцы не прикроют эту лавочку. И тогда нам будет галдеть товарищ Геббельс.

Сара: О, «правда» написана совсем не там! (*Показывает на название газеты.*) Она должна быть написана тут (*кладёт руку на лоб Израиля*). Ну что мне с тобой делать?

Целует Израиля в макушку. Сын отрывается от книжки, втягивает ноздрями воздух, собираясь что-то сказать. В этот момент вбегает дочь.

Рика: Мама, папа! Костик сейчас на заводе пишет, что я – его жена, и мы, как семья жены ответработника, эвакуируемся в их эшелоне! Скорее берите документы, пошли!

Израиль (*складывая газету*): Твой Костя – чудесный парень. Но мы с мамой никуда не едем. (*Обнимает дочь.*) Я знаком с немцами. Они уже были в Харькове в 18-м. И это были, поверьте мне, культурные люди.

---

¹¹ Так у автора.

Они вели себя намного лучше, чем все эти разноцветные красно-бело-зелёные одержимые. И поверьте, хуже режима нашего людоеда вряд ли можно что-то придумать. Уж я-то знаю...

Дети, берите документы, идите и оформляйтесь.

Расстроенные дети берут заранее приготовленные документы и понуро выходят. Сара вопросительно смотрит на Израиля.

Израиль (*обнимает Сару*): Сними с лица свои возражения! После лагерей у меня до сих пор нет паспорта, а этот герой в очках не такой уж ответственный работник. При оформлении обязательно найдётся какой-нибудь швонхер-тухэс, недовольный, что не взяли всех, с кого он успел содрать деньги за включение в списки. Докопаются, что Ричка никакая не жена... Дай Б-г, чтобы дети уехали... Будем молиться и примем то, что нам приготовил Б-г. Ты знаешь 5 языков, у меня 5 профессий – проживём...

Сара (*перед занавесом*): Мой муж готовился принимать нечто от Б-га, а принимать пришлось от Сатаны.

Сцена 4

Во двор из своей комнаты выходит Сара с молодым пареньком.

Степан: Спасибо, Сара Григорьевна, Вы целый час говорили со мной. Мне было так легко и хорошо, как будто я разговаривал с Ричкой. Она у вас такая замечательная и так похожа на Вас! Так вы напишете, что я её очень-очень жду?

Сара: Конечно, конечно, не волнуйся, Стёпа, обязательно напишу!

Степан уходит, Сара заходит в дом и закрывает дверь. Паренька провожает любопытным взглядом соседка. Во двор выходит дворничиха с метлой. Соседка подходит к ней. Они начинают судачить.

Соседка: Говорят, евреев будут куда-то переселять?

Дворничиха: Да, нам рóздали объявления: всем евреям нужно будет через два месяца собраться в центре. Их будут точ-на – куда-то переселять. Щщас дometу и буду развешивать.

Соседка: Кого? Евреев развешивать? *(Смеётся.)*

Дворничиха: А не знаешь, куда пойдёт их имущество? А квартиры?

Соседка: Вроде не все они хотят переселяться. *(Заговорищцки)* Так вот, имущество будут забирать те, кто сообщит, де они прячутся.

Дворничиха: *А квартиры?*

Соседка: Так и квартиры – тоже! Они ж не заберут их с собой – не смо-о-огут. Смогли – забрали бы. Они таки-и-ие. Ничего не упустят. Хотя бы и сейчас: опять им повезло-о-о! Мы тут будем мучиться с этой немчурой, а их, видите ли, уже переселя-а-ают! Ладно, мети, я побегу, может куплю чего-нибудь на старые деньги.

Соседка уходит. Во двор заходят трое в чёрной форме с винтовками и повязками «Полиція» на рукавах.

Дворничиха: О, быстро вас переделели!

1-й полицай: Не болтай лишнее! Мы – новая власть. *(Показушно-свирепо):* Па-а-ач-ч-чиму не вижу объяв городской управы? Па-а-ачиму не развесила? *(Картинно сбрасывает с плеча винтовку.)*

Дворничиха бросает метлу и начинает метаться – к дворницкой, к столбу, к полицаям. Губы у неё дрожат.

1-й полицай *(довольно ухмыляется и снисходит):* Ладно, на первóй прошаю.

2-й полицай: Есть жида во дворе?

Дворничиха *(громко):* Да поубёгли все! *(Подходит вплотную к полицая и тихо добавляет):* В том доме в большой комнате двое сидят. У-у-умные сильно, всё время чегой-то читают и говорят... вроде по-нашему, а всё равно половина непонятная.

Полицай понимающе кивает.

Дворничиха: А скажи, власть, (окончательно приходит в себя) а их комната кому отойдёт?

Полицай отодвигается, осматривает женщину с метлой с ног до головы. По-хозяйски берёт её за щёку.

2-й полицай: Будешь хорошо себя вести – так тебе.

Оба довольно смеются. Полицай уходит, дворничиха выносит листочки бумаги.

За кулисами крики «Мы не виноваты!» Во двор вталкивают троих: Степана и его родителей. За ними входят те же полицайи. На этот раз их возглавляет немецкий офицер в форме капитана вермахта с эдельвейсом – эмблемой горных стрелков на кепи. Это – Ганс из пролога. Следом крадётся любопытная соседка. Троих сгоняют к стене дома, полицайи выстраиваются перед ними, поднимают винтовки. Соседка и дворничиха белеют и, дрожа, наблюдают за происходящим.

Во двор выходит Сара. Она подходит к офицеру и на чистейшем немецком спокойно спрашивает:

Сара: Herr der Offizier¹²! Was diese Menschen gemacht haben? Господин офицер! Что сделали эти люди?

Офицер: Es ist die Familie der Diebe. Jener Bub hat beim deutschen Soldaten die Wurst gestohlen. Это семья воров. Тот мальчишка украл у немецкого солдата колбасу.

Сара: Verzeihen Sie, Herr der Offizier, wenn es war? Простите, господин офицер, когда это было?

Офицер: Eine Stunde rückwärts. Und Sie sind Deutsche? Ich werde erraten: Sie aus Bayern? Час назад. (Внимательно смотрит на Сару) Вы – немка? Я угадаю: Вы из Баварии?) Solche schönen Frauen sollen in Bayern leben. Такие красивые женщины должны жить в Баварии.

---

¹² Так у автора.

Сара (*улыбается, без тени смущения спокойно и открыто смотрит в глаза немцу*): Danke, Herr der Offizier, Sie sind sehr galant. Nein, mich nicht aus Bayern, aber dort lebten meine Verwandten. Спасибо, господин офицер, Вы очень галантны. Нет, я не из Баварии, но там жили мои родственники. Ich wage Sie, zu bescheinigen, dieser Junge konnte etwas beim deutschen Soldaten eine Stunde rückwärts nicht stehlen. Eine Stunde rückwärts sprach ich mit ihm bei mir im Zimmer. Und wenn er verließ, es sah unsere Nachbarin. Смею Вас заверить, этот мальчик не мог час назад украсть что-нибудь у немецкого солдата. Час назад я разговаривала с ним у себя дома. А когда он выходил, его видела наша соседка.

Сара показывает на дрожащую рядом женщину. Офицер подходит к ней, поигрывая стеклом, впивается взглядом в её лицо.

Офицер: Du sahst eine Stunde rückwärts diesen Buben? Ты видела час назад этого мальчишку? Коворить прафда, иначе бить ошень плёх!

Соседку начинает трясти. Она, как кролик на удава, смотрит на офицера, не в силах шевельнуться. К ней подходит Сара, берёт за руку.

Сара: Успокойся, он ничего тебе не сделает. Просто подтверди то, что ты видела, как мы прощались с этим пареньком час назад.

Женщина, ни слова не говоря, начинает судорожно кивать, не отводя взгляд от немца. Офицер хлопает себя стеклом по ноге и подходит к полицаям.

Офицер: Die russischen Schweine, wenn Sie mir gebracht haben? Sie reichen, die faulen Wesen, wesen aus es ist, statt geraten mir den Dieb zu finden. Folgendes Mal werde ich Sie, die Schufte erschießen! Русские свиньи, кого вы мне привели? Вы, ленивые твари, хватаете кого попало вместо того, чтобы найти мне вора. Следующий раз я расстреляю вас, негодяи!

Полицаяи понимают: что-то пошло не так, белеют и вытягиваются в струнку.

Офицер (*обращается к Саре*): Frau, übersetzen Sie diesen Untermenschen, so können sie, dennoch zu verstehen dass nicht. Frau, переведите этим недочеловекам то, что они понять всё равно не смогут.

Сара (*обращается к полицаям*): Господин офицер настоятельно рекомендует вам больше никогда не обманывать его, подсовывая невиновных. Он очень надеется, что такое больше не повторится, и ему не придётся расстреливать вас.

Доморощенные скоты тянутся ещё сильнее и в унисон воят:

Полицаи: Яволь, герр офицер!

Офицер склоняется к Саре, целует ей ручку, поворачивается к полицаям, замахивается на них стеклом. Те пригибаются и уносят ноги. За ними уходит офицер. Соседка с дворничихой, выкатив глаза и открыв рот, наблюдают окончание несостоявшегося расстрела. У стены мать Степана хватается за сердце и, опираясь спиной на кирпичи, начинает оседать. Отец Степана подхватывает её. Степан подбегает к Саре, берёт её за руки. На его глазах слёзы.

Степан: Сара Григорьевна! (*Больше ничего он не может вымолвить, его трясёт.*)

Степан (*стоя перед занавесом*): Через два месяца собравшихся в центре города людей отконвоировали на окраину города, где «поселили» в холодных бараках. Зимой 41-го температура опускалась до -40. Очень скоро узники поняли, что происходит. Каждый день полицаи уводили часть людей. Никто из них не возвращался. С каждым днём пустело всё больше помещений. При этом целый день неподалёку отчётливо были слышны пулемётные очереди.

Сцена 5

Зимнее поле. Свистит ветер. 4 полицаи подпрыгивают на месте, хлопают по телу руками. 5-й командует кому-то за сценой.

4-й полицей: Давай, давай! Па-а-абыстрей, не задерживай!

1-й полицей: Эта жидовня даже сдохнуть не может, чтоб не заставить доброго христианина мучиться!

2-й полицей: А я слышал, что господь наш, Иисус Христос, из них, из жидов.

3-й полицей: Так и закончил он, как всем им положено. И эти дохнут, чтоб мы, наконец, нормально без них зажили. *(Хохочет. Обращается к 1-му полицейу):* Ладно, давай, разливай, сил моих больше нету!

Командир зондеркоманды полицейев: Смотрите, Савелий так старается, что и чарку пропустить готов.

Савелий: Ну, чаво не раздеваетесь, уроды?! А ну давай, щщца я помоху! *(Замахивается плетью).*

На сцену выходит Израиль, толкает полицейя, тот падает.

Израиль: А ты, Савелий Порфирьич, любой власти помо-хаешь? И в ГПУ, и сейчас одинаково стараешься?

Командир: Что ты сказал, жид? Откуда ты его знаешь?

Израиль *(очень спокойно):* Я не всех вас, шавок, знаю, да и зачем мне знать всё отребье, но с этой мразью хорошо знаком. Забирал он, гэпэушник, меня в сталинские лагеря.

Командир: Что?!!

Савелий: Да кого ты слушаешь, командир?!

Израиль: И на руке его, у локтя, моя отметина. *(Протягивает руку к Савелию):* Покажи, крысёныш, не стыдись!

Савелий отдёргивает руку за спину и испуганно отползает.

Командир: А ну, ребята, ведите эту свинью к капитану Хайнцу. Не хватает нам тут краснопёрой сволочи.

Двое хватают Савелия и уводят.

Командир *(обращается к Израилю):* А ты давай, раздевайся!

Израиль (*спокойно*): Нет, раздеваться я не буду.

Первый: А мы тебя пристрелим, жидовская морда!

Израиль (*так же спокойно*): Какая разница, здесь или там? Давай, стреляй!

Командир: Хай идут одетыми. Всё равно на них тряпьё. А тянуть этого бугая себе дороже.

Сцена 6

Завывает ветер. За сценой – гул толпы, отдельные слова на идиш. Израиль с Сарой стоят, обнявшись. Рядом, связанный, валится на колени, раскачивается и завывает Савелий.

Израиль (*поднимает Савелия*): Встань, мразь, хоть смерть прими, как человек!

Савелий (*опять валится, начинает кататься по земле, хрипит*): Нет, нет, нет! Христа ради...нет!!

Израиль обнимает Сару, поворачивает её голову к себе. Сара отводит его руку, встряхивает головой и поворачивается в сторону пулемёта. Её глаза блестят. Она улыбается, сжимая руку Израиля. Раздаётся очередь, обнявшиеся молча падают. Савелий судорожно дёргается, хрипит всё тише: Христа... нет... и застывает.

Перед занавесом Израиль и Сара, поддерживая друг друга и постепенно оседая, читают:

И день настал. И Солнце пьяно встало,
Закрыв глаза небес обрывками из туч,
Десятки тысяч пили утра малость
И умирали. Не от водки и простуд.

...Младенцы плакали и требовали грудь...

Одна у всех вина, как ноша тяжкая
Пожизненного срока:

Рождением светлым виноваты граждане
И этим вот порогом.

... На встречу с пулей девочка скользнула...

Недотрога...

Пороком тупости и зависти людской

Проторена дорога сотням тысяч;

За чьи грехи к Голгофе личной

Невинных вёл осатанелый скот –

Больной, неполноценный недочеловек,

Сумевший сделать адом Землю?!

Здесь стоном сгорбленным кровавый век

Нетленным стонам бледно внемлет.

Действие 2

Сцена 1

Поздний вечер. Ричка с подругой Лией в комнате со столом, кроватью, старым диваном и печкой хлопочут возле незнакомой девушки.

Таня (*закрывает лицо и просит*): Не трогайте меня, мне уже тепло. И хорошо...

Подруги подвигают диван к печке, одна растирает, укутывает девушку, другая растапливает печь. Подруги греют воду и заставляют замёрзшую выпить её. Девчушка засыпает.

Лия: Если бы мы не нашли её, она бы к утру окоченела. Но давай обо всём завтра. У меня нет сил ни на что.

Ричка: Я тоже мечтаю об одном – заснуть побыстрее.

Они ложатся на кровать рядом с диваном и мгновенно засыпают. Утром первой встаёт Лия. С удивлением смотрит на новую соседку, потом вспоминает, наклоняется к ней, пробует нос. Удовлетворённо кивает и обращается к спящей подруге, читая нараспев:

Лия:

Проснувшись утром, я увидел снег.

Он был везде: на улицах и в небе,

В домах, твоих ладонях, и навек

Застыл в глазах осиротевшим следом.

Лия (*тормошит подругу*): Проснувшись утром, проснувшись утром, проснувшись утром! Вставай, соня! Ты спишь уже на 3 минуты дольше меня!

Понимает, что разбудить подругу не удастся, растапливает печь, ставит греть воду. Подходит к девушке, будит её. Та с трудом открывает глаза, видит незнакомое лицо, быстро садится, оглядывается.

Таня: Где я?

Лия: Почти в раю – здесь светло, скоро станет тепло, и даже найдётся, чем наполнить желудок. В основном это будет вода, но мы, в нашем молодом возрасте, процентов на 70 состоим именно из неё. Как тебя зовут?

Таня: Таня. Когда меня нашли, я не знала своё имя, и меня назвали Таней. А ты кто? И как я... здесь?

Лия: Меня зовут Лия. Мою подругу – Рика. Мы нашли тебя вчера поздно вечером на улице возле нашего дома. Ты совсем замёрзла, мы еле отогрели тебя. (*Обращается к подруге*): Ричка, если не встанешь, я пойду сама. Ой, интересно, что тебе скажет наш начальник...

Рика: А я уже давно не сплю.

Лия: Минуты полторы? И чего ты тогда валяешься? Ждёшь «горячий кофе в постель»? Так у нас нет кофе. Могу только воду – холодную и за шиворот. (*Обе девушки весело смеются.*)

Рика: А что за стихи ты читала мне? Опять хочешь, чтобы я угадала, кто их тебе написал?

Лия: Ах ты, дохлая мышь! Прикидывалась? Быстро угадывай за это, кто?

Рика: Ну разве я смогу выбрать из всех, кого ты вдохновляешь! Если ряд твоих поклонников начать от нашего порога, то закончится он где-то за Москвой.

Лия: Ладно-ладно, тебя поклонники тоже не обижают! А ну-ка напомни, что я разгадывала вчера днём?

Рика:

Как стало замороженно тепло!
Текло забытое во сне сиянье,
Страстями и пожарами испаний
Всё догорал на дне у комнаты апломб.
Но страсти улеглись, замедлив бег,
И перед неизбежностью смирились,
И маятник времён старинный
Качнулся в сторону стеклянных, хрупких бед...

Лия: Да, вчера я не успела ответить... Кто-кто? Костик твой!

Рика: Ты как-то однообразно мыслишь, подруга. Костик, пожалуй, не дорос до такой поэзии.

Лия: Так кто тогда?

Рика: Ну вот, расскажи тебе, и ты уведёшь у меня поклонника!

Девушки опять смеются. Спасённая замороженно слушает старших подруг.

Рика (*обращается к Тане*): Тебе придётся пойти с нами. Дров на весь день не хватит, и мы околеем этой ночью, если ты будешь греться целый день. погоди, ты на это (*показывает на платье Тани*) надеваешь своё пальтишко? (*Таня кивает.*) Нет, так не годится!

Достаёт свитер, Таня надевает его. Свитер велик. Таня перед зеркалом изображает мельницу, размахивая длинными рукавами, девушки опять смеются.

Лия: Времени совсем не осталось!

Три девушки быстро пьют горячую воду с небольшими кусочками хлеба, на ходу одеваются и убегают.

Сцена 2

Та же комната девушек. Заходят три подруги. Не спеша раздеваются.

Лия: Как-то рано мы сегодня освободились! Можно расслабиться и получить удовольствие... не от изнасилования работой...

Рика: А меня сегодня начальник цеха благодарил... угадайте за что? За наше юное дарование. *(Копирует голос начальника)* «Три месяца она убирала в конторе и умудрилась выучить технологический процесс, разобралась со всеми приспособлениями и инструментами, и теперь наконец у меня есть настоящая кладовщица!»

Таня: Девочки! У меня для вас сюрприз! *(Достаёт из сумки банку сгущёнки.)* В честь моего назначения!

Лия и Рика *(в один голос):* Вот это да! Откуда такое богатство?

Подруги растапливают печь, греют воду, разливают её и начинают смаковать сгущёнку.

Таня: Ой, девочки! Сгущёнка – чепуха! Подарили... Я хочу сказать о другом. Вы не представляете, как мне повезло! То, что вы спасли меня – это тоже чепуха. Вы не понимаете: чем жить, как я жила до встречи с вами, так лучше совсем не жить. Я даже не представляла, что могут быть такие... такие... ну, в общем такие, как вы! И вы со мной... ну, вы со мной, как с равной, как будто я не хуже вас... А ведь вы такие умные, интересные, у вас такие поклонники... Вам пишут стихи!

Лия: То, что парень умеет рифмовать, значит, поверь, не так уж много. Вот: был гениальный поэт, как шутят, артиллерист – Пушкин. Я не о его гениальных творениях, а о его истории с Анной Керн. Он встретил Женщину, долго её добивался, а потом... ослабил: «...Да, имел я её... ничего особенного...». И это в те времена! Почему он так? Да всё просто: оказалось, не он её, а она его в свою коллекцию добавила. Да ещё сказала, видимо, мол, ничего особенного, ты – Сашка-артиллерист – не представляешь. Как он мог стерпеть? Даже если кроме него никто об

этом не знал – Анна никогда его не унижала, хотя имела для этого все основания. Она оказалась на две головы выше него!

Рика: А второй «столп русской поэзии», Лермонтов? Я большая поклонница многих его поэзий. Только за «Выхожу один я на дорогу» ставила бы ему памятники. А что за человек? В юности над ним, неуклюжим, потешались светские красавицы. Он тогда написал, сильно написал: «...и кто-то камень положил в его протянутую руку». А когда, как лебедь в сказке, расцвёл из гадкого утёнка, стал всем женщинам холодно, подло и расчётливо мстить. Влюблял их в себя, а потом забавлялся, как кошка с мышками. «Герой нашего времени» – он же точно и безжалостно себя изобразил!

Лия: А лорд Байрон? Злобный монстр, брррр, когда думаю о нём, сразу представляю, как меня рвёт акула.

Рика: При этом не смешивай их личности и их творения. Действительно гениальные! Как говорят, правда жизни и правда искусства – две совершенно разные правды.

Таня: Ой девочки! Ну правда, если бы половина... нет, треть всех людей были такими же добрыми и хорошими, как вы... Мы бы жили в этой, как её... в Утопии – я недавно прочитала «Город Солнца», ой как его, автора, забыла...

Рика: Кампанелла.

Таня: Ну вот, ты и это знаешь... Так вот, если бы люди были хоть наполовину такими, как вы... И если бы не было этих проклятых евреев...

Лия: А что – евреи? Ты знакома со многими из них? Что ты о них знаешь?

Таня: *(растерянно):* Ну как... Ну вы что... Это же все знают!

Рика *(подчёркнуто спокойно):* Видимо, пора представиться: *(Встаёт и делает реверанс):* Ревека Израилевна.

Лия *(повторяет реверанс за Рикой):* Лия Абрамовна.

Таня начинает всхлипывать, вскакивает из-за стола, падает на кровать, сотрясается в рыданиях.

Лия: Надо оставить её одну. Пусть успокоится.

Подруги одеваются и выходят на улицу. Следом выбегает Таня.

Таня: Девочки, девочки (её голос прерывается всхлипами): Я такая дура! Простите меня! И я... всё забыла... Ричке пришло письмо. Из Харькова!

Рика бледнеет, пошатывается, её подхватывает Лия. Рика протягивает и сразу отдёргивает руку.

Рика: Лия, возьми...

Сцена 3

Заводской цех. На скамейке под двумя телогрейками спит Лёнчик. Рядом – пожилой и средних лет мужчины.

Пожилой: Ну хоть убей, Костя, не понимаю! Вот ты, начальник цеха, объясни мне, старому дураку, как этот пацан справляется? Мы в нормальных условиях, в тёплых цехах, при полном штате... а это, прости меня, 14 человек! Да плюс наладчики...И были всё время на подсосе: чёртовых шестерён не хватало. Мне – хоть миллион заплати, хоть к стенке ставь, я не осилю все эти переменные углы и не сделаю ни одной шестерни. А этот малолетний фокусник – один, один! На тех же станках, без сна и отдыха, как заведенный! Сам перестраивает оборудование, ремонтирует и... гонит план. Сколько он сейчас спит?

Начальник: Уже три часа.

Пожилой: А перед этим сколько не спал?

Начальник: Так... он заступил утром, когда сюда снизошли директор с парторгом. Это было... вчера. Сейчас у нас 9 вечера, значит, он не спал... 36 часов. Пафнутьич, я чувствую себя варваром, но выхода, как и шестерён, у меня нет.

Трясёт пацана.

Начальник: Лёнька, Лёнька! Ты уже три часа спишь! Совесть у тебя есть?

Лёнька: Ещё чуть-чуть, ну ещё капельку!

Натягивает телогрейку на голову. Начальник цеха сажает его, разматывает телогрейку, Пафнутьич приносит стакан с чем-то горячим и кусок хлеба с колбасой. Дает Лёньке.

Начальник: Подъешь маленько и глотни чаёк с сахаром. Глядишь, силёнок и прибавится.

Лёнька тянется к несбыточному богатству, втягивая носом воздух. Затем аккуратно, не сводя с него глаз, берёт бутерброд, нюхает колбасу, откидывает голову, закрыв глаза, потом откусывает малюсенький кусочек. Начальник отворачивается, Пафнутьич бормочет что-то невнятное и уходит. Так же, откусывая по чуть-чуть, парнишка съедает половину, достаёт из кармана тряпочку и аккуратно заворачивает остаток.

Начальник (замечает это): Ешь всё. Твоей Ричке я приготовил такой же бутерброд.

Лёнька так же аккуратно разворачивает тряпочку и с наслаждением, не спеша, доедает.

Начальник (передает Лёньке чертежи): Гляди: этих изделий нужно 300 штук, а этих (достаёт из-под первого листа второй) – 450. Потом сможешь пойти домой на... (задумывается) на 6 часов.

Лёнька (радовато): Ух ты!

Уходит с чертежами, насвистывая и подпрыгивая. Начальник смотрит ему вслед, качает головой. Заходит в конторку.

В цех входит Рика с чёрной косынкой на голове. Она проходит в конторку начальника цеха.

Рика: Константин Егорович, где Леонид?

Начальник: Заступил на смену.

Рика пошатывается, начальник подхватывает её, усаживает на скамейку.

Начальник: Что случилось? На тебе лица нет! Ты голодная? Вот, возьми (*протягивает ей бутерброд*).

Рика не реагирует, молча смотрит в одну точку.

Начальник: Да в чём дело?

Рика: Позовите, пожалуйста, Леонида.

Начальник: Ему работы от силы часов на 5. Подожди, не отвлекай его. Потом он будет дома 6 часов!

Рика: Нет, нужно сейчас.

Начальник. Да в чём дело?

Рика (*кладёт на стол письмо*): Он стал сиротой.

Начальник роняет голову на грудь. Некоторое время они сидят молча.

Начальник: Дай ему ещё немного побыть в неведении. Скажешь, когда придёт домой.

Рика: Нет, я не могу идти, не сказав ему. Я подожду здесь.

Рика начинает валиться. Начальник опять подхватывает её. Укладывает на скамейку, подкладывает под голову телогрейку. Затем берёт письмо и начинает читать.

Степан (*Голос Степана за сценой*): Ричка, милая, здравствуй! За эти месяцы без тебя я прожил больше, чем за все предыдущие годы. И сейчас могу сказать то, на что раньше не решился бы, наверно, до конца своих дней: я люблю тебя!

За время твоего отъезда произошло столько событий! Пришли не те немцы, которых помнил твой отец. Вслед за армией появились чудовища в эсэсовских мундирах. Им прислуживает (в «поліції») немало наших ублюдков-сограждан. Они о-очень стараются... Наше зверьё страшнее эсэсовцев. Не утруждая себя поисками настоящего вора, они схватили первого попавшегося. Им оказался я. Мало того, они схватили и

моих родителей, когда те стали заступаться за меня. Офицер, который приказал нас расстрелять, был не эсэсовцем. И тут случилось чудо. Вышла твоя мама, не побоялась обратиться к немцу и объяснила ему, что я не виноват. И немец её слушал! Как я жалею, что плохо учил немецкий – понял из их разговора немного. Но главное: немец признал, что твоя мама права, отпустил нас, поцеловал ей ручку и чуть не поубивал полицейав.

А потом случилось страшное. Новые власти объявили, что будут переселять евреев. Зимним утром собрали всех в центре и через весь город отвели за ХТЗ в холодные бараки. Твой папа погрузил какой-то скарб на саночки, и они с Сарой Григорьевной пошли вместе со всеми. Нечастные понимали, что никакого переселения не будет. Когда конвоиры отвернулись, одна женщина выкинула младенца в толпу. Его спрятали и унесли. Но некоторые наши жлобы пытались отбирать пожитки у несчастных... Прекратили это позорище немцы. Увы, многие наши сограждане завидовали: опять, мол, жидам повезло...

Конечно, никого никуда не переселяли. Я приходил к баракам, мне сказали, что если я хочу жить, то должен побыстрее убираться. И всё время я слышал пулемётные очереди. Из этих бараков не вернулся никто.

Мой друг, Венька Золотарёв, до войны работал в райкоме комсомола, с ним я ушёл к партизанам. Сегодня самолётом забирают на Большую Землю раненых и какие-то документы, а я передаю письмо для тебя.

Не знаю, дойдёт ли оно, не знаю, встретимся ли мы когда-нибудь. Но я хочу, чтоб ты знала: я очень люблю тебя и очень хочу, чтобы ты была счастлива. Неважно, со мной или без меня.

Крепко обнимаю, целую. Держись, милая Ричка, сейчас всем тяжело.

Сцена 4

Кабинет директора завода. Директор ходит, начальник цеха, Костя, и Лёнька сидят. Лёнька – с пятками на стуле, уткнувшись носом в колени.

Директор (*обращается к мальчишке*): Ты чего хочешь? Чтоб завод встал и фронт не получил нашу продукцию? А что будет без нашей

продукции? Немчура полезет, а отбиваться будет нечем! Ты этого хочешь?

Лёнька (*не поднимая голову, глухо*): Я должен быть там! (*Резко, со злостью*): Я должен убивать этих гадов!

Директор: Ты их убиваешь, когда работаешь здесь! Ты их столько убиваешь, сколько там убить не сможешь.

И вообще, тебе до призывного возраста целых два года. Тебя никто не возьмёт на фронт.

Лёнька: Я всё равно убегу!

Директор: Тебя поймают и, как дезертира трудового фронта, посадят в тюрьму. Кому от этого будет лучше?

Лёнька: Не поймают.

Начальник: Этого фокусника не поймают.

Директор: А меня поставят к стенке. Так лучше я сам...

Открывает сейф, достаёт пистолет, взводит курок. Лёнька поднимает голову. Видно, что директор не блефует. Начальник цеха понимает: мальчишке нужна альтернатива.

Начальник: Так, Леонид: ты готовишь себе замену и на следующий год мы провожаем тебя в армию.

Лёнька (*опускает ноги со стула, медленно встаёт, направляется к двери*): Ладно, подготовлю.

Директор с начальником цеха облегчённо вздыхают, директор прячет пистолет.

Начальник: В цеху он тоже не подарок, если что-то вбил себе в голову, с места не сдвинешь...

Начальник (*Стоя перед занавесом*): Через 10 месяцев рабочий оборонного завода Леонид Израйлевич Шмеркович подготовил трёх ребят себе на смену, отказался от брони, и на год раньше срока ушёл на фронт.

Действие 3

Сцена 1

Ночь. Землянка командира советского противотанкового полка. Командир и начштаба склонились над картой.

Командир: Ну и задачка!

Начштаба: Да, пехота действительно не пройдёт. Дорога простреливается полностью.

Командир: Пока фрицы очухаются, мы сможем выдвинуть 5-6 пушек. На огневой заслон наших сил не хватит. Так что лучше не привлекать внимание. Застрявшим ИС-ам горючее мы не доставим, а снарядов для них у нас нет! Сколько там машин?

Начштаба: Лакомый кусок для немчуры. Обязательно полезут захватывать. Не позже, чем утром.

Командир (*начальнику штаба*): Сейчас 2 ночи... пиши приказ: – Двум батареям 76-ти мм пушек на мех тяге, в 3-30 без света фар выдвинуться на максимальной скорости в зону высоты 217 для отражения атаки гитлеровцев на наши тяжёлые танки, оставшиеся без горючего и снарядов. Движение осуществлять группами по две машины с интервалом начала движения в 5 секунд.

Та же землянка через 1,5 часа. Командир застыл у стереотрубы.

Командир: Вперёд! Так, вторая группа... третья... Сволочи, очухались... отставить четвёртую! Уничтожат...

Вбегает нач. штаба

Начштаба: Проскочили! Три группы проскочили!

Сцена 2

Вечер. Немецкий штаб. За столом сидит генерал. Заходит адъютант.

Адъютант: Прибыл полковник Ротте.

Генерал: Пусть войдёт.

Входит полковник, скрывающий растерянность за излишне резкими движениями.

Генерал: Какого чёрта? Эта добыча была у нас в кармане! Я сообщил в штаб армии!

Полковник: Господин генерал, разрешите доложить! *(не дожидаясь разрешения, продолжает)*: Русские успели прикрыться противотанковой артиллерией, и наша атака захлебнулась.

Генерал: Сколько у русских пушек? Сколько пехоты?

Полковник: 6 пушек, пехоту мы не пропустили.

Генерал: Вы с ума сошли, Гюнтер! Что такое 5 пушек без поддержки пехоты? Вы должны были раздавить их!

Полковник: 6 пушек, господин генерал, и каждая стоит 10-ти. Я не первый день на фронте, и ещё не видел такой работы: за первые 2 минуты боя они сожгли 4 танка и перебили шрапнелью полсотни наших солдат. Мы даже не сумели достойно ответить – все их пушки целы... Через 2 часа стемнеет, и мы проведём ночную атаку. Мины поставить они не смогут, в темноте мы их раздавим, и все эти Иосифы Сталины будут нашими!

Генерал: К утру жду победную реляцию. Ничего другого! Идите!

Полковник *(вытянувшись)*: Так точно! Ничего другого не будет!
(Полковник выходит.)

Сцена 3

Позиции наших артиллеристов. Лёнька (в чине старшего сержанта) осматривает в бинокль поле, остальные беседуют.

Младший сержант (*обращается к лейтенанту*): Сергей, ночью они нас раздавят.

Лейтенант: А ну, пацаны, думайте! Думайте, как нам дожить до утра.

Младший сержант: Вот бы подсветить это поле!

Солдат: Как-то в ночном мы сдуру подожгли скирду соломы. Не столько соломы сгорело, сколько нагорело нам! Зато на поле было светло, как днём.

Лёнъка: Так в чём вопрос? Я насчитал 8 скирд на поле. Наверно, их для нас приготовили, а?

Лейтенант (*оживлённо*): Готовить канистры, к каждой скирде по 2 человека, при звуке моторов облить скирды бензином и бегом назад, а как танки полезут, пустим зажигательные, солома и полыхнёт!

Лёнъка: И никаких шансов у гансов!

Сцена 4

Утро. Немецкий блиндаж.

Полковник (*всклопочен*): Фридрих, готовься принимать полк. Мне остаётся пуля в лоб. Мы потеряли 11 танков и три сотни солдат. Я снимаю шляпу перед этими «недочеловеками»! Ты бы догадался поджечь солому? Мы были как на ладони у чёрта... Мне бы хоть пару таких наводчиков!

Майор: Не горячись, Гюнтер! После всего, что ты сделал на этом треклятом восточном фронте для фюрера...

Мы их всё равно сотрём в порошок!

Полковник: Нет, сегодняшняя ночь будет моим кошмаром до конца дней.

Сцена 5

Сцена разделена на 2 половины. Слева вход в немецкий КП, справа – наши позиции. У входа в немецкий КП.

Гюнтер (*Фридриху*): Прошло 5 дней, и наконец нам придали испытательный батальон. Теперь они (*кивает в сторону наших позиций*) никуда не денутся. Да ещё с моим сюрпризом! (*Фридрих недовольно морщится.*)

Ганс в форме пехотного капитана в сопровождении двух солдат подходит к полковнику.

Ганс: Г-н полковник! Мой испытательный батальон прибыл в Ваше распоряжение.

Гюнтер: Отлично. Через час сюда пригонят стадо баранов, и мы, как пастухи, придём за ними к нашим, повторяю, нашим танкам!

Ганс: Что Вы имеете в виду, г-н полковник?

Гюнтер: Вон в тех сараях мы собрали полторы сотни аборигенов. Они жаждут пойти перед нашими воинами и проложить им путь к *нашим* танкам. У этих славянских недочеловеков куча слабостей, они не станут стрелять по своим. Побеждает сильнейший, не знающий жалости! Так учит фюрер! А эти бараны – расходный материал. Наша великая расовая теория говорит: на всех просторах их должно остаться миллионов пятнадцать в качестве рабов. Вот мы и вложим свою лепту в выполнение планов фюрера. (*Полковник визгливо уговаривает сам себя.*)

Ганс: Г-н полковник, я отказываюсь прятаться за спинами детей!

Гюнтер (*так же визгливо*): Вас с вашими недостойными сослуживцами с понижением перевели из элитных «Эдельвейсов» для выполнения особых задач! Этот приказ не обсуждается! Вы – офицер!

Полковник пытается достать пистолет. Два сопровождающие Ганса бывшие альпийские стрелки мгновенно вскидывают автоматы и расходятся в стороны, занимая удобные позиции для стрельбы.

Ганс: Да, я офицер! В моём роду много воинов, но нет ни одной свиньи. Надеюсь, в Вашем тоже, полковник.

Гюнтер (*шипит*): Вы пожалеете об этом, капитан! Вы будете оправдываться перед трибуналом!

Ганс: Меня больше заботит, как оправдаться Там. Поднимает палец вверх. Фигуры немцев замирают.

Наши позиции. Лейтенант держится за перевязанную голову

Лейтенант: Уже 5 дней... обращается к Лёньке: Передавай: снарядов нет, патронов нет, осталось 6 бойцов, половина – ранены...

Рация хрипит: – Держитесь! Осталось немного...

Лейтенант: Эт-точно, осталось очень немного, совсем ничего...

Слышится канонада, вой реактивных снарядов. Мл. сержант подхватывает лейтенанта.

Младший сержант: Наши! Начали!.. Выстояли!

Лёнька: А ну, ребята, подмогните! У нас есть ещё пара шрапнельных, не пропадать же добру. Сделаем-ка из нашей прямостреляющей подружки гаубицу. Тащите её к пригорку!

Бойцы с воодушевлением включаются, слышны два выстрела.

У входа в немецкий КП. Застывшие фигуры оживают. В этот момент раздаются два разрыва. Полковник падает, Ганс хватается за руку. Подбегает к полковнику. Тот хрипит.

Гюнтер: Повезло тебе, капитан... я не успею... написать рапорт. И вообще... ничего... не успею.

Несколько раз дёргается и затихает.

Ганс и Лёнька стоят перед занавесом, влоборота к зрителям, касаясь друг друга плечами-спинами. Луч пистолета выхватывает по очереди их лица.

Ганс: Я не заметил, как в меня вползло чудовище – уверенность в своей арийской «избранности». Я шёл на войну, как на прогулку, мне казалось: всё уже определено «свыше». А я просто должен указать

низшим расам их место. Я не задумывался, что для десятков миллионов это было место на кладбищах, а для миллионов – в газовых камерах.

Первые годы войны опьяняли, чудовище внутри меня росло и росло, и я сам становился чудовищем. Так было, пока я не стал замечать: недочеловеки совершают подвиги, достойные викингов. А затем случилось необъяснимое: «недочеловеки» стали побеждать нас, великих и непобедимых.

А потом, на лесопилке... Меня и моих товарищей рвало. Мы видели куски человеческих тел: окровавленные головы, руки, ноги. Мужчин, женщин, детей. Кровь ещё капала с больших пил. Меня рвало чудовищем, сидевшим внутри меня. Эсэсовцы вокруг хохотали. Мы избили их, и я ненавидел себя за то, что я такой же немец, как и они. Нас судили и перевели в испытательный батальон (так у нас назывался штрафбат). Но я уже стал другим. Я – воин в сотом поколении, я не умею воевать плохо, но поражение своей страны воспринял, как победу, победу над чудовищем, над тем чудовищем, которым был сам.

И я понял главное: человека определяет не национальность, не чин, не кошелёк, а мера его благородства – мера отсутствия в нём чудовища.

Лёнька: Как я ненавидел немцев! Всех немцев – ведь это они пришли и убили самых лучших, самых светлых людей, моих родителей... Убили ни за что! И я жаждал убивать их, убивать и убивать. Их и их вонючих помощников, полицаев. И всю остальную мразь, которая им помогала. А потом я понял, что война – это страшная, тяжёлая работа, и они, немцы, делают её очень хорошо. Так же, как и мы. А потом...

Я не знаю, как там оказался их танк. Мы стояли друг перед другом: немцы и я. Их защищала толстенная броня, меня – моя гимнастёрка. И я понял: вот последнее, что я вижу на этой Земле. И вдруг мне стало бесшабашно весело. Я давно отдал долг: немцы сполна заплатили за жизни моих родителей. Понимая, что я уже на полдороге к ним, самым дорогим мне людям, я почувствовал лёгкость настоящей свободы и... от всей души улыбнулся. Мы стояли друг против друга бесконечно долго. Секунд 5. Мне казалось, ствол их пулемёта упирается в мою грудь, и я удивлялся, почему всё нет удара пули. А потом танк попятился и исчез за холмом.

Мы были истребителями танков: длинное дуло – короткая жизнь. У нас в полку не было подлецов и уродов, но в запасном полку, когда нас отвели на отдых и пополнение, я избил одного дуболома. Тот сказал: гитлер делает правильно одно: он убивает евреев. И что все евреи воюют в Ташкенте. Это потом я узнал, что из 2,5 миллионов советских евреев, не попавших в лапы к немцам, мужчин возраста 18–55 лет было около полумиллиона. А в Красной Армии сражались именно полмиллиона евреев. Да, были женщины, да, кто-то начал служить до войны. Но были и инвалиды, так что получается, что *практически каждый* мужчина-еврей от 18 до 55 лет, способный или почти способный воевать, ушёл на фронт. Такого «процента» не дала ни одна другая нация! Но тогда я возразил уроду не цифрами. А потом меня водил расстреливать не немец, а зелёный лейтинантишка, получивший от меня по морде. Было за что!

И я понял: человека определяет не национальность, не чин, не кошелёк, а мера его благородства, мера отсутствия в нём подлеца.

Сцена 6

Прага. На улице Лёнька с расстёгнутой верхней пуговицей идёт с товарищами и беззаботно смеётся, разглядывая всё вокруг. К нему обращается молодой чех.

Ружичка: Братци! (*Обнимает Лёньку, видит эмблему на форме.*) О, боёвнычи танки! Цо ви можа виджеть в Празе безе ми? Пойд, укажу ти скутечни Злата Праха! (*Протягивает руку.*) Звэм Ружичка.

Леонид: (*отвечает на рукопожатие*) Нигде нас не встречали так радостно, как у вас. И нигде я не видел таких красивых городов и таких добротных построек.

Ружичка: Для вас то был велми шпатны. Вы – скутечны хрдинове! Йен приел вчера в Празе, видэл ужэм те бойоват ани з танку, а немцы в крабичках. Наше бетоны сутерен был применён бункры немцы. Забили вшечни вояцы едно дуло, а друха выстрел немцы. (Для вас это было очень опасно. Вы – настоящие герои! Я только вчера приехал в Прагу, я видел, как вы воевали не с танками, а с немцами в дотах. Наши

бетонные подвалы немцы превращали в доты. Оттуда они уничтожили службу одной пушки, но вторая уничтожила их).

Леонид: Да, бывало по-всякому. Мы выиграли не одну такую дуэль. Но давай не будем о войне!

Ружичка: Ано, но воо! Вштымли йстэ си, як немци зменили? Дриве булы помпезни кохоти, алэ ныне оточил осаз и жачал нечо почопит. (Да, уже не о войне! Ты заметил, как изменились немцы? Раньше это были напыщенные индюки, а теперь они поджали хвосты и начали что-то понимать).

Леонид: Ты знаешь, я их видел в основном через прицел пушки и автомата, да ещё пленных. Пленные всегда были не в лучшем виде, а воевали они, поверь, очень хорошо до последнего дня.

Ружичка: Можна же, бойовали добже, але маме на конци валке тёмёр вжични човали йако нормальни лиди. Риеам вом: чапою мос о собе а о свэм шукане фюрер. (Может, воевали они хорошо, но у нас в конце войны практически все вели себя как нормальные люди. Я тебе точно говорю: они многое поняли: и о себе, и о своём долбаном фюрере.)

Молодые люди идут дальше вместе. Им встречается колонна расслабленных пленных немцев. Один играет на губной гармошке. Немцы видят наших солдат, гармошка замолкает, пленные подтягиваются, равняются. Наши отходят в сторону, пропуская колонну. Немцы идут «в ногу», равняются с нашими солдатами, останавливаются. Затем поворачиваются к нашим и неожиданно без всякой команды (!!!) одновременно... опускаются на колени. Лёнька видит Ганса, подходит к нему. Они встречаются взглядами, пристально смотрят друг на друга, затем Лёнька, не отводя взгляд, становится на одно колено, «добирается» до несуществующей верёвки и «подаёт» её Гансу. Тот «берёт» эту верёвку, и они поднимаются с колен.

Леонид (перед занавесом): В историях, прошедших перед вами, нет вымысла. И то, что немецкие солдаты сами (сами!!) опустили перед нами на колени – это было! Мы ехали с нашими чешскими друзьями, такими же молодыми ребятами, как и мы, на боевых доджах-3/4 мимо коленопреклонённых свободных (в своём выборе)

пленных немецких солдат, а толпы нарядных пражан смеялись, забрасывали нас цветами и кричали «Наздар!» Для меня это стало таким же символом победы, как и брошенные к Мавзолею немецкие знамёна.

И я готов был поднять каждого немца-фронтовика с колен и брататься с ним. Потом, повзрослев, я понял:

для того, чтобы встать с колен, нужно иметь мужество сначала стать на колени.

При этом я никогда не прощу ни одного подонка-нациста, любым способом помогавшего бесноватому фюреру «решать национальный вопрос». Во имя «великой германии» или во имя любой другой «великой страны». И такими же подонками-нацистами я считал и считаю всех тех, кто в наши дни пытается назвать «героями» кровавых палачей. Тех, кто принял решение «освободить свою страну» от неугодных им наций. И во имя этого зверски убивших (и почти всегда искалечивших перед убийством) сотни тысяч ни в чём не повинных мужчин, женщин, стариков, детей только за то, что они были из «неправильной» нации. Головы младенцев у этих нелюдей принято было разбивать о косяки дверей...

Из-за занавеса к Леониду подходит Ганс.

Леонид: Ну, спасибо тебе, спаситель! *(Протягивает руку.)*
Леонид.

Ганс *(Повзрослевший – пожимает Лёнькину руку):* Ганс.

Леонид: О, камрад из Германии? Решился приехать? Не напрасно! Пока мои тугодумы сообразили бы, я бы точно свалился. А как ты вырвался? Сейчас не 29-й, а 39-й год. Жаль, но мы уже не очень друзья.

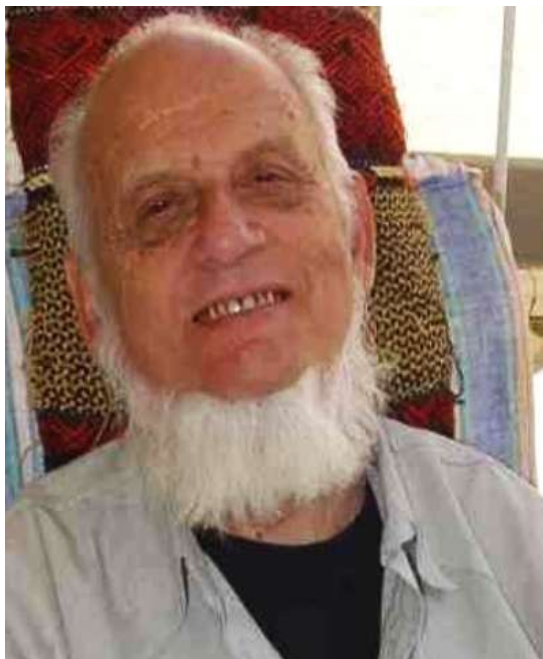
Ганс: Как вас петь: «кто хо-чит, тот до-бё-ца»!

Леонид: Точно! Ты молодчага...

Дружески беседуя, ребята удаляются.

Ирина Л. Лир

Искры света Льва Утевского

Лев Утевский – ученый-химик, иллюстратор Библии, лектор-просветитель, общественный деятель, борец за права советских евреев на выезд – родился в 1935 г. в Ленинграде в интеллигентной еврейской семье. Выжил в блокадном городе. После войны окончил среднюю школу с золотой медалью, но, вопреки закону о медалистах, не был принят в Ленинградский университет, куда стремился на химический факультет.

Окончил Лесотехническую академию, где встретил еще несколько евреев-медалистов, отвергнутых ведущими вузами советской страны, а затем окончил еще и заочный Северо-западный политехнический институт. Специализировался в области химии и технологии полимерных материалов. С 1959 по 1980 гг. работал в Ленинградском НИИ волокна, где в 1964 г. защитил диссертацию и возглавил лабораторию физико-химических исследований. Занимался термостойкими волокнами специального назначения.

В 1979–1980 гг. читал лекции по иудаизму и еврейской истории на неофициальном еврейском семинаре, организованном Г. Кановичем и Г. Вассерманом. В конце 1980 г. репатриировался в Израиль, где успешно работал по специальности сначала в Беэр-Шевском Университете (1981–1985 гг.), а затем в научно-исследовательском отделе фирмы "Тирковот

Бром" (1985–2000 гг.). Активно участвовал в движении в защиту советских евреев в Израиле, США, Англии и Канаде. После выхода на пенсию в 2000 г. постоянно живет в Гило, Иерусалим.

С середины 60-х годов и по настоящее время Лев Утевский работает над иллюстрациями к Библии, часть из которых он издал в нескольких книгах и буклетах: «Возвращение» (Тель Авив, 1982), «Пурим» (Иерусалим, 1982), «Мегилат Эстер» (Иерусалим, 1982), «Тонкий голос тишины» (Санкт Петербург, 1990 г.), «Не времени согнуть меня в поклоне» (Иерусалим, 2004 г.). Творчество Льва не ограничено только иллюстрациями Библии. Он также обращается к стихам Омара Хайяма, Франсуа Вийона, еврейских поэтов золотого века, древним и современным текстам. Знаток еврейской истории, Лев публикует свои иллюстрированные статьи на религиозно-философские темы в журналах «Время искать», «Новый век» и в сетевых журналах «Заметки по еврейской истории» и «Еврейская старина». Также успешно выступает с лекциями и персональными выставками в Иерусалимской городской русской библиотеке.

Журнал «Сонар» впервые обращается к творчеству Льва Утевского. Сегодня мы публикуем часть его иллюстраций к еврейским праздникам, книге Коэлет (Экклезиаст), стихам Омара Хайяма и еврейских поэтов золотого века.

«Художники иллюстрируют Библию с древнейших времён. Художник становится комментатором, дополняющим своим воображением всё то, что не раскрыл текст». Так говорил великий раввин Адин Штейнзальц, да будет благословенна его память.

Так предоставим же слово Мастеру.

Из серии «Еврейские праздники»

Шавуот

Ханука

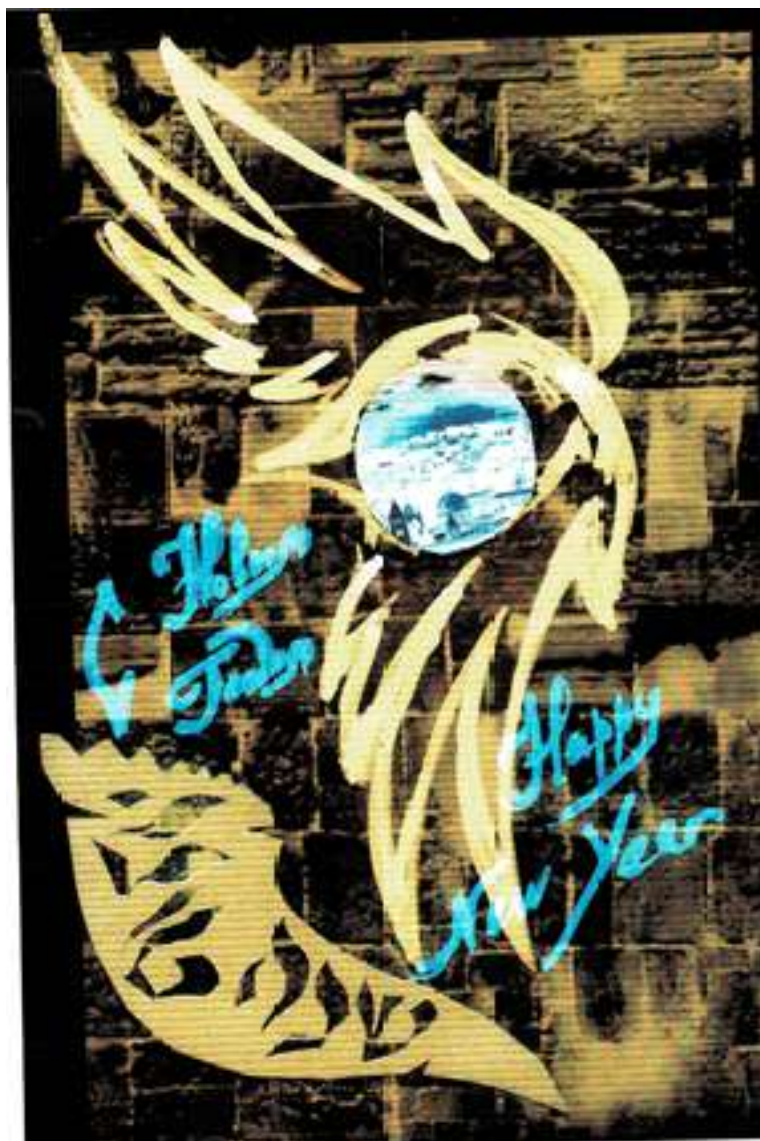
С пожеланиями мира, здоровья и счастья в Новом году

Ханука

Пурим

Рош-а-Шана

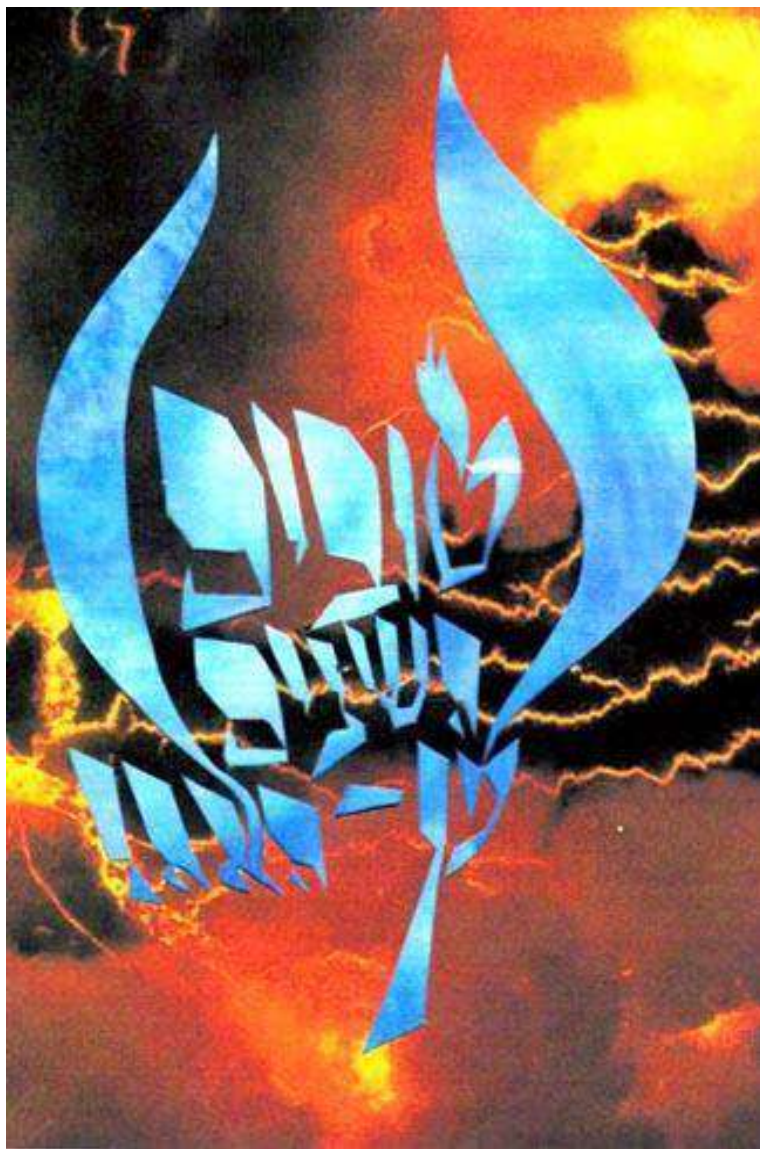
Ту би шват

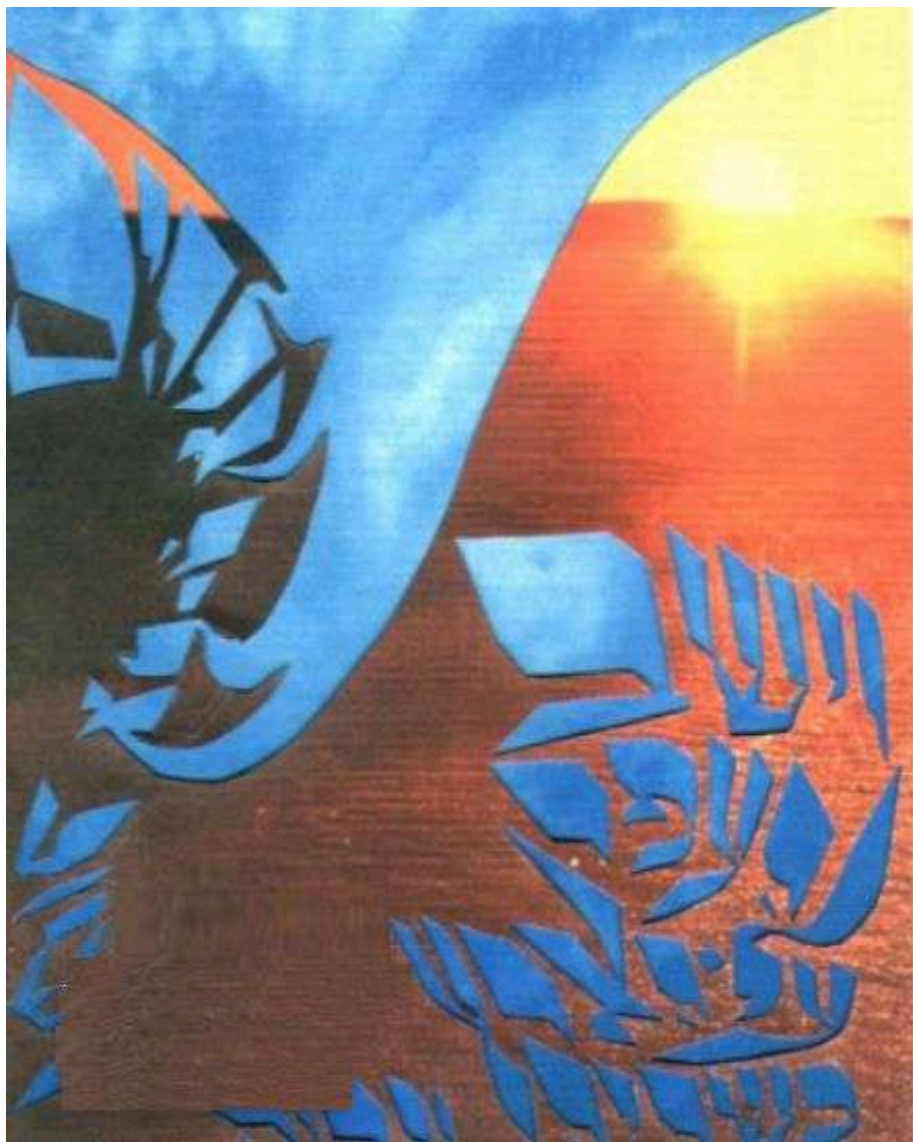
«...Укоренится Яаков, расцветёт и пустит ростки Израэль...»
(Йешайа, 27:6) С Днём Независимости!

Из серии «Мой Коэлет»

«Вдвоем лучше, чем одному, ибо есть им
плата добрая за труды их» (Коэлет, 4:9)

«И прах возвратится в землю, чем он и был, и дух
возвратится к Богу, который дал его» (Козлет, 12:7)

«Все, что сможет рука твоя делать, в меру сил своих делай, ибо нет ни дела, ни замысла, ни знания, ни мудрости в преисподней, куда ты идешь» (Козлет, 9:10)

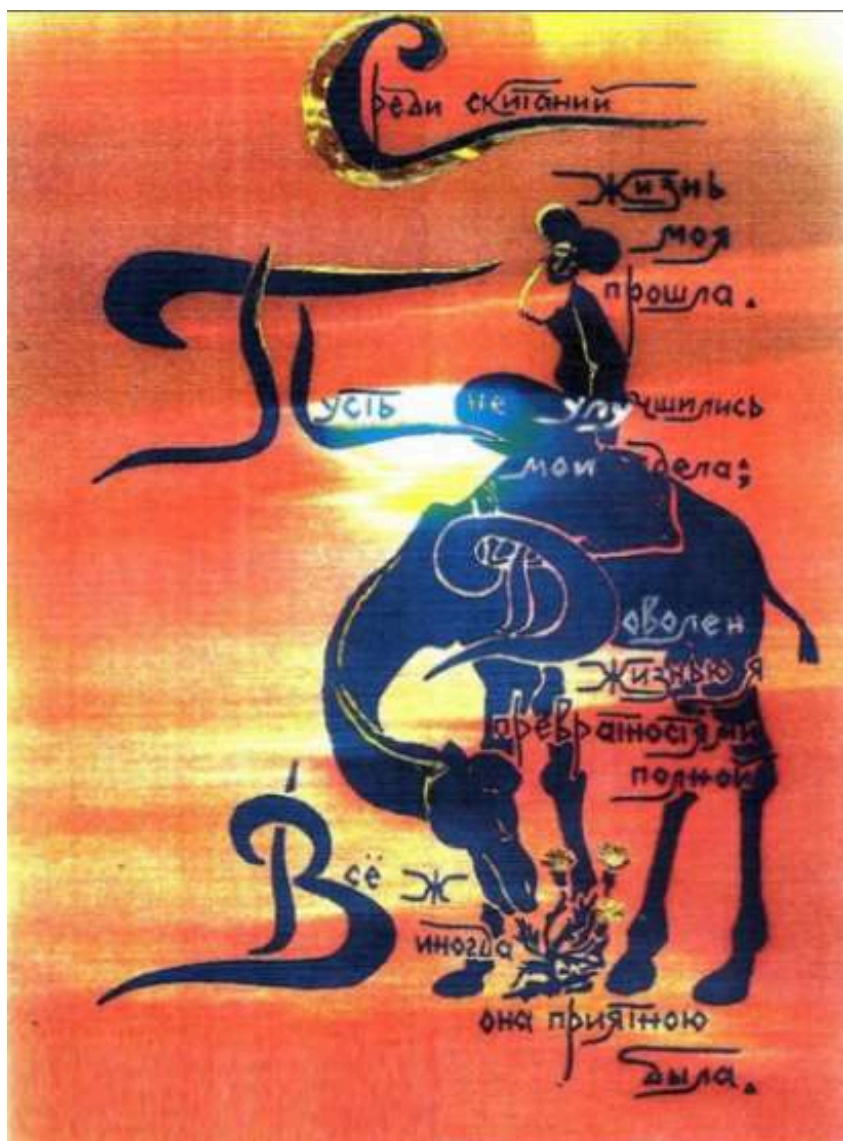

«Пошли хлеб свой по водам, ибо через много месяцев ты найдешь его» (Коэлет, 11:1)

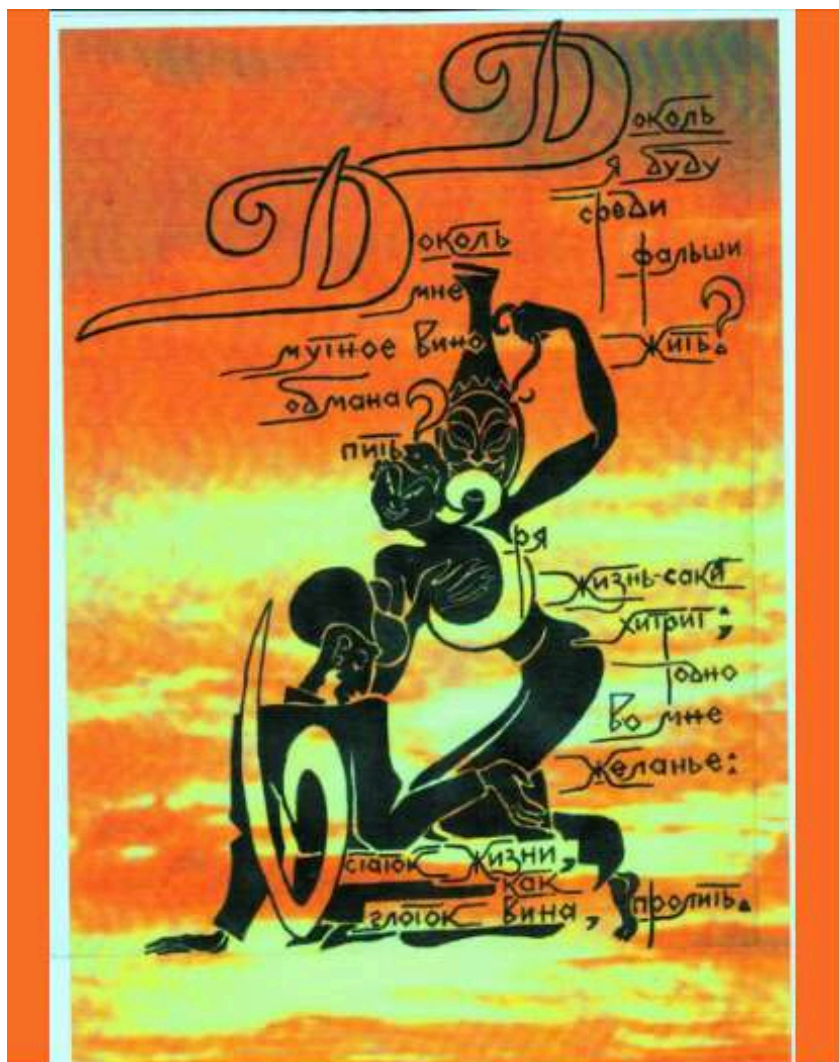

«У выбравшего жизнь есть надежда, ведь живому псу лучше,
чем мертвому льву» (Коэлет, 9:4)
«Избери же жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Дварим, 30:20)

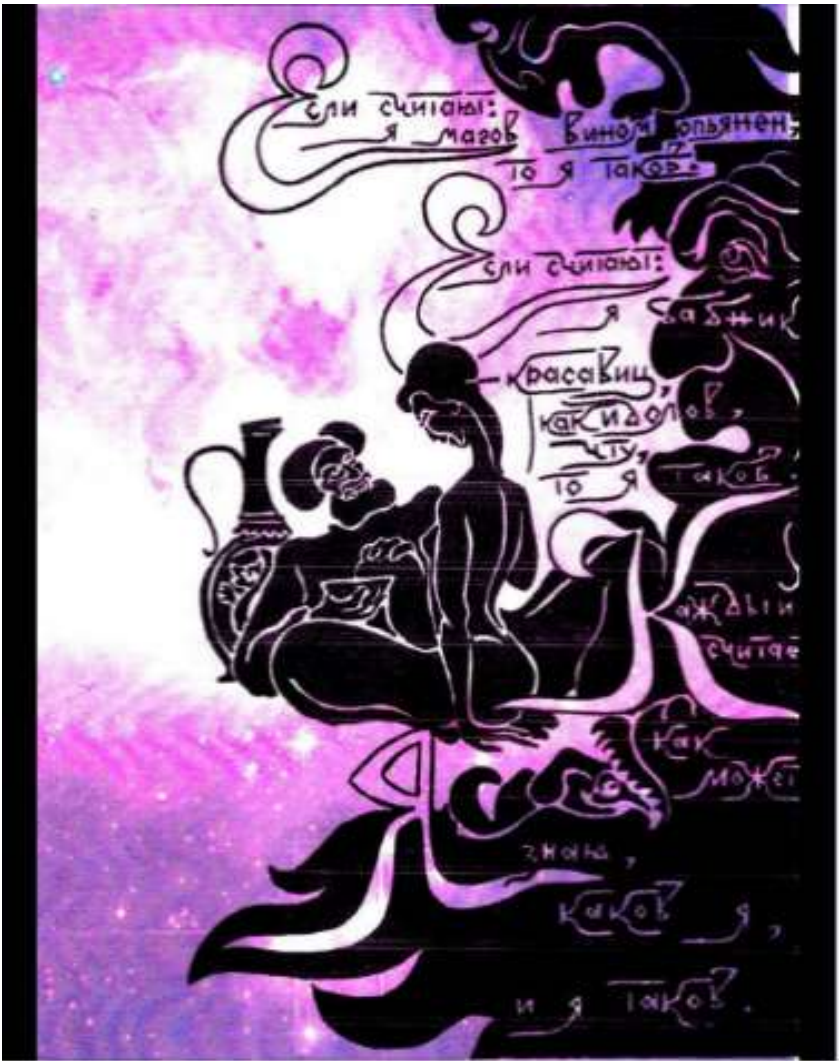
Из серии «Рубаи Омара Хайяма»

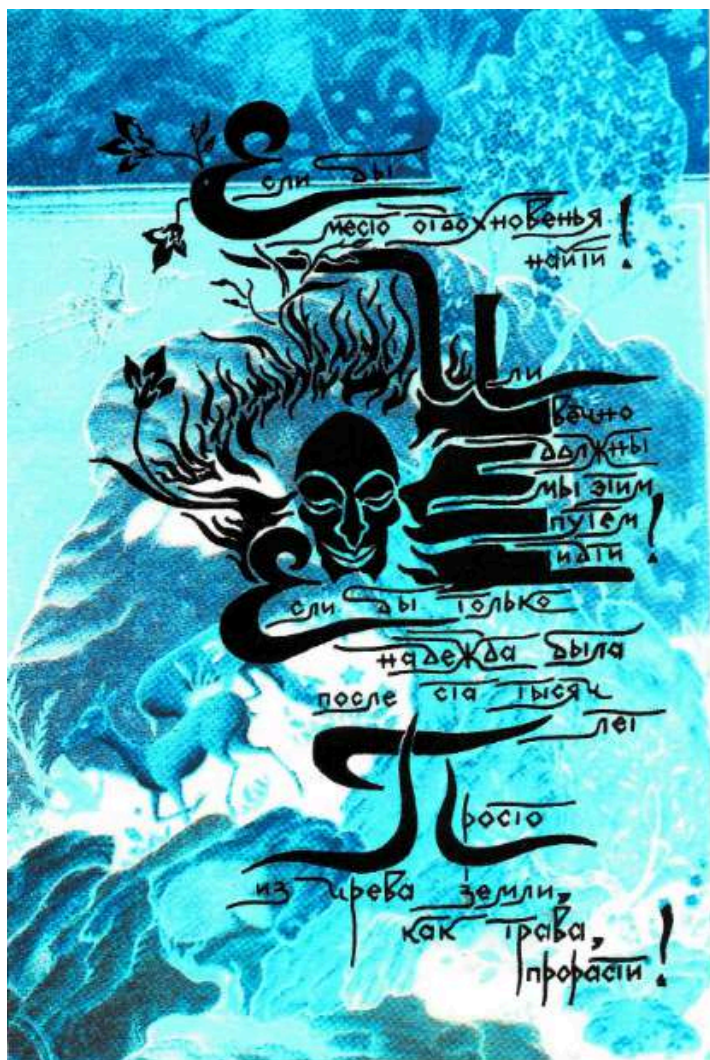

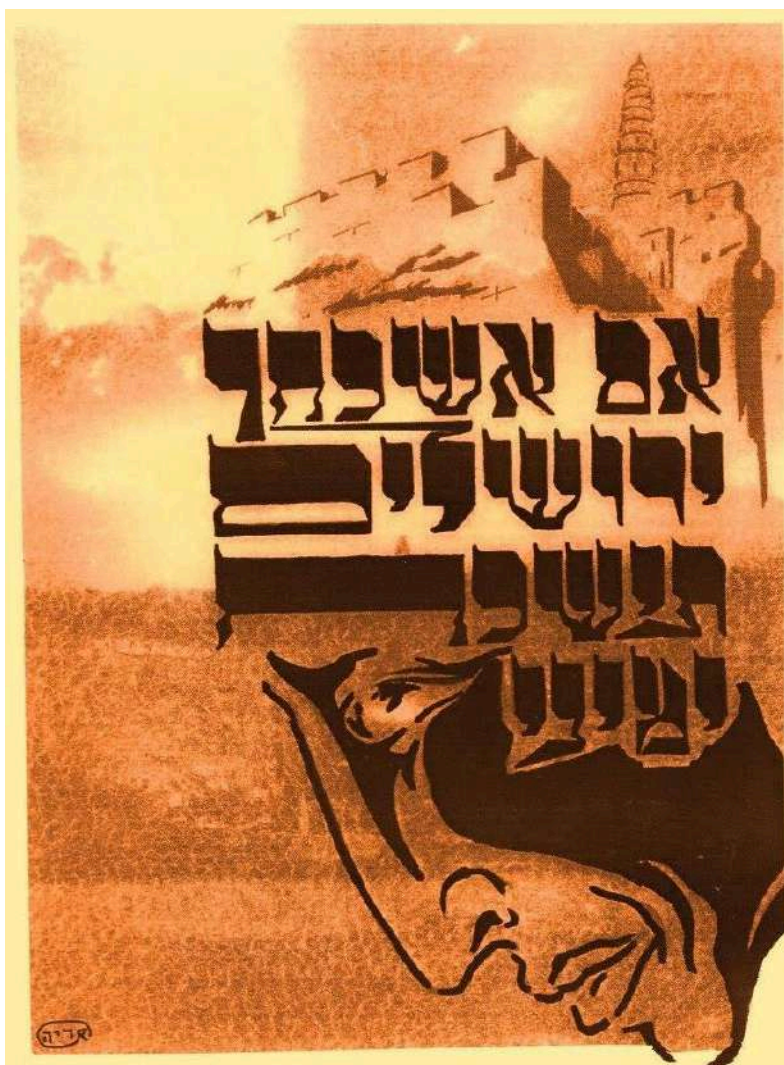

Из серии «Изречения»

«Если забуду тебя, Йерушалаим, –
пусть отсохнет десница моя» (Теилим, 137:5)

«Всё предопределено, но дана свобода выбора» (Пиркей авот, 3:19)

Из серии «Еврейские поэты золотого века»

«Во времена печали укрепи свое сердце и если стоишь перед воротами
гибели, мерцающей лампе – вспышка, пронзенным львам – рычание»
(Шмуэль га-Нагид, 993–1056 гг.)

«Не времени согнуть меня в поклоне»
(Тодрос бен Йегуда Абулафия, 1247–1298 гг.)

Александр Вильшанский

Одни ли мы на планете?

Часть 2. Третья цивилизация

Как описано в Части 1-й [1], сразу после войны (приблизительно 20000 лет тому назад) Вторая цивилизация просто в силу обстоятельств оказалась под землей (перед войной были построены надежные укрытия на глубинах в несколько сотен метров и ниже). Наверх выйти было невозможно из-за жуткой климатике и радиации; но внизу условия были приемлемые. Поэтому задача выжить в этих условиях представлялась разрешимой и была принята всем сообществом. Видимо, нашелся и вождь, указавший эту цель.

Еще в те времена лучшие представители цивилизации поняли, что основной причиной войн и уничтожения биоты на Земле является сама биология вида «гомо» (не отличающаяся от биологии высших обезьян). Биология ВСЕХ белковых организмов заставляет их самосохраняться *путем максимального потребления и размножения*. К тому же биология высших стадных животных заставляет их еще и *бороться за власть* в стаде (с теми же двумя целями плюс психологическое удовольствие от подавления «низших по рангу»).

Существует два типа человеческих сообществ, две разных формы организации общества – коллективная и индивидуалистическая.

При коллективной форме организации общества сознание (и поведение) каждого его члена подчинено интересам всего общества; интересы каждого соблюдаются до тех пор и постольку, поскольку они не входят в противоречие с общественными интересами и целями. В таком обществе сравнительно легко и часто возникают централизованные системы управления.

В индивидуалистическом обществе каждый его член осознает собственную важность прежде всего для себя самого, а не для общества. В таких системах обычно имеет место демократическая система управления.

Однако ни та, ни другая системы не защищены и не гарантированы от узурпации власти в условиях ограниченности ресурсов. Результат – война на подавление или на уничтожение.

«Интуитивное сообщество» – новый тип человека и общества

В отличие от двух ранее указанных типов сообществ, «интуитивное сообщество» характеризуется прочной «биологической» связью между его членами. Самый простой и всем известный тип такого сообщества – стая рыб. Во многих фильмах мы можем видеть, как вся стая внезапно меняет направление движения (при этом никаких внешних сигналов управления мы не обнаруживаем, а стая ведет себя как единое целое). Наблюдения Фабра за жизнью муравейника показывают, что в ряде случаев достаточно нанести вред одному из муравьев даже на большом расстоянии от гнезда, как этот факт почти сразу же становится известным всему населению муравейника.

Но человеческое «интуитивное» сообщество – это сознательно построенное сообщество. По сути, это один большой организм. В таком сообществе остается в неприкосновенности (причем по максимуму) основная характеристика Человека – свобода воли. Благодаря тесной связи между субъектами возникают естественные ограничения на эту свободу (через непричинение вреда остальным – «принцип Гилеля»). Говоря простым языком, если ваша правая нога вдруг захотела бы идти каким-то «своим путем», то ваш мозг заставил бы ее идти так, как это нужно всему организму, и правая нога несколько бы на вас не обиделась, и настаивать на своем не стала бы. В противном случае это уже классифицируется нами как заболевание.

Поэтому для создания нового типа человека и общества необходимо сделать так, чтобы каждый живой субъект непосредственно ощущал (в той или иной степени) боль и неприятности, причиняемые другим. Тогда может возникнуть третий тип сообщества – «интуитивное». Этот тип сообщества отличается от указанных ранее двух типов – коллективного и индивидуалистического; в этих сообществах каждый человек все же отделен от коллектива, общества. В «интуитивном сообществе» люди «чувствуют» друг друга непосредственно, это связь типа телепатической. При этом никто не может причинить другому вреда просто по определению.

Таким был Махатма Ганди. Известен случай, когда на глазах у Ганди возница рикши ударил рикшу бичом так, что на спине у того возник кровавый ирам. Точно такой же ирам возник и у самого Ганди.

Ни один другой принцип в условиях ограниченности ресурсов (а это всегда так для первых двух типов сообществ) не приводит к долговременному миру между членами сообщества. До некоторой степени это похоже на отношения между отдельными частями единого живого организма. При достижении такого состояния возникает субъективное (!) ощущение вечной жизни у отдельного члена сообщества. Само сообщество существует вечно, а его отдельная часть не ощущает себя отдельной частью. То есть вопрос об индивидуальной смерти отдельного члена сообщества даже не возникает, ибо сознание всех членов сообщества является единым для такого «организма».

Пути достижения такого состояния могут быть разными. Самый простой – вживление в мозг специальных «чипов» для организации прямой связи между отдельными членами сообщества.

Поскольку в таком варианте человечество превращается в единый организм, то вопрос об использовании ресурсов окружающей среды перестает быть вопросом конкуренции и конфронтации между отдельными членами сообщества и отдельными сообществами.

Бесконтрольное размножение приводит в конце концов к борьбе за те или иные ресурсы между общинами. Поэтому в интуитивном обществе должны существовать ограничения на рождаемость и определенная процедура реализации этого ограничения. Нельзя исключить, что в таком сообществе эта проблема решается сама собой.

ГОМО-ипо (единый, вечный) это био-организм высшего уровня. Он состоит из отдельных сознательных «субъектов-клеток» – био-людей. Это совершенно новый тип общества, нам незнакомый и устроенный совершенно иначе, наподобие общего организма. Целью любого организма является самосохранение. Поэтому деятельность каждой здоровой клетки также направлена на сохранение всего организма,

причем вполне сознательным образом.

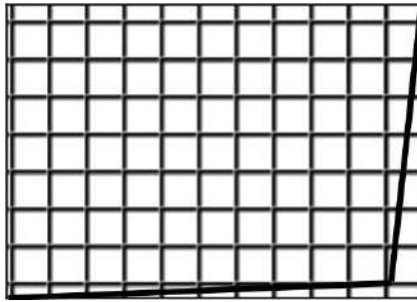
Такой организм мог возникнуть, развившись из Второй Цивилизации, направленной ее лидерами по вышеописанному пути. В результате на Земле могла возникнуть и развиваться **«Третья цивилизация»**, лишенная принципиальных недостатков обычной человеческой цивилизации. Любая цивилизация, развивающаяся по известным нам сегодня путям и законам, неизбежно должна закончить свое существование в борьбе за ограниченные ресурсы.

К моменту своего возникновения Третья цивилизация имела две особенности...

Стартовая позиция Третьей находилась не на нуле, а на максимальной точке развития предыдущей цивилизации. (К этому моменту, вполне возможно, уже было начато освоение Луны и даже Марса).

Выйдя 20 000 лет назад в Космос, «Третья» могла оставить на Земле только наблюдателей, а основной свой интерес направить на освоение других планет, в первую очередь – Луны, где сила тяжести в 6 раз меньше, что облегчает строительство сооружений. Воздух внутри этих сооружений даже земляне умеют удерживать. Вода там наверняка есть, а температурные условия под поверхностью намного благоприятнее, чем земные на поверхности. То же самое относится и к Марсу, где сила тяжести в 2,6 раза меньше земной. [2]

Очень важно отметить, что при этом был преодолен идеологический тормоз. Анализируя причины крайне неравномерного развития цивилизаций, можно прийти к выводу, что картинка развития производительных сил (в Первой части статьи) выглядит таким образом *только* по причине существования идеологических (в первую очередь –

религиозных) и общественно-политических тормозов развития. Так, уже наше время всего лишь двухсот лет отсутствия идеологических тормозов в 18–20 в.в. оказалось вполне достаточно, чтобы выйти на совершенно немыслимый ранее уровень технологии и общественных отношений. А ведь это вполне могло случиться уже 20 000 лет назад! 20 тысяч!!!!

Люди Третьей прошли гораздо бóльший путь, чем мы. Нам незачем летать на другие планеты, чтобы познакомиться с цивилизацией, опередившей нас на 200 веков. Эта цивилизация буквально рядом с нами.

И надо понимать, что Третья не имеет никакого желания и намерения улучшать человеческий мир и человеческую природу. Напротив, похоже на то, что ее цель – изучение поведения людей в естественных (природных) условиях. Им-то самим есть где жить и где развернуться.

Цели и задачи «Третьей» мы себе просто и представить не можем. Только по аналогии с нашим собственным образом мышления, можно предположить, что одной из главных задач было довести процесс развития биосферы Земли до безопасного уровня для нее самой.

Третья цивилизация – это единый организм, отдельные части которого связаны информационными каналами (называйте это телепатией). Борьба за власть в таком коллективе невозможна по определению.

Но «интуитивное сообщество» имеет и один (с нашей, конечно, точки зрения) крупный недостаток – неспособность защищать себя от агрессии. Эта агрессия возможна как со стороны земных общественных

конгрегаций (при их наличии), так и со стороны Глубокого Космоса. Поэтому на первом этапе (до освоения космических границ) наземная дикая цивилизация может служить определенным «буфером»; но впоследствии функции охраны «Заповедника» Третья берет на себя. (Включая защиту от некоторых природных катаклизмов).

Синтетический организм Третьей вообще не способен воевать, бороться за существование. Он выпадает из «цепочки естественного отбора», его дальнейшее развитие происходит своими специфическими способами, а не путем био-эволюции. Это его и характеризует как очередную (на данном этапе понимания – высшую) ступень развития био-разума, именно «человеческого» разума. А то, что мы имеем в виде биологического «разума» сегодня – это как раз низшая стадия, «гомо-разумный», гомо сапиенс, *логико антропос*.

Количество членов подобного общества (общины) не может быть слишком большим. В знакомых нам обычных условиях био-люди бесконтрольно размножаются, и уже поэтому находятся в постоянной вражде и борьбе за ресурсы – внешние и внутренние. А при небольшом количестве био-членов общины (да к тому же при высоком уровне развития технологий) ресурсы потребления могут распределяться разумно и без конкуренции. Понятно, что при этом основное производство этих «благ» должно быть возложено на «техников» – роботов, «рабочих муравьев».

Технологические условия существования Третьей цивилизации, источники энергии, проблемы утилизации отходов, общая экология и так далее – это отдельная очень большая тема для обсуждения, здесь даже не затрагиваемая. Однако нет сомнения, что все эти задачи – решаемые.

Между Третьей цивилизацией и нами существовала еще и Четвертая. Она тоже погибла... Следует помнить о разнице в возрасте между Третьей и Пятой (нашей) – это не менее 15 тысяч лет. Мы себе этого даже представить не можем. Мы привыкли рассуждать о контакте цивилизаций, но огромную разницу в возрасте практически никто не учитывает.

Первый вопрос: Почему? Почему мы не находим остатков этих цивилизаций?

Ответ: находим. Только неправильно их интерпретируем. Это мегалиты, пирамиды, древние шахты, золотые цепочки в каменном угле и пр. Сегодня Интернет просто переполнен подобными находками; и это не всегда фальсификации.

Второй вопрос: Зачем? Зачем мы им нужны?

Можно предположить по меньшей мере две основных задачи «Третьей» на нашей планете:

а) Изучение естественного хода биологической и интеллектуальной эволюции. (Зачем нам самим нужны заповедники, заказники и т. п.? В Андах мы их организуем в условиях недоступности для сохранения генетического материала трав. В Кении – для изучения биоценозов.)

б) Изучение влияния искусственных воздействий на ход эволюции; вполне возможно, что были организованы какие-то специальные проекты...

Однако надо иметь в виду, что первое и главное требование к любому заповеднику – это сведение к минимуму возможности влияния наблюдателей-экспериментаторов на обитателей Заповедника (и даже возможности обнаружить само существование таких наблюдателей). Иначе не может быть и речи о чистоте экспериментов.

Судя по тому, что представление людей о единственности нашей цивилизации как о высшей точке развития человечества оставалось незыблемым (и всячески культивировалось) в течение тысяч лет (а сведения о всяких «атлантидах» до последнего времени считались легендами), меры к засекречиванию истинного положения дел были приняты незаурядные.

Торможение развития. Язычество и монотеизм

Разница между идолопоклонством и догматическими религиями состоит в том, что идолопоклонство само по себе не тормозит процесса

исследования мира (в том числе – научного). А догматические учения – тормозят. Просто даже потому, что они догматические, и приучают людей к догматизму в мышлении. Притом, как мы знаем, эти учения не обязательно должны быть религиозными (как, например, коммунизм с его гонениями на генетику, кибернетику).

С другой стороны, принципиальная **этическая разница** между идолопоклонством и монотеизмом состоит в формулировке понятия о личной ответственности перед Нездешней Силой, что создает, в конце концов, (по мнению философов) основу нравственности (понятия о необходимых правилах поведения в сообществе).

Проблема все же не в личной ответственности (которая ощущается только в ситуации подзатыльника), а в личном ощущении беды другого человека.

В ходе своего развития человеческое общество даже в течение нескольких тысячелетий не могло прийти самостоятельно к созданию монотеистических религий (воззрений). Сравнительная слабость человека перед силами природы и возможность объяснения действий этих сил с помощью мистики отражается естественным образом в идолопоклонстве и многобожии, а в возникновении монотеизма нет практической необходимости.

Рим с его самыми различными политическими системами нормально функционировал в течение многих столетий и безо всякого единого Бога. Восточные религии вообще не нуждаются в Боге-Творце и в поклонении Ему.

По мере развития производительных сил и познания природы необходимость в идолопоклонстве постепенно исчезает. История Древней Греции и Древнего Рима свидетельствует об этом с очевидностью. Если в Древней Греции и Персии изображения богов еще использовались «по назначению» (для обращения к богам), то у римлян эти изображения уже превратились из предмета поклонения в произведения искусства; как и все истории, связанные с деятельностью так называемых «богов», превратились постепенно в фольклор уже в те времена.

Этот процесс шел почти параллельно с развитием производительных сил, что диктовалось, конечно, в первую очередь нуждами войны. И там, где развитие науки и техники не входило в противоречие с «божественными» представлениями об устройстве мира, необходимость выживания в войнах отодвигала религию на второй план.

С большой вероятностью аналогично могли обстоять дела и с развитием знаний о мире в Первой и Второй цивилизациях. Процесс развития производительных сил не сдерживался идеологическими тормозами. В результате обе цивилизации сравнительно быстро подошли к овладению ядерной энергией, что привело к уничтожению Первой цивилизации, и едва не привело к уничтожению Второй. Победа прогрессивных сил во Второй мировой войне привела лишь к уничтожению цивилизации на поверхности Земли, но ее удалось сохранить в подземных сооружениях, что и положило начало развитию Третьей цивилизации.

Похоже на то, что если на начальных этапах развития человеческих обществ дать им возможность бесконтрольно (неуправляемо) развивать технологии, то рекам крови конца не будет, а конец самой цивилизации – известен. К тому дело и шло даже в нашей (Пятой) цивилизации до времен Рама – (Индия) около 4 тыс. лет до х. эры. Поэтому нельзя исключить, что после восстановления биоты на поверхности Земли, мнения на тему перспектив развития следующей цивилизации могли разделиться.

Часть ученых Третьей могла считать Землю «планетой-маткой», которая периодически рождает новые и новые цивилизации. Это вполне согласуется с некоей общефилософской концепцией. (Обозначим ее как «Вариант-1»). Надо, мол, постоянно наблюдать за этим процессом и, при необходимости, вмешиваться в критических ситуациях. Согласно же другой точке зрения («Вариант-2») следовало проверить возможность создания в общественных средах искусственно возбужденных процессов, которые могли бы привести к качественному улучшению человечества, созданию как бы врожденных, «встроенных» тормозов, не позволяющих людям уничтожать друг друга. В случае удачи темпы развития очередных цивилизаций могли бы быть ускорены без риска самоликвидации.

Нельзя исключить, что на первом этапе было решено попробовать

«Вариант-1». От этого варианта в памяти человечества остались смутные воспоминания о культуре Атлантиды, и об ужасающей войне («Махабхарата»). Остатки этой (видимо, **Четвертой**) цивилизации до сих пор ищут (и кое-что находят).

Вслед за этой неудачей Третья цивилизация могла принять решение о «запуске» сразу нескольких Проектов, которые, по мнению тогдашних «политтехнологов», могли бы побыстрее «очеловечить» очередное человечество Пятой цивилизации, ускорить темп ее психического развития. Но, выражаясь словами современного нам мудреца, «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Эти проекты можно разделить на две группы.

*

Проекты, в которых во главу угла ставилась ЭТИКА, то есть так называемые «духовные ценности», были запущены на Востоке (в Азии). Практика показала, что подобные проекты не приводят к интенсификации научно-технического развития местной цивилизации. Это было естественно, так как в них провозглашался почти полный отказ от материальных благ (от необходимости в которых зависят причины действий и желаний человека – потребление, размножение и власть над потребляющими.) А раз потребление минимально, то и кризис недопроизводства наступит существенно позже.

«Духовные» или «Этические» системы не подавляли размышлений о мироздании и «бытии»; но, поскольку они не опирались на практическую деятельность, эти размышления оставались чисто умозрительными. Торможение познания было заложено в них самих.

Проекты, не пренебрегающие развитием производства материальных благ, но с подотчетностью действий индивидуума Суду Бога-Творца (то есть так называемой ЛИЧНОЙ или КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ) развивались на Ближнем Востоке. Вначале был внедрен монотеизм (иудаизм) с его представлением о Боге-Творце Вселенной; затем была создана христианская церковь. *1)

Все эти проекты внедрялись в сознание масс отдельными так называемыми «Посвященными» и «Посланниками» *2)

Одновременно была развита целая **репрессивная система**, предназначенная для подавления любого проблеска мысли. В том числе и

в первую очередь – для подавления развития представлений о мироздании, о строении мира. «Таким Бог создал мир!» – вот ответ монотеизма любой модели на любой подобный вопрос.

В науке старательно поддерживался «греческий подход», смешанный с мистицизмом. Ученые до сих пор ищут «первокирпичик материи», хотя уже почти ясно, что его не существует просто «по определению».

Развитие астрономии также подверглось сокрушительной атаке. Греки с помощью Птолемея (около 100 г. н. э) успешно похоронили гелиоцентрическую систему, созданную Аристархом Самосским примерно около 250 г. до н. э (!)

Википедия сообщает [6]:

«Причины, по которым гелиоцентризм так и не стал базисом для дальнейшего развития древнегреческой науки, до конца не ясны. По свидетельству Плутарха, «Клеанф полагал, что греки должны привлечь [Аристарха Самосского] к суду за то, что он будто двигает с места Очаг мира», имея в виду Землю; Диоген Лаэртский указывает среди сочинений Клеанфа книгу «Против Аристарха». Этот Клеанф был философом-стоиком, представителем религиозного направления античной философии. Последовали ли власти призыву Клеанфа, неясно, однако образованным грекам были известны судьбы Анаксагора и Сократа, подвергшихся гонениям в значительной мере по религиозным мотивам: Анаксагора изгнали из Афин, Сократ был вынужден выпить яд. Поэтому обвинения того рода, что были предъявлены Клеанфом Аристарху, отнюдь не были пустым звуком, и астрономы и физики, даже если и были сторонниками гелиоцентризма, старались воздерживаться от публичного обнародования своих взглядов, что и могло привести к их забвению».

В представлениях о мире возобладало мнение о существовании «нематериальной» «субстанции» – и даже РАМБАМ, с его супер-рациональным для своего времени мышлением, не смог освободиться от этого «постулата». И до сих пор в так называемой

«официальной науке» (каков термин, а?) господствует представление о «полях», которым «приписывают» «материальную сущность», а теперь уже и о «виртуальных частицах», о материальной сущности которых лучше не задумываться.

Еще до утверждения христианства в Риме и Греции так называемые «религиозные философы» внесли свой разрушающий вклад в развитие нашей цивилизации. В то же время так называемые «Свидетельства существования Бога» могут быть связаны с действиями Третьей через Посланников или по просьбе Посвященных [5]. А реальные артефакты (вроде чудес Исхода и пр.) все без исключения объясняются действиями Третьей. Не следует забывать, что мы неизмеримо отстаем в наших технологических возможностях от уровня Третьей. И то обстоятельство, что сегодня ученые находят вполне «естественные причины» некоторых «чудес», описанных в Торе, может быть еще и следствием того, что Посланники «Третьей» предусмотрели также и возможность такого объяснения.

Однако естественными причинами объясняется далеко не всё (в частности – мор первенцев в Египте, облачный светящийся столп, сопутствовавший израильтянам в пути по пустыне).

Расчет был простой (чтоб не сказать «примитивный») – затормозить развитие производительных сил в ожидании самостоятельного развития культур, ставящих «духовное» выше «материального» под воздействием пропаганды абсурда.

В результате поистине нечеловеческих усилий философов разного уровня и качества развитие нашей цивилизации было заторможено как минимум на 3000 лет, то есть практически на «полсрока», отведенного ей Природой и Историей.

И ведь сказано в Торе: **«Перед слепым не ставь препятствия»** (Ваикра, 19:14). А именно этим и занимались все религии до настоящего времени.

Положение стало меняться только в 17 веке, с развитием науки, техники и атеизма. Как ни парадоксально, но именно атеизм убрал

«препятствия перед слепыми». Однако проклятое «философское» наследие продолжало и продолжает поддерживаться с помощью признания тех или иных ученых и философов непререкаемыми авторитетами. Только поэтому совершенно абсурдные с нашей сегодняшней точки зрения представления Аристотеля о мире смогли продержаться в головах почти 2000 лет!!!

Устранение инакомыслящих происходит всеми возможными способами, включая физическую ликвидацию ученых и изобретателей (причем даже в тех случаях, когда их изобретения совершенно явно могут быть использованы для войны!) Списки уже исчисляются сотнями, если не тысячами имен.

Но в конечном итоге, «препятствия перед слепыми» ставит сама по себе вера в «святость» мнений авторитетов.

Примечания

*1) В сознание многих людей намертво вбито убеждение, что якобы монотеизм обеспечил понимание людьми «личной ответственности» за свое поведение. Ничего подобного! Примеры некоторых восточных религий показывают нам, что вовсе не обязательно иметь понятие о Боге-Творце, чтобы соблюдать ограниченное количество основных принципов поведения человека в обществе.

*2) Посвященных – единицы. Эдуард Шюре [5] их перечисляет: Рама, Кришна, Гермес, Моисей, Орфей, Пифагор, Платон, Иисус.

Литература

Одни ли мы на планете (ч.1) «Сонар-14»

<https://sonar.ecoimper.net/vip/14-S.pdf>

Колонизация Марса. (Википедия).

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%B0

С.Лилли. «Люди, машины, история»

<http://www.twirpx.com/file/799448/>

Язычество. (Википедия).

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>

Э. Шюре. «Великие посвященные». Калуга, 1914.

Аристарх Самосский. (Википедия).

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%85_%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9

Продолжение следует.

Ефим Богомольный

Работа на Израильской железной дороге

Летом 1991 г. меня пригласили на собеседование к Михаэлю Барному – начальнику механического отдела в отделении подвижного состава Израильской железной дороги (ж/д). Он был русскоязычный, и к нему направляли репатриантов для знакомства. Первый вопрос М. Барного мне по телефону был: «Знаю ли я Е. Попова, замминистра транспортного машиностроения (Трансмаш)». На мой утвердительный ответ он пригласил меня на встречу, и там рассказал мне свою историю.

М. Барной был польским евреем. После оккупации Польши в 1939 г. многие поляки были высланы в СССР. Барной жил у родственников в Горьком, где окончил институт и работал на судостроительном заводе. В 1956 г. молодого специалиста Брянского машзавода Е. Попова в составе группы инженеров направили в Одессу, куда прибыл теплоход с двигателем датской фирмы Бурмейстер Вайн.

Двигатель был разобран, и инженеры должны были составить его чертежи для налаживания производства на Брянском заводе – без покупки лицензии, как тогда было принято в СССР. Чертежи составили, но без датских ноу-хау производство не смогли наладить, и в конце концов СССР купил лицензию.

Е. Попов со временем стал замминистра Трансмаша по новой технике. Каждый начальник бюро и сектора на КТЗ (где я проработал 29 лет до Израиля) должен был у Е. Попова согласовывать планы новой техники по своему профилю.

В 1958 году М. Барной репатриировался в Израиль. М. Барной порекомендовал меня заместителю. управляющего ж/д Леону Гайману, который возглавлял проект по приобретению и освоению новых дизель-поездов. Гайман включил меня как специалиста по локомотивам и дизелям в свою группу. Два слова о моём первом руководителе. Леон Гайман родился в семье российских эмигрантов, после революции эмигрировавших в Китай, в Харбин. Там он окончил железнодорожный институт и в 1950 г. репатриировался в Израиль.

Условием моей работы было знание английского языка. Я, кандидат технических наук, знал язык для перевода и чтения, но

разговорного навыка у меня не было (как тогда шутили, читаю и перевожу со словарём, с людьми стесняюсь!) Я заверил, что эту проблему я решу, а с сентября 1991 г. был принят на работу, и работа закипела.

Ситуация на Израильской железной дороге

Управление Израильской железной дороги было придатком портов – перевозчиком грузов от Мёртвого моря и из других мест в Хайфский и Ашдодский порты для экспорта. От конечной северной ж/д станции Нагарии до Тель-Авива в центре страны (где и размещается управление ж/д) шла однопутка с максимальной скоростью 120 км/час; я добирался до работы в Т-А поездом 3 часа. Сегодня за 3 часа поезд доезжает из Нагарии до Беэр-Шевы – столицы пустыни Негев. Пассажирское движение было в зачаточном состоянии, при том, что автодороги Израиля были перегружены уже тогда.

В 1989 г. правительством И. Шамира был принят 20-летний план стратегического развития ж/д транспорта с развитием сети железных дорог, ростом скоростей движения и вводом в строй новых станций. Железная дорога после утверждения плана пригласила многие десятки специалистов-репатриантов, прежде всего кандидатов наук и высококвалифицированных инженеров.

Был заключён договор с Датской железнодорожной компанией – разработчиком скоростного (160 км/час) дизель-поезда IC3 (three-carriage InterCity train set, трёхвагонный междугородный поезд) о поставке 10 поездов. На выбор именно датских поездов в международном конкурсе повлияло благородное поведение Дании во 2 мировой войне, спасшей своих евреев от уничтожения. В Европе поезда IC3 применяются и на международных линиях.

Освоение дизель-поездов IC3/PRA

Для ознакомления с поездами, их обслуживанием и ремонтом на Датской ж/д в мае 1992 г. в Данию была направлена группа специалистов из израильских депо, в которую включили и меня (единственного

репатрианта). Через 2 месяца я вернулся в Хайфу одновременно с прибытием первого поезда (после его ходовых испытаний на датских путях, но с нашим участием). Началась подготовка и проведение типовых испытаний IC3/PRA (израильская модификация IC3) на израильских путях со всеми изменениями для наших условий. Я представлял заместителя управляющего ж/д Израиля Л. Гаймана, участвуя во всех согласованиях программ и испытаний и готовя ему текущие отчёты на английском языке.

В типовых испытаниях поезда участвовали все поставщики комплектующего оборудования поезда (дизель, тележки, кондиционеры, электрический модуль и др.). В сентябре 1992 г. типовые испытания завершились положительно, первый поезд был принят в эксплуатацию, и началась подготовка к обкатке и приёмке всех поездов (на основе изменений по типовым испытаниям). Во время всех типовых и серийных испытаний я был представителем заказчика с правом подписи (перед утверждением затем Л. Гайманом). К середине 1993 г. были приняты в серийную эксплуатацию все 10 поездов. После завершения проекта и ухода Л. Гаймана на пенсию я перешёл на работу в механический отдел отделения подвижного состава как ведущий специалист по дизель-поездам.

Недавно Леон Гайман, внёсший огромный вклад в развитие Израильской железной дороги (и фактически открывший мне профессиональную работу в Израиле в 52 года), ушёл в мир иной. Между прочим, он владел четырьмя языками, что для меня до сих пор является мечтой. Надо отметить, что в Израиле я превратился из одноязычного советского человека в трёхязычного европейца, которого понимают в любой западной стране! Воистину, знание языков определяет степень свободы в мире! Дочь с мужем и внуками, владеющие четырьмя языками, полностью реализовали эту свободу!

К этому времени в Стране назрели перемены. Победив в 1992 г. на выборах в Кнессет, левые (Авода, Мерец) вместе с харедим составили правительство, которое в обход существовавшего закона о непризнании палестинской организации освобождения Палестины (ООП), заключили с ними преступное соглашение «Осло», позволив бандам Арафата появиться в Самарии и Иудее в качестве палестинской власти.

На железной дороге произошли изменения. Управляющим дороги был легендарный бывший командующий танковыми войсками Цахала во время шестидневной войны генерал Бар-Кохба (который принимал нас, репатриантов, на работу). Этот цветущий заслуженный человек был отстранён от должности как член ЦК Ликуда, и вскоре скончался. Управляющим железной дороги был назначен член Аводы.

Однако, в отличие от страшных политических последствий смены правительства, смена управляющего не остановила реформу железной дороги, ставшей стратегической задачей развития Израиля!

Строились вторые пути, скорости движения повышались до 150 км/час, строились новые станции. Главным депо на ж/д является Хайфское, где был построен цех по обслуживанию и ремонту новых дизель-поездов IC3/PRA. Аналогичный цех был построен в южном депо Лод для развития южной сети ж/д (пассажиры тогда в Беэр-Шеву не ходили).

В мою задачу ведущего инженера по IC3/PRA входила подготовка технической документации для всех уровней обслуживания и ремонта, включая капитальный ремонт. Поставщики поездов и основного оборудования проводили соответствующую учёбу со специалистами депо. Со временем это стало моей функцией – инструктировать специалистов депо, а затем и машинистов, по устройству и обслуживанию IC3/PRA.

Эксплуатация 10 дизель-поездов наряду со старыми локомотивами и вагонами показала недостаточность имеющегося подвижного состава для удовлетворения возросшего пассажиропотока и требовала приобретения дополнительных поездов. Началась разработка технических требований на модернизацию новой партии IC3/PRA с учётом опыта эксплуатации предыдущей серии, и я был основным участником этой работы.

Изготовление дизель-поездов IC3/PRA II на авиационном заводе в Беэр-Шеве

Руководство ж/д пошло на смелый шаг, договорившись с датским поставщиком, что треть производства модулей, их сборка, сборка и

настройка поездов, их обкатка будут выполняться в построенном специально сборочном цехе на авиационном заводе Рамта в Беэр-Шеве и на израильских ж/д путях. Таким образом, израильское правительство вкладывало часть средств для развития ж/д в собственную авиационную промышленность!

В конце 1995 г. в Беэр-Шеве на Рамте началось изготовление новой партии модернизированных дизель-поездов IC3/PRAII. Я был назначен представителем заказчика с правом подписи и печати на приёмке всех модулей, их сборки и всех этапов сборки и приёмки поездов. На ходовые испытания каждого поезда я приглашал в помощь представителей Датской ж/д. По завершении выпуска и приёмки 8 поездов, сданных в эксплуатацию к концу 1996 г., проект был завершён и я вернулся в Хайфу к прежней работе.

Имевшихся дизель-поездов явно не хватало для возросшего к 2000 году в 10 раз пассажиропотока, охватившего южные районы Израиля с постройкой станций в Беэр-Шеве, Димоне, Кирьят Гате, а также в Иерусалиме с Бейт-Шемешем и новых станций в хайфских пригородах (совмещённых с торговыми центрами).

Железная дорога заказала 17 новых модернизированных поездов IC3/PRA с изготовлением трети работы в Рамте (как с второй партией). Я опять постоянно работал в Беэр-Шеве – выполнял свои прежние функции, представляя заказчика. Дома, в Хайфе бывал по выходным. Этот проект в Рамте закончился в конце 2003 г.

Выполнив сравнительный анализ эксплуатации поездов 1-й и 2-й серии, я пришёл к выводу о необходимости изменения конструкции поезда для увеличения его срока службы и послал предложения от имени Израильской ж/д. Меня поддержали представители Датской ж/д, сотрудничавшие с нами. Однако железнодорожная компания Бомбардьё, к которой перешло изготовление IC3/PRA, не приняла наших предложений. Как руководитель приёмки дизель-поездов, я настоял на сравнительных испытаниях IC3/PRA разной модификации на наших путях, которые показали справедливость наших предложений. В конечном итоге они были реализованы при смене тележек после выработки их ресурса.

Параллельно с новыми дизель-поездами Израильская ж/д

заказала партию двухэтажных вагонов. Также Управление дороги договорилось со Шведской ж/д, перешедшей на электрическую тягу, о покупке и модернизации их 10 дизель-поездов по требованиям IC3/PRAII. По действовавшему в 2006 г. закону сотрудники государственных предприятий обязаны были уходить на пенсию в 65 лет. Однако моя работа была продлена на 2 года сверх пенсионного возраста – до окончания приёмки и пуска в эксплуатацию этих поездов. После этого меня тепло проводили на пенсию. Всего Израильская ж/д приобрела и изготовила 50 трёхвагонных дизель-поездов. За 20 лет принятия и реализации революционного плана развития Израильских железных дорог пассажиропоток увеличился более чем в 15 раз!

Через 2 месяца после ухода на пенсию из ж/д меня пригласили в трамвайный проект в Иерусалиме консультантом по конструкции и обслуживанию подвижного состава. Я проработал там 1,5 года до расформирования этого подразделения. Последний раз меня пригласила поработать компания Альстом в 2014 г. после принятия ею на обслуживание дизель-поездов IC3/PRA от ж/д Израиля.

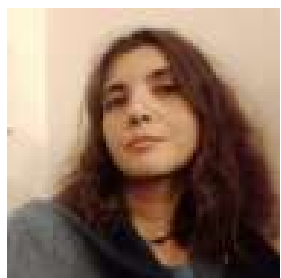
Уже год я – чистый пенсионер. И подошла 25-я годовщина нашей жизни в Израиле, и пора подвести итоги. Должен сказать, что мне, как и десяткам других специалистов-транспортников, повезло приехать к началу транспортной революции в Израиле и быть ею востребованными на 100%. По уровню систем диагностики, контроля и управления дизель-поезда IC3/PRA, которые я вёл, приближались к авиационным установкам. Недаром авиационный завод в Беэр-Шеве, выполнявший треть работ в производстве 2-й и 3-й серий, был готов (после получения лицензии) освоить 100% производства поездов.

Израильская ж/д совместно с подрядчиками освоила капитальный ремонт всего основного оборудования дизель-поездов, приобретая необходимую оснастку и выработав опыт. Мне повезло внести в историю развития ж/д транспорта Израиля и свою долю участия.

Сведения об авторах

Эли Бар-Яалом. Место действия: Хайфа. Всё остальное туманно и под вопросом. Вышла книга стихов "Котёнок русского языка" (2023).

Ирина Тверская (Ирца). Поэт, переводчик, художник, искусствовед. Родилась в Херсоне, с 1990 года живёт в Израиле. Печаталась в израильских журналах "Круг", "Портрет", "Иерусалимский журнал" и в периодике разных стран. Автор 5 поэтических сборников. Мать пятерых детей. Докторантка Бар-Иланского университета, хозяйка

Арт-пространства и литературного салона в Хайфе. Практикующий арт-терапевт, организатор благотворительного проекта, составитель альманаха антивоенной поэзии.

Стихи поэта несколько раз звучали в эфире 9-го радиоканала.

Леонид Дынкин. Родился в Москве в 1937 году. Окончил МИСИ (специальность – сейсмостойкие конструкции). Участник студии И. Волгина в МГУ, творческой мастерской Г. Л. Рошаля в Центральном Доме кино. В 90-е годы репатриировался в Израиль. Работал в Тель-Авивском инженерном объединении. Долгое время жил в Ашкелоне, сейчас – в Тель-Авиве.

Автор 4 книг стихов.

Ольга Любарская. Окончила Харьковский автодорожный институт, а также филологический факультет Курского педагогического института. Работала инженером, а затем преподавателем русского языка и литературы. В Израиле с 1997 года. Публикации в периодических изданиях России и США.

Постоянный автор журнала СОНАР.

Михаил Язмир. Родился в 1931 г. в Витебске. При рождении получил имя Мейер. Еще до школы обрел навыки чтения. Перед войной закончил 2 класса белорусской школы. С предприятием, на которых работали родители, были эвакуированы в Саратов. Там Мейер превратился в Михаила, нашел надежных друзей и влюбился в Волгу. В 1954 г.

окончил Саратовский гос. университет им. Чернышевского, работал по специальности геологом вплоть до отъезда в Израиль в 1995 г. Всю жизнь вел дневники, записывал свои размышления. Все это превратилось в тысячи страниц теоретических обобщений, воспоминаний и рассказов.

Ирина Л. Лир. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор рассказов, мемуаров, романа и соавтор четырехязычного словаря «Растения Израиля». Химик-технолог в области новых биосовместимых полимерных материалов. Доктор технических наук, автор 56 научных публикаций и патентов. Родилась в Москве в еврейской семье ученых, инженеров, врачей. Окончила МХТИ им. Д. И. Менделеева, работала в

Институте медицинской техники. В Израиле с 1991 года. Работала в Технионе, в хайтеке и химической промышленности Израиля. Имеет мастерскую степень по нейролингвистическому программированию. Живет в Хайфе. Член редколлегии журнала СОНАР.

Фриц Исаакович Штернберг (1921, Румыния – 2006, Израиль). Родился в Кишиневе. Учился в Бухарестском политехникуме и Одесском институте связи. Инженер-энергетик и переводчик технической литературы. После войны закончил Харьковский железнодорожный институт. Занимался проектированием электростанций. В 1992 г. репатриировался с семьей в Израиль. Обосновался в городе

Хайфа. Несмотря на солидный возраст, был много востребован как технический переводчик, совмещающий инженерные знания со знанием шести языков.

Диана Беребицкая. Родилась в Харькове. Окончила Харьковский институт искусств, работала в Харьковском лицее искусств, а с 1992 года в Израиле: работала пианисткой, педагогом, организатором и дирижером оркестра, руководителем детской театральной студии. Печаталась и выступала в России, Украине, Германии, Чехии, Израиле. Стихосложением занимается всю жизнь.

Часто публикуется в журнале СОНАР.

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и уже много лет – в Израиле, в Хайфе.

Инженер и учитель математики.

Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран.

Руководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»).

Выпустила единственную собственную книгу стихов. И – в качестве редактора –

несколько альманахов и книг друзей.

Член редколлегии журнала СОНАР, выпускающий редактор этого, 15 номера журнала.

Игорь ЛеШ (Игорь Леонидович Шмеркович).

Родился 02.04.1949 г. в Харькове. Окончил харьковскую 27 физ-мат. школу и ХИРЭ. Работал

в СССР инженером и еще много где и кем. Имеет двух детей – сына и дочь, 1975 и 1979 г.р.

Репатриировался в Израиль в 2019 году. Живет в Хайфе. С 1982 года начал писать, автор стихов и

рассказов. Публикуется в журнале «Сонар», на сайтах «Проза.ру», «Стихи.ру» и в других изданиях.

Леонид Штернберг. Кандидат физ-мат. наук, математик и программист. Родился в Харькове. Закончил 27-ю физ-мат. школу.

Выпускник факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ. Доцент Куйбышевского авиационного института.

Автор ряда книг и учебных пособий. В 1992 году репатриировался в Израиль. Работал в

крупных компаниях, включая «Рафаэль», преподавал на факультете «компьютерные

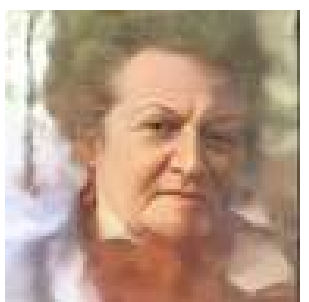
науки» Техниона и в ряде колледжей. Член редколлегии СОНАР.

Александр Вильшанский. Родился в Москве. Инженер-радиотехник, кандидат технических наук.
В Израиле с 1998 г.
Живет в Хайфе.
В течение 15 лет работал в Технионе.
Автор нескольких книг, пять из них – по Физической физике.

Ефим Богомольный. Родился 11.03.1939 г. в Харькове. Закончил Брянский институт транспортного машиностроения в 1961 г. по спец.турбиностроение. Работал на Коломенском заводе, защитил кандидатскую диссертацию. Репатриировался с семьей в Израиль в 1990 году. Публикуется в Интернете. Первая публикация в № 15 журнала СОНАР.

Берта Шварц. Родилась 17.11.1914 г. в Ковеле (город в Волынской области Украины). Художник, оформитель. член Союза художников СССР.
Картинная галерея номера посвящается 110-летию со дня рождения Берты Шварц.

Картинная галерея

Берта Шварц. К 110-летию со дня рождения

Берта Вульфовна Шварц родилась 17 ноября 1914 года в Ковеле. После окончания художественных курсов с 1930 года работала в Узбекистане инструктором ковроткачества.

В 1936 году окончила художественный техникум в Самарканде. В 1937 году без экзаменов была зачислена студентом высшей школы Академии художеств в Ленинграде, затем работала в Куйбышевском худфонде.

В 1968 году была принята в члены Союза художников СССР.

С 1970 по 1990 год работала художником-оформителем в турбазе «Терскол» МО СССР.

Натюрморты и букеты цветов – любимые сюжеты ее картин, большая часть их выставлена в музеях Ставрополя, а также Нальчика, Пятигорска и других городов Северного Кавказа.

Фотографии некоторых работ художника Берты Шварц подготовлены для журнала её сыном, архитектором Альбертом Ноткиным (Акко, Израиль).

Фрагмент каталога работ Берты Шварц, выпущенный Ставропольским областным художественным музеем, представлен на фото.

1941	Была принята кандидатом в члены Союза художников.		
1941—1945	По командировке Куйбышевского обкома партии выезжала на село на посевные и уборочные кампании для выпуска агитплакатов и бейшек листов. Выпустила более 60 плакатов «Юнк ТАСС на селе», бичующих лодырей и туземцев, за которые награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»		
1950—1954	Участвовала в Куйбышевской областной выставке. Картины: «Юное дарование», «Портрет колхозницы Федоровой», «Натюрморт».		
1954	Переезд в г. Пятигорск.		
1955—1961	Участвовала в Ставропольской краевой выставке.		
1962	Участвовала в выставке женщин-художниц в г.р. Краснодаре. Выставлено 10 работ: «На балконе», «Ждут ребенка», «Портрет дипломанта-студента из Вьетнама», «В механическом цехе» и др. В апреле открыта персональная выставка Б. В. Шварц на заширокоформатном заводе в г.р. Пятигорске, на которой экспонировалось 46 работ.		
1964	Участвовала в зональной выставке «Советский зог» в г. Краснодаре. Картины: «Первенец» (120×80), «Натюрморт с табакками вазелином» (80×50).		
1964—1966	XI XII выставках проведённых художников Ставропольского края.		
1968	Принята в члены Союза художников СССР.		
1970—1990	Переезд в поселок Терскол и работа в турбазе МО «Терскол» в качестве художника-оформителя.		

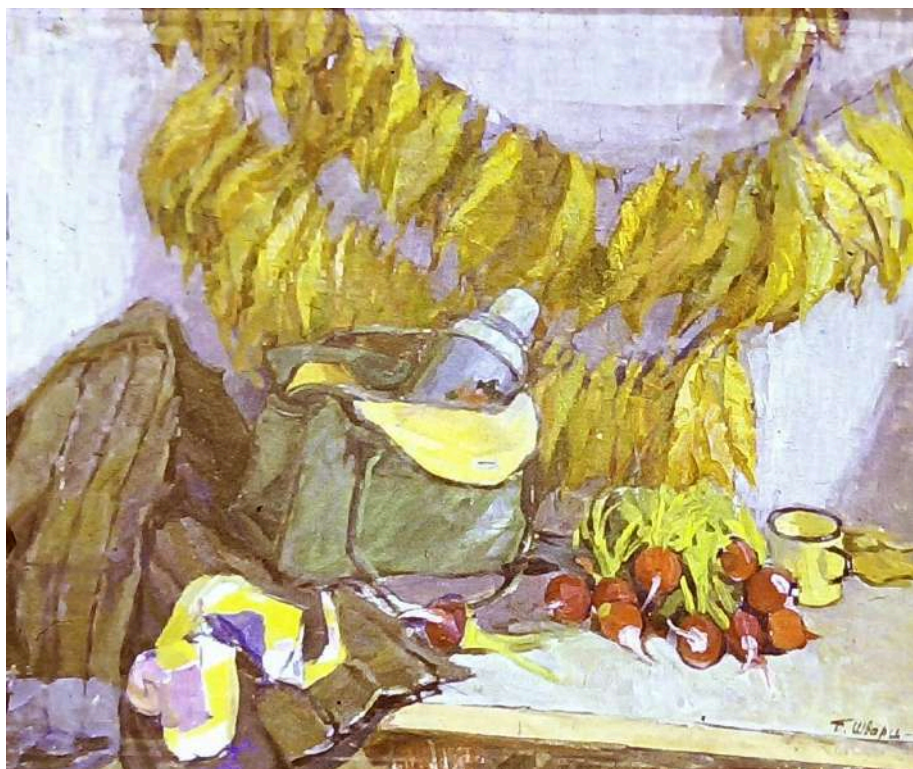
КАТАЛОГ РАБОТ ХУДОЖНИКА Б. В. ШВАРЦ
(1950—1990)

1.	«Юное дарование»	х.м.	66×96	1950 г.
2.	«За мгновением»	х.м.	83×102	1952 г.
3.	«Портрет заслуженной учительницы»	х.м.	90×69	1956 г.
4.	«Розы»	х.м.	79×89	1952 г.
5.	«Мак и ромашки»	х.м.	53×64	1956 г.
6.	«Лимон»	х.м.	78×88	1957 г.
7.	«Дубки в ящике»	х.м.	87×97	1956 г.
8.	«Токар» «Сельтектор» Ася Ключко»	х.м.	70×53	1960 г.
9.	«Натюрморт с лимонами»	х.м.	69×50	1960 г.
10.	«Лавани и фиалки» (этуод)	х.м.	80×70	1950 г.
11.	«Весна»	х.м.	117×61	1961 г.

12.	«Дубки»	х.м.	55×71	1961 г.
13.	«Мак»	х.м.		1961 г.
14.	«Портрет вьетнамского студента»	х.м.	31×35	1961 г.
15.	«Портрет вьетнамки»	х.м.	56×49	1961 г.
16.	«Канюльница на окне»	х.м.	48×51	1962 г.
17.	«В античном цехе»	х.м.	35×37	1962 г.
18.	«Преподаватель психологии Шуева-Филатова»	х.м.	80×118	1963 г.
19.	«Натюрморт с табакками листьями»	х.м.	93×78	1964 г.
20.	«Людые лета»	х.м.	95×79	1964 г.
21.	«Подсолнухи»	х.м.	33×48	1964 г.
22.	«Зеленый чай»	х.м.	79×89	1965 г.
23.	«Белые яблоня»	х.м.	90×31	1965 г.
24.	«Натюрморт с грибами»	х.м.	85×56	1966 г.
25.	«Распада» (этуод)	х.м.	71×50	1966 г.
26.	«Горельник»	х.м.	48×68	1966 г.
27.	«Бечерный пейзаж» (этуод)	х.м.	41×21	1966 г.
28.	«Женщина в сиреневом»	х.м.	59×97	1966 г.
29.	«Сенна»	х.м.	67×83	1966 г.
30.	«Завтрак»	х.м.	68×48	1966 г.
31.	«Цыганка в белом»	х.м.	40×58	1966 г.
32.	«Окунь»	х.м.	40×50	1967 г.
33.	«Азали»	х.м.	69×48	1967 г.
34.	«Лимон» (этуод)	х.м.	70×50	1967 г.
35.	«Пролески»	х.м.	47×35	1968 г.
36.	«Полые цветы»	х.м.	70×79	1970 г.
37.	«В горах» (этуод)	х.м.	35×50	1970 г.
38.	«Бублики»	х.м.	79×62	1970 г.
39.	«В порту»	х.м.	25×35	1970 г.
40.	«Шталь в порту»	х.м.	25×35	1970 г.
41.	«Цветы в ночном окне»	х.м.	35×50	1970 г.
42.	«Хризантемы»	х.м.		1971 г.
43.	«Натюрморт с овощами»	х.м.	80×78	1972 г.
44.	«Цветы и камни» (этуод)	х.м.	51×71	1973 г.
45.	«Лягушка»	х.м.	70×50	1977 г.
46.	«Ужы на подоконнике»	х.м.	61×46	1977 г.
47.	«Завтрак в горах»	х.м.		1980 г.
48.	«Родендероны и лимоны»	х.м.	150×100	1978 г.
49.	«Лето»	х.м.	140×99	1979 г.

РИО Госкомиздата БССР, ПК г. Нальчик, Заказ № 1350—1000

Фото каталога работ Берты Шварц (фрагмент)

Натюрморт с табачными листьями. Холст, масло, 93x78 см, 1964 г.

Колокольчики на окне. Холст, масло, 48x51 см, 1962 г.

Натюрморт с блюдом. Холст, масло, ...

Мимозы (этюд). Холст, масло, 70х50 см, 1967 г.

Окунь. Холст, масло, 40x50 см, 1967 г.

Лилии. Холст, масло, 70x50 см, 1977 г.

Полевые цветы. Холст, масло, 70x79 см, 1970 г.

Цветы в ночном окне. Холст, масло, 35x50 см, 1970 г.

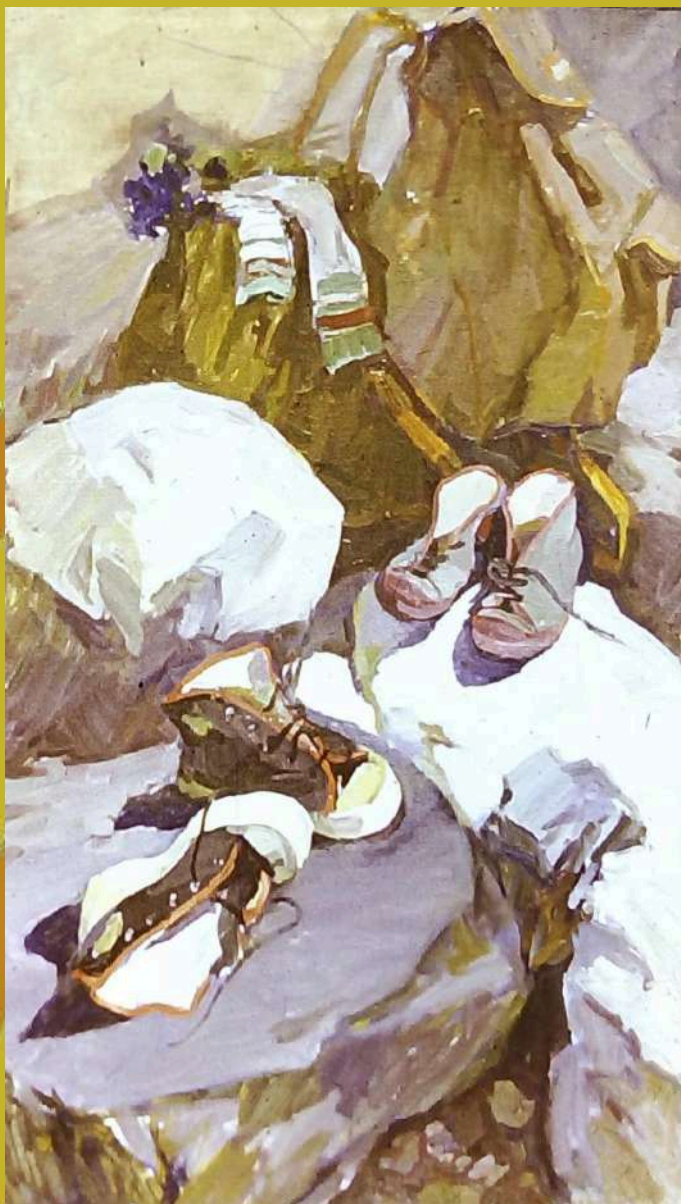
Бублики. Холст, масло, 79х62 см, 1970 г.

Хризантемы. Холст, масло, ..., 1971 г.

Художник Берга Шварц

Литературно-публицистический журнал (((СОНАР)))
№ 15, 2024 г. Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль